

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА

*Материалы международной
научно-практической конференции
(1–2 июня 2022 года)*

Омск
ОмА МВД России
2022

УДК 342.9 (082)

ББК 67

А43

Редакционная коллегия:

В. А. Гусев — доктор юридических наук, профессор (*председатель*);
О. И. Бекетов — доктор юридических наук, профессор (*заместитель
председателя*); М. А. Бучакова — доктор юридических наук, доцент;
П. В. Козловский — кандидат юридических наук; В. И. Сургутсков — кан-
дидат юридических наук, доцент (*ответственный секретарь*); О. Ю. Фи-
липпов — кандидат юридических наук, доцент

Актуальные проблемы полицейского права : мат-лы меж-
А 43 дунар. науч.-практ. конф. / пред. редкол. В. А. Гусев. — Омск : Ом-
ская академия МВД России, 2022. — 180 с.

ISBN 978-5-88651-813-9

Сборник содержит материалы международной научно-практической конференции, посвященной актуальным проблемам полицейского права и полицейской деятельности. В докладах и сообщениях участников конференции рассматриваются закономерности и предпосылки возникновения и развития отрасли полицейского права, отечественный и зарубежный опыт деятельности полиции, современное состояние и тенденции развития поли-
цейского законодательства, вопросы функционирования отдельных служб и подразделений полиции.

Предназначен для научных работников, преподавателей, курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников служб и подразделений органов внутренних дел и других правоохрани-
тельных органов.

УДК 342.9 (082)

ББК 67

ISBN 978-5-88651-813-9

© Омская академия МВД России, 2022

РАЗДЕЛ I.
ТЕОРИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА И МЕХАНИЗМА
УПРАВЛЕНИЯ. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ
АСПЕКТЫ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. Р. Асмандиярова

**Некоторые правовые аспекты деятельности
органов внутренних дел по предупреждению
экстремистских проявлений**

Деятельность сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) регулируется целым рядом нормативных правовых актов в зависимости от ее направленности, субъектов и т. д. В рамках предупреждения экстремистской деятельности можно выделить следующие правовые регуляторы: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»¹ и др.

Обоснование необходимости выбора обозначенной тематики обусловлено, в том числе, резонансным событием, произошедшим в одном из городов России: девятнадцатилетний юноша расстрелял в школе учеников и учителей, что свидетельствует о существовании в обществе экстремистских настроений [1].

Можно было бы отнести к произошедшему как к единичному случаю, но то, что в среде молодежи совершенный поступок находит отклик и поддержку, заставляет взглянуть на обозначенную проблему серьезнее [2]. Вызывает настороженность, что действия молодого человека, по версии следствия, были совершены в результате подражания представителям «одной из деструктивных интернет-субкультур».

¹ Здесь и далее в сборнике, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В рамках экстремистских проявлений уже нередки случаи привлечения к административной и уголовной ответственности лиц за высказывания, материалы, размещенные в интернете (в социальных сетях, в мессенджерах, на видеоканале YouTube, в блогах). Это касается реплик, комментариев в социальных сетях, в форумах, видеороликов, изображений, администрирования групп и сообществ, фотографий, выражающих ненависть, вражду, унижение человеческого достоинства, а также проявлений мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды.

Согласно официальной статистике в подобных случаях следует привлечение к административной ответственности по ст. 20.3.1 КоАП РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства); или к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) либо по ст. 280 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) и др.

Ситуации, когда подростки и молодежь самоутверждаются противоправными способами, к сожалению, неединичны в современном обществе. Среди субъектов профилактики экстремистских настроений ведущую роль занимают органы внутренних дел. Специализированным подразделением в структуре ОВД является подразделение по противодействию экстремизму. Однако и сотрудники других подразделений обязаны осуществлять противодействие экстремистским проявлениям в рамках своих полномочий (участковые уполномоченные полиции, сотрудники патрульно-постовой службы, подразделений по делам несовершеннолетних и др.).

С учетом характера и степени общественной опасности преступлений экстремистской и террористической направленности в 2017 г. был принят Федеральный закон, согласно которому совершение ряда преступлений экстремистской и террористической направленности является основанием для отмены решения по вопросам гражданства Российской Федерации². В системе ОВД сотрудники подразделений по вопросам миграции задействованы в реализации данного положения.

Документом, в котором аккумулированы в обобщенном виде полномочия ОВД по вопросам предупреждения преступлений, является при-

² О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ.

каз МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений». Обращаясь к нему, мы можем выделить полномочия сотрудников подразделений по противодействию экстремизму, которые проводят мониторинг оперативной обстановки в области противодействия экстремистской деятельности, принимают меры по разоблачению экстремистских организаций (сообществ) на ранних стадиях формирования путем поиска и своевременной реализации информации упреждающего характера, осуществляют оперативно-розыскные мероприятия по предупреждению преступлений, отнесенных к компетенции подразделений по противодействию экстремизму, в пределах полномочий осуществляют мероприятия по недопущению проникновения представителей экстремистских организаций (сообществ) в органы государственной власти, принимают участие в информировании населения о результатах работы в установленной области деятельности, разрабатывают и организуют проведение специальных операций и оперативно-профилактических мероприятий в установленной области деятельности, выявляют при проведении оперативно-розыскных мероприятий причины и условия, способствующие совершению преступлений, принимают в пределах компетенции меры по их устранению. Рассматриваемый приказ содержит также обязанности других подразделений ОВД по предупреждению проявлений экстремистского характера.

Подведение итогов локального обзора правовых основ предупредительной деятельности сотрудников полиции в отношении отдельного явления экстремизма позволяет засвидетельствовать существующую многогранность и сложность в ее реализации. Особенность данной деятельности заключается в необходимости комплексного использования ОВД правовых, организационно-практических, оперативно-розыскных мер, а также в согласованном сотрудничестве с другими субъектами по противодействию экстремизму.

Список источников

1. Суд продлил срок ареста обвиняемому в стрельбе в казанской гимназии. URL: <https://ria.ru/20220325/arrest-1780098343.html> (дата обращения: 07.05.2022).
2. Трагедия в школе № 175 в Казани. «Дело Галаявиева» спустя два месяца. URL: https://kazan.aif.ru/incidents/details/rasstrel_v_shkole_175_v_kazani_delo_galyavieva_dva_mesyaca_posle_tragedii (дата обращения: 19.08.2021).

С. Л. Боровская, Е. Б. Вербицкий

Правовые и организационные основы деятельности участкового инспектора милиции по профилактике правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, по законодательству Республики Беларусь

В процессе развития общественных отношений большое внимание уделяется профилактике правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения. Из года в год правоприменители сталкиваются с существенными проблемами и нерешенными вопросами в данной области. Как правило, в большинстве случаев они обусловлены отсутствием соответствующих норм в законодательстве.

Существуют различные определения понятий алкоголизма и пьянства. Так, в законодательстве Республики Беларусь под алкоголизмом понимается «заболевание, обусловленное психической или (и) физической зависимостью от алкоголя». В медицине хронический алкоголизм относят к одному из видов психических болезней. В обществе пьянство рассматривается как негативное социальное явление, представляющее чрезмерное употребление физическим лицом спиртных напитков.

Важно отметить, что понятия «алкоголизм» и «пьянство» имеют различия: при появлении физической и психологической зависимости пьянство превращается в алкоголизм.

Алкоголизация граждан — это актуальная проблема, которая способна привести к повышению уровня криминализации обстановки вследствие совершения в состоянии алкогольного опьянения правонарушений и преступлений, в том числе проституции, бродяжничества и т. д.

Согласно статистике пьянство и алкоголизм являются одной из основных причин высокого уровня преступности, а также приводят к целому ряду социальных проблем. Например, выступают одной из самых серьезных причин жестокости в семье.

Государство придает большое значение борьбе с пьянством и алкоголизмом. Например, постановлением Совета Министров от 19 января 2021 г. № 28 утверждается государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 гг. В Главе 5 данной программы определено направление государственной политики в области профилактики пьянства и алкоголизма, и оно заключается в осуществлении комплексного подхода, включающего ценовые, образовательные, ограничительные, культурные и информационно-профилактические мероприятия.

Важную роль в профилактике правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, играют меры административной ответственности.

Деятельность субъектов профилактики пьянства и алкоголизма в Беларуси регулируется административно-правовыми нормами. Отдельное внимание на национальном уровне уделяется Закону Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». В данном документе, в частности в ст. 18, регламентированы профилактические мероприятия для предупреждения правонарушений, совершаемых гражданами в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ.

В Директиве Президента Республики Беларусь «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины» от 11 марта 2004 г. № 1 также уделяется большое внимание профилактике пьянства. Пьянство рассматривается как одна из причин чрезвычайных ситуаций, нарушений трудовой дисциплины, производственного травматизма и дорожно-транспортных происшествий. В отношении специалистов в области массовой информации отметим, что в их компетенцию входит проведение информационно-просветительской работы по предупреждению распространения и употребления спиртных напитков.

В рамках системы образования и здравоохранения Республики Беларусь также предусмотрена профилактическая и просветительская деятельность, ставящая задачу предупреждения пьянства и алкоголизма среди населения. Так, в учреждениях образования реализуются тематические мероприятия, а организации здравоохранения в установленном порядке обеспечивают оказание медицинской помощи гражданам, страдающим психическими и (или) поведенческими расстройствами, вызванными употреблением алкоголя.

Выявление мест незаконного хранения и производства пищевой спиртосодержащей продукции играет важную роль в профилактике нарушений законодательства и обеспечении безопасности населения. Это связано с тем, что так называемый «контрафактный» алкоголь часто изготовлен из некачественных продуктов, что впоследствии наносит серьезный вред здоровью населения.

Профилактикой правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, в Беларуси занимается милиция общественной безопасности, в частности участковые инспекторы милиции.

Согласно приказу МВД Республики Беларусь от 5 ноября 2021 г. № 300 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности участкового инспектора милиции» последний обязан проводить профилактику правонарушений на обслуживаемом участке. Так, участковый инспектор выносит на обсуждение соответствующие вопросы и проблемы такой профилактики среди членов трудового коллектива. Его задача заключается в популяризации здорового образа жизни, информировании о вреде употребления алкоголя и пьянства в целом.

В процессе профилактики правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, участковый инспектор милиции составляет и формирует списки граждан, которые в последующем будут направлены на лечение в лечебно-трудовые профилактории. Данная область регулируется Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них».

Таким образом, профилактика правонарушений — это важнейший инструмент обеспечения защиты законных интересов личности, общества и государства. В Республике Беларусь профилактика правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, эффективно реализуется участковыми инспекторами милиции. В своей деятельности они применяют различные формы и методы профилактики, что благоприятно сказывается на снижении уровня криминальности в целом.

Однако в правоприменительной практике существует проблема. Она заключается в том, что в законодательстве нет определения напитка «пиво». В связи с этим граждане могут привлекаться к ответственности по статье 19.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях за распитие безалкогольного пива в общественном месте. На наш взгляд, такая ситуация недопустима. В старой редакции КоАП в ст. 1.3. «Разъяснение отдельных терминов Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» содержалось такое определение: «Пиво — напиток, получаемый путем сбраживания охмеленного солодового сусла пивными дрожжами, с объемной долей этилового спирта 0,5 и более процента».

Исходя из этого, обратим внимание на Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 395-2017, в котором приведено более детализированное определение данного напитка: «Пиво — это пенистый напиток, полученный из пивоваренного солода, хмеля и (или) хмелепродуктов и воды с использованием пивных дрожжей, с применением или без применения зерна, зернопродуктов, сахаросодержащих продуктов и друго-

го пивоваренного сырья, содержащий спирт, образовавшийся исключительно в процессе брожения сусла». Согласно данной дефиниции спирт образуется в процессе брожения пивного сусла, следовательно, в безалкогольном пиве данного процесса нет. На наш взгляд, нет оснований привлекать людей к ответственности за распитие безалкогольного пива, ведь по своей сути алкоголесодержащим напитком оно не является.

Н. А. Бувака, К. С. Райх

**О критериях, необходимых для участия
в государственной программе Хабаровского края
«Оказание содействия добровольному переселению
в Хабаровский край соотечественников,
проживающих за рубежом»**

В условиях демографических недостатков, выражающихся в депопуляции, снижении трудового потенциала, процессах старения населения Российской Федерации, и с учетом прогнозируемого сохранения до 2035 г. его негативного натурального прироста одним из основных факторов возмещения естественной убыли населения является постоянная миграция [1].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» постановлением Правительства Хабаровского края от 25 апреля 2013 г. № 355-пр принята Государственная программа Хабаровского края «Оказание содействия добровольному переселению в Хабаровский край соотечественников, проживающих за рубежом» (далее — Государственная программа) (ранее Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, реализовывалась на основании Закона Хабаровского края от 27 июня 2007 г. № 128 «О программе Хабаровского края по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»).

Государственная программа ориентирована на объединение возможностей соотечественников, проживающих за рубежом, с потребностями развития Хабаровского края. Ее цель — создание условий и содействие добровольному переселению в Хабаровский край соотечественников для улучшения демографического положения в крае.

Установлены критерии, необходимые для участия в Государственной программе:

- возраст от 18 до 72 лет;
- переселение в целях осуществления трудовой, инвестиционной деятельности, получения образования;
- наличие профессионального образования, квалификации, стажа работы по заявленной профессии;
- наличие документов, подтверждающих образование;
- наличие документов, подтверждающих обозначенный в заявлении трудовой стаж;
- отсутствие непогашенной или неснятой судимости у соотечественника (членов его семьи);
- обучение в организациях профессионального и высшего образования более половины срока.

В зависимости от выбранной территории вселения участник Государственной программы и члены его семьи имеют право на получение государственных гарантий и социальной поддержки, предоставляемых за счет средств федерального бюджета. В реализации Государственной программы принимают участие 80 субъектов Российской Федерации в 8 федеральных округах (рис. 1).

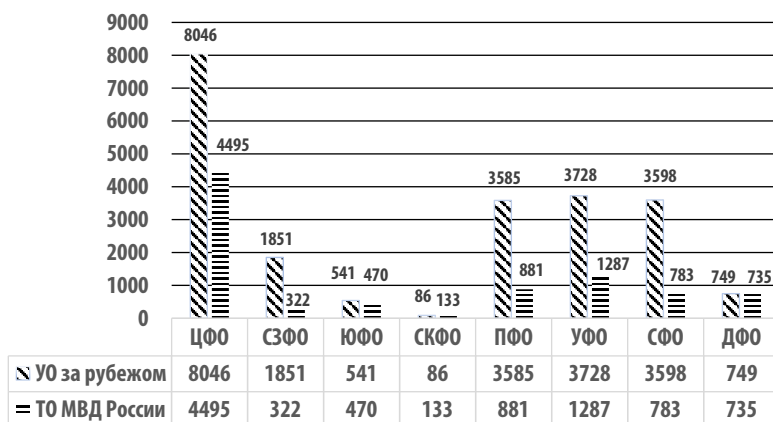

Рис. 1. Распределение соотечественников (вместе с членами их семей), подавших в IV квартале 2021 г. заявления об участии в Государственной программе, по месту подачи и федеральным округам, чел.

Прием заявлений об участии в Государственной программе осуществляется на территории Российской Федерации и в представительствах МВД России за рубежом (рис 2).

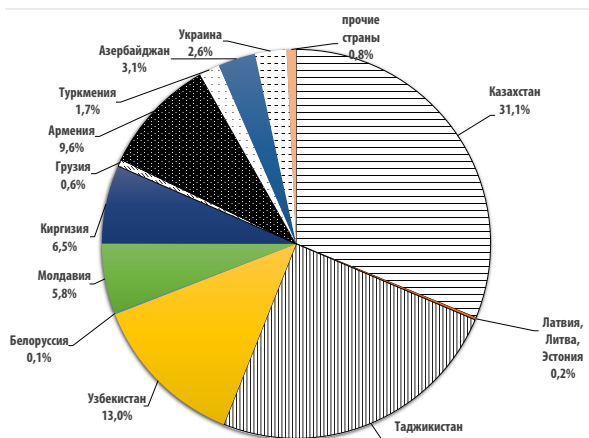

Рис. 2. Распределение соотечественников (вместе с членами их семей), подавших в IV квартале 2021 г. заявления об участии в Государственной программе, по гражданству стран исхода

Реализация Государственной программы в Хабаровском крае планируется до 2024 г. (табл. 1).

Таблица 1. Количество соотечественников, принявших участие в Государственной программе Хабаровского края с начала ее реализации

	2007–2021 гг.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Участники	10653	1187	614	861
Члены семьи	7576	1076	377	1173
Всего	18229	2263	991	2034

В 2022 г. Комитетом по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края рассмотрено 805 заявлений об участии в Государственной программе. Вынесено 691 положительное решение (85,8%) и 114 отрицательных решений (14,2%). Основной причиной отказов является несоответствие претендентов требованиям Государственной программы, а именно отсутствие стажа работы либо профессионального образования и подтверждающих их документов.

В ряде регионов одним из критериев, необходимых для участия в Государственной программе, выступает стаж работы на территории вселения:

Воронежская область — 6 месяцев;

Калужская область — 1 год;

Сахалинская область — не менее 12 месяцев;

Калининградская область — не менее 3 месяцев;

Краснодарский край — не менее 6 месяцев;

Алтайский край — не установлен (но установлено условие проживания на территории вселения не менее 6 месяцев).

Государственной программой Хабаровского края конкретный срок трудового стажа, необходимый для участия в Государственной программе, не установлен.

В вышеперечисленных регионах одним из критериев несоответствия требованиям участия в Государственной программе является возраст — недостижение 18-летнего возраста или превышение пенсионного возраста. В Государственной программе Хабаровского края возрастные границы составляют 18–72 года, что значительно расширяет круг претендентов и снижает уровень трудового потенциала. Так, из 2034 соотечественников, прибывших на территорию края в 2021 г., всего 1314 человека (64,6%) являются гражданами трудоспособного возраста (табл. 2).

Таблица 2. Распределение участников Государственной программы по возрасту

Возраст, лет	2020 г.	2021 г.
До 40	73,3%	76,1%
41–50	14,0%	12,6%
Старше 50	12,7%	11,3%

Еще одним критерием участия в Государственной программе Хабаровского края является обучение в организациях профессионального и высшего образования не менее половины срока. Однако в ряде регионов, таких как Алтайский край, Сахалинская область, Калининградская область, участниками Государственной программы могут стать студенты, обучающиеся на последних курсах в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования (табл. 3).

Например, в Ростовской области преимуществом при рассмотрении заявлений на участие в Государственной программе пользуются соотечественники, планирующие переселиться в сельскую местность, в том числе для работы в медицинских организациях, что в настоящее время является очень актуальной проблемой и в Хабаровском крае в связи с нехваткой специалистов, не желающих работать в отдаленных районах из-за отсутствия необходимого материального, технического обеспечения и несоответствующего уровня заработной платы.

Таблица 3. Распределение участников Государственной программы по уровню образования

Образование	2020 г.	2021 г.
Полное и основное среднее	14%	13,0%
Среднее профессиональное	49%	41,1%
Высшее	37%	45,9%

Участник Государственной программы и члены его семьи имеют ряд преференций: право на получение разрешения на временное проживание без учета квоты, материальное, социальное и жилищное обеспечение. В 2020 г. реализован ряд законодательных инициатив, в том числе направленных на упрощение условий и порядка приобретения российского гражданства, способствующих переселению в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом.

Однако добровольный отказ от участия в Государственной программе дает возможность ее участнику и членам его семьи воспользоваться всеми вышеперечисленными привилегиями, и на законном основании покинуть территорию Хабаровского края, уехать на постоянное место жительства в другой субъект или вовсе за пределы Российской Федерации, имея гражданство Российской Федерации.

Несмотря на это в целом стоит отметить несомненные положительные моменты данной программы.

Благодаря миграционному возрастанию Государственная программа способствует компенсации естественной убыли населения Хабаровского края. В регион возвращаются люди, имеющие высшее и среднее профессиональное образование. При этом все участники программы, имеющие полное и основное среднее образование, являются студентами образовательных организаций профессионального и высшего образования, а также носителями ряда востребованных профессий. Данный факт очень важен на фоне того, что значительная масса лиц, эмигрирующих из России, имеют высшее образование. Программа позволяет соотечественникам самим выбрать субъект переселения, что создает атмосферу добровольности, возможности выбора. Стоит отметить, что компенсация транспортных расходов, получение подъемных, жилищной субсидии значительно смягчают период адаптации переселенцев на новом месте благодаря снижению их экономических затрат.

Список источников

1. *Красинец Е. С.* Миграционная составляющая демографической динамики в развитии человеческого капитала современной России // Миграционное право. 2021. № 1.

Является ли дорожный знак конклюдентным актом управления?

В связи с отсутствием в российском законодательстве официально сформулированного понятия «административно-правовой акт» и его существенных признаков в научной литературе сложились две диаметрально противоположные точки зрения относительно формы выражения административно-правового акта (правового акта управления, административного акта) [1, с. 77–79].

Так, нет единой позиции относительно того, может ли правовой акт управления иметь конклюдентную форму. По мнению П. И. Кононова, «дорожные знаки, а также сигналы светофора ... не могут быть признаками административно-правовыми актами, поскольку они, во-первых, не являются властным волеизъявлением каких-либо административно-публичных органов, решениями таких органов, а во-вторых, применяются посредством использования не официально-документальной, а технико-визуальной формы» [2, с. 118]. Данное суждение, на наш взгляд, не совсем верно, так как оно не учитывает правовую природу понятия акта, а также правовую основу принятия решений об установке дорожных знаков.

В Словаре С. И. Ожегова под актом понимается единичное действие, а также поступок, проявление действий [3, с. 24].

В современном понимании «акт» (от латинского *actus*) — поступок, действие; постановление или документ, имеющие юридическое значение [4, с. 28]. Таким образом, понятие «акт» сводится к письменному документу либо действию.

Правовую основу размещения на дороге дорожных знаков и светофоров регламентирует триада федеральных законов.

1. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (далее — Закон о безопасности дорожного движения).

2. Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон об автомобильных дорогах).

3. Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон об организации дорожного движения).

Согласно п. 10 ст. 3 и ч. 7 ст. 11 Закона об организации дорожного движения дорожные знаки, разметка, светофоры, дорожные ограждения, направляющие устройства и иные сооружения и устройства относятся к техническим средствам организации дорожного движения (далее — ТСОДД). Размещение ТСОДД, не предусмотренных документацией по организации дорожного движения, не допускается.

Исходя из положений Закона об организации дорожного движения, законодатель к документации по организации дорожного движения относит два документа: комплексные схемы организации дорожного движения (далее — КСОДД) и проекты организации дорожного движения (далее — ПОДД).

Разработка документации по организации дорожного движения осуществляется в соответствии с указанным ранее федеральным законодательством, иными нормативными правовыми актами РФ, субъектов РФ и муниципальными нормативными правовыми актами, а также с учетом Перечня документов по стандартизации, обязательное применение которых обеспечивает безопасность дорожного движения при его организации на территории РФ (далее — Перечень), утвержденного распоряжением Правительства РФ от 4 ноября 2017 г. № 2438-р.

Требования, предъявляемые к документации по организации дорожного движения, установлены Правилами подготовки документации по организации дорожного движения (далее — Правила), утвержденными приказом Минтранса России от 30 июля 2020 г. № 274 в соответствии с которыми КСОДД и ПОДД содержат графические материалы, в том числе схемы расстановки ТСОДД, являющиеся неотъемлемой их частью.

В соответствии с Правилами КСОДД утверждаются должностными лицами органов местного самоуправления или муниципальным правовым актом (подпункт 2 п. 15), ПОДД — должностным лицом органа власти (подпункт 2 п. 55 Правил). Проведенный анализ нормативных актов показал, что данные решения принимают органы исполнительной власти субъектов РФ и муниципальных образований¹ [1, 2].

Таким образом, решение об установке дорожных знаков, светофоров, искусственных неровностей и других сооружений и устройств на до-

¹ Об утверждении Комплексной схемы организации дорожного движения на автомобильных дорогах общего пользования местного значения на территории Шимского муниципального района на период 2019–2035 года : постановление администрации Шимского муниципального района от 14 января 2020 г. № 4 ; Об отдельных вопросах организации дорожного движения на автомобильных дорогах регионального или межмуниципального значения : Закон Омской области от 30 января 2019 г. № 2136-ОЗ.

роге, бесспорно, является властным волеизъявлением административно-публичных органов, облеченным в официально-документальную форму, влекущим наступление определенных правовых последствий для субъектов. При этом указанные ТСОДД (дорожные знаки, светофоры и др.), размещенные на дороге, следует признать технико-визуальной формой реализации такого решения.

Вместе с тем следует обратить внимание, что из общих правил размещения на дороге ТСОДД есть исключения. Так, пункт 25 Порядка осуществления временных ограничений или прекращения движения транспортных средств по автомобильным дорогам федерального значения и частным автомобильным дорогам (далее — Порядок), утвержденного приказом Минтранса России от 12 августа 2011 г. № 211, сотрудникам органов внутренних дел дано право без издания каких-либо распорядительных актов вводить временные ограничения вплоть до полного прекращения движения путем установки соответствующих дорожных знаков или иных ТСОДД. Более того, данное право закреплено за полицией п. 20 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

Такая исключительность продиктована необходимостью оперативно реагировать на различные чрезвычайные ситуации сотрудникам органов внутренних дел, когда иными мерами обеспечить безопасность дорожного движения просто невозможно (аварийные ситуации; дорожно-транспортные происшествия; технологические аварии; повреждение автомобильных дорог, эксплуатация которых недопустима по условиям безопасности дорожного движения; проведение публичных и массовых мероприятий).

В этом случае дорожные знаки, выставленные без специально принятого распорядительного акта, следует признать не технико-визуальной формой реализации принятого решения, а самостоятельным административно-правовым актом управления.

Подводя итог сказанному, мы приходим к выводу, что в зависимости от правовых оснований размещения дорожных знаков на дороге, они могут выступать как технико-визуальной формой реализации принятого решения об их установке, так и самостоятельными конклюдентными административно-правовыми актами (правовыми актами управления).

Список источников

1. Волков К. С. Устные приказы, распоряжения руководителя (начальника) как административно-правовые акты // Актуальные проблемы полицейского права : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвященной

10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Омск, 2021.

2. Кононов П. И. Основные категории административного права и процесса : монография. М., 2013.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1973.

4. Современный словарь иностранных слов. М., 1993.

А. А. Горячев

Взгляды полицейстов конца XIX — начала XX вв. на проблемы регулирования отношений в области защиты здоровья населения и общественной нравственности

Какие проблемы волновали полицейстов конца XIX — начала XX века, что являлось с их точки зрения актуальным, и актуальны ли эти проблемы в настоящее время?

В целях получения ответов на поставленные вопросы рассмотрим ряд научных взглядов ученых указанного периода на проблемы регулирования отношений в области защиты здоровья населения и общественной нравственности.

Так, полицейст, профессор Иван Ефимович Андреевский (1831–1891), утверждал, что пресса как нравственная сила и главный фактор человеческого развития вызывает в государстве необходимость наиболее содействующих ее расширению и развитию условий. Но, являясь особым социальным институтом, устное слово, письмо и особенно печать могут нарушить право отдельного лица, общества или государства [1, с. 52–53].

Контроль над средствами массовой информации обеспечивался цензурой, которой, по словам И. Е. Андреевского, «предупреждалось внесение в общество вредных начал для общественного порядка, нравственности и развития, наконец, она давала в руки правительства средство надлежащего воспитания масс и выгодного для страны развития умов» [1, с. 54]. Наряду с этим профессор Андреевский был убежден, что «никакое цензурное законоположение не в состоянии изобрести такой инструкции, которая бы могла точным образом оградить интересы страны и правительства» [1, с. 55].

Профессор Владимир Федорович Дерюжинский (1861–1920) настаивал, что необходимо создавать условия для гарантии свободного разви-

тия средств массовой информации, так как установление ряда условий, способствующих их развитию, есть одна из важнейших задач государственного управления [2, с. 117]. По мнению В. Ф. Дерюжинского, трудность заключается в том, что, обеспечивая свободу средств массовой информации, государство должно учитывать возможность злоупотреблений.

Российский правовед, профессор Иван Трофимович Тарасов (1849–1929) видел необходимость введения запретительных мер в области заключения отдельных видов брачных союзов. Он полагал, что необходимо на законодательном уровне запретить заключение слишком ранних либо слишком поздних браков, а также браков между ближайшими родственниками [3, с. 178]. И. Т. Тарасов говорил, что «государство заинтересованно в том, чтобы иметь крепкое, здоровое население, состоящее из честных, развитых и нравственных граждан, тогда как, наоборот, хилое, морально неразвитое население, склонное к порочной жизни и преступлениям, есть великое бедствие, отражающееся губительно на условиях общественной и политической жизни» [3, с. 177–178].

Специалист по административному праву профессор Аркадий Иванович Елистратов (1874–1955) затрагивал проблему детской беспризорности, которая ведет к проституции и иным видам асоциального поведения. Он утверждал, что «беспризорность ведет к моральному одичанию ребенка и делает его беспомощным перед соблазнами улицы...» [4, с. 98].

Профессор Михаил Николаевич Гернет (1874–1953) свидетельствовал, что общим фактором, влияющим на нравственный облик подросткового населения, выступают плохие жилищные условия и материальная необеспеченность, акцентируя внимание на том, что «тяжелые экономические условия жизни малолетних, невыносимые квартирные условия являются общими факторами всякой, в частности и детской преступности...» [5, с. 136].

Переходя к еще одной проблеме, следует привести мнение профессора Дерюжинского, заключающееся в том, что пьянство приносит большой вред [2, с. 316]. Немного позже М. Н. Гернет также говорил, что «влияние алкоголизма на благополучие общества и преступность несомненно и могущественно» [5, с. 353]. По его мнению, жертвами пьянства становятся лица, не являющиеся алкоголиками, так как алкоголизм оказывает косвенное влияние на общество и на отдельных его граждан.

Применительно к этой проблеме физиолог, химик, профессор Густав Александрович Бунге (1844–1920) мотивированно полагал, что не при-

нуждение пить является главным источником страсти к пьянству. Тысячу раз более опасным, чем это принуждение, является систематический утонченный соблазн, которым наполнены рекламные акции, направленные на продвижение алкогольной продукции в массовое потребление [6, с. 14].

Профессор Тарасов утверждал, что «пьянство в качестве социального недуга действует самым разлагающим образом на нравственность, культурное развитие, здоровье, материальное состояние и общественные отношения» [3, с. 228]. Пьянство среди населения, по мнению И. Т. Тарасова, распространяется пропорционально росту количества питейных заведений, в связи с чем было предложено запрещать проведение в питейных заведениях разного рода зрелищ и увеселений, не разрешать содержание этих заведений женщинами или работу в них женской прислуги, а также не допускать установку мягкой или даже всякой мебели.

В. Ф. Дерюжинский предполагал, что «соблазн к пьянству усиливается тем более, чем чаще, удобнее и дешевле представляется случай к удовлетворению потребности в спиртных напитках» [2, с. 331]. При этом он полагал, что если пьянству подвержена определенная группа людей, «в таком случае пьянство, не ограничиваясь вредными последствиями для того, кто предается этому пороку, охватывает, распространяясь постепенно, большое число лиц и пагубно отражается на интересах семейства, общества и государства» [2, с. 313]. Раскрывая проблему пьянства и защищая отдельных лиц, подвергшихся этому пороку, он заключил, что «обвинять в безнравственности, пороке и греховности пьяницу за его физическую неспособность остановиться так же несправедливо, как было бы несправедливо обвинять идиота за его идиотизм или прирожденного эпилептика за его эпилепсию».

Еще одной проблемой, стоящей перед учеными рассматриваемого нами периода, являлась необходимость защиты общественной нравственности от различного рода соблазнов. В связи с этим И. Т. Тарасов к отрицательным явлениям относил «публичную выставку и распространение всякого рода соблазнительных картин, изваяний, изображений, сочинений и т. п., публичные представления развращающего свойства, и всякого рода оскорбляющие общественную нравственность соблазнительные публичные действия, выражения, знаки и пр.» [3, с. 268].

В отношении проблем санитарного благополучия населения профессор Тарасов выделял наличие двух факторов, влияющих на распространение заразных заболеваний — специфический и добавочный (социальный). К специфическому фактору он отнес сам источник болезни,

а к добавочному — условия труда и отдыха, тесноту, грязь, холод, а также плохое питание. Профессор Тарасов для борьбы с болезнями предлагал активно использовать превентивные меры, к которым относил изоляцию, дезинфекцию и карантин [3, с. 570]. Кроме того, И. Т. Тарасов в отношении бродяг и лиц, не имеющих постоянного места жительства, эффективной мерой предлагал введение для них принудительного труда [3, с. 217].

Мы рассмотрели проблемы, которые волновали ученых конца XIX — начала XX в. в сфере регулирования общественных отношений в области защиты здоровья населения и общественной нравственности. Очевидно, что некоторые из перечисленных проблем актуальны в настоящее время.

Список источников

1. *Андреевский И. Е.* Полицейское право : соч. Т. 1. СПб., 1871.
2. *Дерюжинский В. Ф.* Полицейское право : пособие для студентов. СПб., 1908.
3. *Тарасов И. Т.* Учебник науки полицейского права. Вып. первый. М., 1891.
4. *Елистратов А. И.* Борьба с проституцией в Европе. Казань, 1909.
5. *Гернет М. Н.* Дети-преступники : сб. ст. М., 1912.
6. *Бунге Г.* Алкоголизм и вырождение : пер. с нем. врача Л. Б. Грановского. М., 1910.

Т. Е. Грязнова

Институт административной юстиции: взгляд Б. Н. Чичерина

Проблема правосудия со второй половины XIX в. занимает одно из центральных мест в трудах либеральных представителей отечественной юриспруденции. Осмысление места судебной власти в механизме государства происходило в рамках теории разделения властей, активно разрабатываемой в связи с незавершенностью судебной реформы 1864 г. и осознанием необходимости трансформации Российской империи в конституционную монархию.

Постулируемые судебной реформой принципы формального равенства, независимости и несменяемости судей, отделение суда от администрации фактически не распространялись на сохранившиеся судебные

учреждения с особой компетенцией (духовные, военные, коммерческие и др. суды) и, несмотря на свою безусловную прогрессивность, не получили последовательного закрепления в отечественном законодательстве.

Устойчивая практика рассмотрения судебных дел административными органами и, наоборот, выполнения судебными органами функций административного характера обусловила определенный прагматизм авторов в интерпретации данной темы. Развивая идеи независимого, справедливого и беспристрастного суда как главного гаранта обеспечения прав и свобод человека, всех ценностей, присущих идеалу правового государства, отечественные ученые последовательно проводили мысль о необходимости разграничения властей, как правило, оставляя за рамками своих интересов вопрос об их взаимодействии.

Так, Б. Н. Чичерин, настаивая на разграничении суда и управления, исходит в первую очередь из принципов, лежащих в основе их деятельности: принцип законности, будучи важнейшим принципом права и фундаментом правосудия, в области администрирования нередко уступает место принципу целесообразности. Поэтому «твердость законного порядка требует, чтобы гражданам были представлены гарантии, которые они могут найти только в независимом суде. Это требование вдвойне необходимо при конституционном устройстве» [1, с. 365-366].

Однако есть область, где управление и правосудие могут выступать единым целым. Это, по мнению автора, область административной юстиции. «Административная юстиция... обнимает дела, возникающие из исполнения того, что вверено администрации, при столкновении ее деятельности с частными правами, относящимися к этой области» [1, с. 366], — подчеркивает Б. Н. Чичерин.

Отметим, что институт административной юстиции далеко не однозначно оценивался российскими правоведами, чему в немалой степени способствовал анализ исторического опыта его существования в странах европейского конституционализма. В частности, сильная административная централизация и административная юстиция во Франции рассматривались отечественными учеными в качестве факторов, несущих угрозу для демократических прав и свобод граждан.

Список источников

1. Чичерин Б. Н. *Общее государственное право* / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2006.

А. А. Емельянова

Административно-правовая профилактика правонарушений, совершаемых подростками, осуществляемая подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в современных условиях

Пандемия коронавируса 2020 г. оказала влияние на все сферы жизнедеятельности человека. Она стала испытанием не только для экономики и здравоохранения страны, но и для общественного уклада, системы образования. Коснулось это и несовершеннолетних граждан. Сначала большинство подростков восприняли информацию о временном прекращении занятий радостно. Но никто не ожидал, что время дистанционного обучения затянется на долгие месяцы. Длительное нарушение привычного образа жизни повлекло изменение мировоззрения и мировосприятия подрастающего поколения.

Во-первых, образование и досуг — основные составляющие жизнедеятельности большинства подростков, но в условиях длительной изоляции посещение учреждений этой категории было запрещено.

Во-вторых, на фоне экономического кризиса выросла бедность, снизился доход во многих семьях, увеличилось количество разводов, семейного насилия и конфликтов, что способствовало минимизации внимания со стороны родителей к детям.

В-третьих, подростки, которые и раньше проводили большую часть свободного времени в социальных сетях, в период изоляции и дистанционного формата общения погрузились в мир социальных сетей в режиме *non stop*. При этом их психика часто не готова к восприятию и фильтрации негативной информации, содержащейся в интернете.

Многие подростки, пытаясь реализоваться в новых обстоятельствах или уйти от проблем действительности, избрали криминальный путь. Согласно официальным данным, предоставленным Министерством внутренних дел Российской Федерации, по сравнению с 2019 г. в 2020 г. количество преступлений, совершенных подростками, снизилось на 9,1%¹. Однако сведения, предоставленные Генеральной Прокуратурой Российской Федерации, свидетельствуют о ежегодном росте удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений со стороны подростков и об их кривой и насильственной направленности. Нельзя не отметить и рост

¹ Официальные статистические данные о состоянии преступности за 2020 год. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 18.07.2022).

преступлений в сфере информационных технологий (киберпреступность), совершенных несовершеннолетними². Настораживает и пугает то, что возраст подростков помолодел, а большую часть правонарушений совершают дети из внешне благополучных (по меньшей мере) материально семей. В современном мире криминальная активность подростков нарастает независимо от материального благосостояния населения. Юные правонарушители выходят как из семей с низким достатком, так и из семей со средним или высоким уровнем дохода.

Важным фактором, способствующим росту молодежной преступности, является слабая, формальная профилактика правонарушений несовершеннолетних, которая в совокупности с отсутствием системы пробации в нашей стране сводит на нет возможности предупредительного воздействия на потенциальных преступников. В выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России 3 марта 2021 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что важнейшим приоритетным направлением деятельности ОВД является развитие системы профилактики правонарушений в молодежной среде, так как каждое четвертое преступление, совершенное подростками, — это тяжкое и особо тяжкое преступление, что является для общества тревожным сигналом.

Государственная политика в сфере предупреждения и пресечения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав представляет собой деятельность федеральных органов государственной власти, государственных органов субъектов Федерации, органов местного самоуправления, входящих в данную систему профилактики, направленную на максимальное обеспечение справедливости и защиты интересов несовершеннолетних, создание благоприятных условий для их полного включения в социально-экономическую и культурную жизнь общества, предупреждение и пресечение безнадзорности и правонарушений с их стороны.

В полном объеме обязанности по предупреждению правонарушений несовершеннолетних возложены на подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, деятельность которых регламентируется Федеральным законом РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», а также приказом МВД России от 15 октября 2013 г.

² *Преступность* в регионах. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total_ (дата обращения: 18.05.2022).

№ 845 «Об утверждении Инструкции по организации работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел». Данные нормативно-правовые акты определяют цели, задачи, основные направления деятельности подразделений по делам несовершеннолетних, права и обязанности сотрудников, а также функции в сфере профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних.

Несвоевременное принятие соответствующих мер влечет распространение противоправного поведения несовершеннолетних и представляет собой угрозу для нормального развития государства, поскольку способствует увеличению количества асоциальных проявлений, росту правонарушений и преступлений, подрывает нравственные основы общества. Такие негативные тенденции представляют угрозу будущему нашей страны, поскольку эволюция любого государства тесно связана с физическим и нравственным здоровьем, качественным воспитанием и образованием подрастающего поколения.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости разработки концептуальных мер административно-правовой профилактики правонарушений, совершаемых лицами, не достигшими 18-летнего возраста, осуществляемой подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в современных условиях.

О. А. Кожевников

Министерство внутренних дел России в единой системе публичной власти

15 января 2020 г. Глава нашего государства в своем Послании Федеральному Собранию обозначил основные направления трансформации государственного строительства, которые, по его мнению, могли бы создать прочную, надежную систему гарантий независимости и суверенитета государства, совмещенную с гибкой и своевременно реагирующей конституционной основой для дальнейшего поступательного развития российского общества*.

Одной из форм реализации вышеуказанной трансформации стало закрепление в 2020 г. в обновленном тексте Конституции РФ положений о единой системе публичной власти, направленной на эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами, ко-

* Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г.

нечной целью которого является улучшение качества функционирования всего аппарата государства в интересах граждан на конкретной территории их проживания.

В развитие положений ч. 3 ст. 132 Конституции РФ был принят Федеральный закон от 18 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (далее — Закон № 394-ФЗ), в котором определены основы функционирования публичной власти, а также статус, организационно-правовые основы формирования и деятельности Государственного Совета Российской Федерации. Позднее указанные конституционные положения получили свое развитие в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее — Закон № 414-ФЗ), который закрепляет порядок образования, формирования и деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, их полномочия и ответственность, вопросы взаимодействия между собой и с иными органами, входящими в единую систему публичной власти в субъектах Российской Федерации. Завершающим этапом построения конституционной основы единой системы публичной власти должно было стать принятие внесенного 16 декабря 2021 г. в Государственную Думу РФ законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее — законопроект № 40361-8), однако его бурное обсуждение и неоднозначные оценки экспертного сообщества отодвинули ожидаемую дату его принятия на неопределенный срок.

Таким образом, в настоящее время мы, очевидно, можем констатировать целенаправленное формирование законодательной базы реализации конституционной основы единой системы публичной власти на федеральном и региональном уровнях государственной власти. При этом в качестве основополагающих критериев формирования названной системы взяты два: организационная структура и цели. Анализ и содержание данных критериев в полной мере позволяют говорить о включенности в единую систему публичной власти мощного правоохранительного органа — Министерства внутренних дел России.

В частности, согласно Закону № 394-ФЗ в единую систему публичной власти включены федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления. В соответствии с Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Ти-

пового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» Министерство внутренних дел Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел. Нельзя не отметить, что вхождение МВД России в единую систему публичной власти не нашло подтверждения в персональном составе Государственного Совета России, поскольку согласно Указу Президента РФ от 21 декабря 2020 г. № 799 «Об утверждении состава Государственного Совета Российской Федерации» среди его членов нет руководителя МВД России, впрочем как и иных руководителей федеральных министерств правоохранительного блока. Вероятно, это связано с тем, что в составе этого конституционного государственного органа присутствуют Президент РФ, а также все руководители федеральных и региональных органов государственной власти, тем самым создается организационно-правовая база для обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти.

Как было отмечено ранее, помимо структурной организации, единая система публичной власти обладает и таким критерием, как целевое предназначение. В части 3 ст. 132 Конституции РФ такой целью определено эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Несколько в ином, расширительном аспекте заявлена цель единой системы публичной власти в Законе № 394-ФЗ: соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, создание условий для социально-экономического развития государства.

Вполне логичным и обоснованным представляется участие МВД России в реализации вышеуказанных целей в рамках установленных для данного органа исполнительной власти полномочий. В частности, ранее упоминаемый Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» в качестве задач МВД России определяет: обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступ-

ности, охрану общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности; обеспечение социальной и правовой защиты сотрудников органов внутренних дел, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России, граждан, уволенных со службы в органах внутренних дел с правом на пенсию, членов их семей, а также иных лиц, соответствующее обеспечение которых на основании законодательства Российской Федерации возложено на МВД России. При этом заявленные задачи решаются в тесном взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, иными государственными органами, с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, местного самоуправления, общественными объединениями и организациями.

Однако не только на федеральном уровне единой системы публичной власти осуществляется функциональное присутствие МВД России. В соответствии с частью 3 ст. 1 Закона № 414-ФЗ федеральные органы государственной власти, осуществляющие свои полномочия на территории субъекта Российской Федерации непосредственно или через создаваемые ими территориальные органы, наряду с органами государственной власти субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления, действующими на территории субъекта Российской Федерации образуют совокупность органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации.

Помимо МВД России, которое осуществляет свою деятельность на всей территории РФ без исключения, в ее состав входят также его территориальные органы на региональном уровне, которые осуществляют свою деятельность непосредственно и (или) через подчиненные территориальные органы МВД России на районном уровне. В соответствии с ч. 2 ст. 2 № 414-ФЗ органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, осуществляют взаимодействие в целях создания условий для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах территории субъекта Российской Федерации.

В соответствии с Типовым положением о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699, территориальному органу МВД России предоставлено право осуществлять следующие полномочия: участвовать в реализации государственной политики в сфере внутренних дел, в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров,

в сфере миграции на территории субъекта Российской Федерации; разрабатывать меры по укреплению правопорядка на территории субъекта Российской Федерации; вносить в органы государственной власти субъекта Российской Федерации предложения по совершенствованию защиты личности, общества и государства от противоправных посягательств; принимать в пределах своей компетенции меры по предупреждению преступлений и административных правонарушений, выявлению и устранению причин и условий, способствующих их совершению на территории субъекта РФ, и др. Таким образом, в пределах своей компетенции территориальные органы МВД России, структурно входящие в единую систему публичной власти в субъекте РФ, в рамках действующего законодательства и установленной им компетенции принимают участие в обеспечении устойчивого и комплексного социально-экономического развития субъекта Российской Федерации.

В настоящее время идет непростая работа по совершенствованию текста законопроекта № 40361-8, в котором предполагается закрепить обновленные законодательные основы организации и функционирования местного самоуправления на всей территории РФ. С учетом положений ч. 3 ст. 132 Конституции РФ логично предположить, что названный законопроект в своей окончательной редакции также будет содержать положения о формах участия и взаимодействия между структурными единицами системы МВД России и органами местного самоуправления и населением, проживающим на соответствующей территории. Однако следует дожидаться принятия упомянутого законопроекта.

В заключение отметим, что формирование и реализация конституционно-правовых основ единой системы публичной власти находится на начальном этапе своего развития, однако уже сейчас можно с уверенностью сказать, что все подразделения МВД России принимают участие в рамках обозначенной законодательством компетенции в реализации целей единой системы публичной власти и хочется надеется, что такое участие в дальнейшем будет не только возрастать, но и укрепляться.

Н. В. Ландерсон

Меры административного понуждения, применяемые в сфере контрольно-надзорной деятельности полиции

В теории административного права на протяжении многих лет устойчиво формировалось научное представление о видах мер админи-

стративного принуждения, применяемых в деятельности органов публичной администрации, в том числе органов внутренних дел (полиции), по выявлению, пресечению и привлечению к административной ответственности за совершаемые правонарушения (принудительные меры административного предупреждения, меры административного пресечения, меры административно-процессуального обеспечения, меры административной ответственности (административные наказания)). Так, М. И. Еропкин по способу обеспечения общественного порядка выделяет три группы мер административного принуждения: административные взыскания, меры административного пресечения, административно-предупредительные меры [1, с. 60–68]. Д. Н. Бахрах в качестве мер административного принуждения выделяет «меры административного пресечения: общие (превентивное задержание, принудительное лечение, предписание, административный надзор и др.), специальные (применение физической силы, специальных технических средств, оружия), административно-процессуальные (доставление, привод, личный допрос и др.); административно-восстановительные меры, применяемые с целью возмещения причиненного ущерба, восстановления прежнего положения вещей (взыскание ущерба, снос самовольно возведенных строений и сооружений, административное выселение из самовольно занятых жилых помещений, пеня, взыскание недоимки и др.); административные санкции» [2, с. 255–300, 318].

Принудительные контрольно-надзорные меры, применяемые органами исполнительной власти в ходе проверки юридического лица или индивидуального предпринимателя, А. И. Стахов и П. И. Конов подразделяют на «обеспечительные контрольно-надзорные меры; пресекаательно-восстановительные контрольно-надзорные меры; пресекаательно-восстановительные контрольно-надзорные меры» [3] и др.

В продолжение исследования научной теории о видах мер административного принуждения, применяемых в деятельности органов публичной администрации, на примере органов внутренних дел (полиции) представляется необходимым обратить внимание на особенности правового регулирования алгоритма возможных действий по обеспечению принудительного исполнения законных требований сотрудников полиции в случае их неисполнения или ненадлежащего исполнения в установленный срок.

В соответствии со ст. 13 Федерального закона «О полиции» (далее — ФЗ «О полиции») сотрудникам полиции предоставлено право требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий,

а равно действий, препятствующих законной деятельности государственных и муниципальных органов, иных органов публичной власти, а также право требовать от граждан в случае их обращения назвать свои фамилию, имя и отчество, проверять документы, удостоверяющие личность граждан, если имеется повод к возбуждению в отношении этих граждан дела об административном правонарушении (п. 1, п. 2 ч. 1 ст. 13). Заметим, что обязательной письменной формы выражения требования полиции посредством издания правоприменительного акта, например, в форме предписания, законом не предусмотрено. В связи с чем возникает сопутствующий вопрос о целесообразности документального оформления каждого законного требования сотрудника полиции в виде правоприменительного акта, например, в форме электронного документа, направляемого физическому или юридическому лицу по почте или в личный кабинет на сайте государственных услуг. Представляется, что вопрос весьма дискуссионный. Однако реализация данного предложения на практике может позволить дать юридическую оценку законности требования, указанного в правоприменительном акте, исключить необоснованные административные споры на практике, а также отследить динамику надлежащего или ненадлежащего исполнения данных актов в установленный в них срок для добровольного исполнения. Фактически в этом случае возникает реальная необходимость в создании единой централизованной базы исполнения правоприменительных актов контрольно-надзорных органов публичной администрации, в том числе полиции, которая позволит системно урегулировать порядок применения мер административного принуждения, направленных на понуждение к надлежащему исполнению правоприменительных актов органов публичной администрации.

Наряду с этим в настоящее время, кроме устных и конклюдентных требований, законное требование уполномоченного должностного лица полиции может быть выражено в форме административного правового правоприменительного акта (запросы, представления, предписания), которые в силу ч. 4 ст. 13 ФЗ «О полиции» признаются обязательными для исполнения всеми государственными и муниципальными органами, организациями, должностными и иными лицами в сроки, установленные в требовании, но не позднее одного месяца с момента его вручения.

Например, полиция имеет право выдавать предписания в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах (п. 39 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»); выдавать должностным лицам организаций и индивидуальным предпринимателям предписания об устранении вы-

явленных нарушений, в том числе нарушений требований нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности дорожного движения при строительстве, ремонте, реконструкции и содержании дорог (п. 21 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»); вносить в соответствии с федеральным законом руководителям и должностным лицам организаций обязательные для исполнения представления об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности граждан и общественной безопасности, совершению административных правонарушений, объявлять физическому лицу официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения (п. 12 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»).

В случае невыполнения законного требования сотрудника полиции, выраженного в устной, письменной или конклюдентной форме, возможно привлечение к административной ответственности в соответствии с КоАП РФ. В большинстве случаев назначение административного наказания является единственной мерой административно-принудительного воздействия, применяемой в данной ситуации, которая часто не решает вопрос о надлежащем его исполнении, правоприменительный акт не принимается, а срок для добровольного исполнения не устанавливается. В качестве примера можно привести привлечение к административной ответственности за:

- неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции в связи с исполнением им обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а равно воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей (ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ);

- невыполнение требования о предоставлении транспортного средства сотрудникам полиции (ч. 1 ст. 12.25 КоАП РФ);

- невыполнение законного требования сотрудника полиции об остановке транспортного средства (ч. 2 ст. 12.25 КоАП РФ);

- невыполнение лицом, осуществляющим ношение огнестрельного оружия, законного требования сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ч. 4.2 ст. 20.8 КоАП РФ);

- неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица органов внутренних дел, уполномоченных на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, в связи с исполне-

нием им служебных обязанностей или воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей (ч. 1.1 ст. 19.3 КоАП РФ);

— невыполнение в установленный срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), муниципальный контроль, об устранении нарушений законодательства (ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ) и др.

При этом в силу ч. 4 ст. 4.1 КоАП РФ назначение административного наказания не освобождает лицо от исполнения обязанности, за неисполнение которой административное наказание было назначено. По своей юридической силе данное правило носит весьма формальный характер в ситуации, когда законодатель не предоставляет контрольно-надзорному органу прав по применению мер административно-понудительного воздействия для обеспечения принудительного исполнения предписанных законных требований в правоприменительном акте (например, в сфере миграции нет полномочий выдать повторное предписание и обратиться в суд для принудительного исполнения предписания, поскольку ст. 90 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле» (далее — ФЗ № 248) этого не предусмотрено).

Какие меры административно-принудительного воздействия могут быть применены для обеспечения надлежащего исполнения законного требования сотрудника полиции наряду с назначением административного наказания? Обеспечивает ли назначенное административное наказание надлежащее исполнение законного требования сотрудника полиции? Должно ли в каждом случае законное требование быть оформлено в виде правоприменительного акта для последующего применения мер административного понуждения, вплоть до обращения в суд для обеспечения принудительного его исполнения? Каков алгоритм действий при принятии решения по обращению в суд для применения судебных административно-понудительных мер и какими должны быть эти меры, достаточно ли Федерального закона «Об исполнительном производстве» в ныне действующей редакции для реализации новеллы ст. 90 ФЗ № 248?

В ситуации законного требования сотрудника полиции в устной или конклюдентной форме иных мер, кроме административного наказания, законодателем не предусмотрено. Однако в том случае, когда законное требование оформлено в виде правоприменительного акта, в том числе по результатам контрольно-надзорной деятельности, законодателем в силу ст. 90 ФЗ № 248 с 2020 г. предусмотрен возможный алгоритм действий по принудительному исполнению обозначенных посредством

вновь выдаваемых предписаний вплоть до обращения в суд в целях обеспечения принудительного исполнения обозначенных законных индивидуализированных требований. Эта новелла, которой не было ранее, распространяется только на некоторые сферы контрольно-надзорной деятельности полиции.

Например, при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области обеспечения безопасности дорожного движения полиция (подразделения ГИБДД) в случае неисполнения предписаний об устранении нарушений обязательных требований в установленный срок обладает правом применять меры административно-принудительного воздействия, направленные на понуждение к исполнению предписаний в соответствии со ст. 90 ФЗ № 248, а также на основании п. 21 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» и постановления Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1101 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации». Сотрудники ГИБДД наделены правами инспекторов контрольно-надзорного органа, установленными ч. 2 ст. 29 ФЗ № 248, в том числе могут принимать решения об устранении контролируруемыми лицами выявленных нарушений обязательных требований и о восстановлении нарушенного положения, к числу которых при неисполнении предписания в установленные сроки относятся меры по обеспечению его исполнения посредством вновь выдаваемого предписания вплоть до обращения в суд с требованием о принудительном его исполнении (ч. 2 п. 4 ст. 90 ФЗ № 248). В данном случае представляется важным обратить внимание на то, что вновь выдаваемое предписание носит характер понуждения к надлежащему и в полном объеме исполнению ранее предписанных законных требований.

Однако стоит обратить внимание на иную ситуацию, которая складывается в правоприменительной практике ГИБДД при осуществлении надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения. Так, в соответствии с п. 6.1 приказа МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности до-

рожного движения» уполномоченные должностные лица ГИБДД вправе требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий. При этом возникает вопрос: возможно ли документальное оформление данного требования посредством выдачи физическому лицу предписания в ситуации, когда в самом приказе МВД РФ это не закреплено, но в п. 4 предусмотрено, что данный надзор осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее — ФЗ № 294), который регламентирует порядок выдачи предписаний, а в случае их неисполнения в установленный срок — привлечение к административной ответственности.

Неоднозначность нормативной регламентации данного вопроса на практике может порождать выдачу предписаний и, соответственно, обращение граждан с административными исками об оспаривании данных административных правовых актов в судебном порядке.

Анализ складывающейся по этому поводу ситуации позволяет вести речь о том, что на практике, наряду с вынесением постановления о назначении административного наказания за нарушение правил дорожного движения (по ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ за управление транспортным средством, на котором установлены стекла (в том числе покрытые прозрачными цветными пленками), светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента о безопасности колесных транспортных средств), одновременно выносится требование об устранении причин и условий, способствующих совершению административного правонарушения, в котором предписывается требование удалить тонировку, и составляется протокол по ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции с последующим назначением административного наказания в судебном порядке. По общему правилу, которое сформировалось на практике, из материалов судебного дела следует, что требование сотрудником ГИБДД выносится одновременно с постановлением о привлечении к административной ответственности и после присвоения индивидуального номера незамедлительно вносится в базу, на основании чего фиксируется факт допущенного административного правонарушения ввиду его неисполнения в установленные сроки (например, решение Волгоградского областного суда № 07-513/2020 07П-513/2020 от 15 октября 2020 г. по делу № 07-513/2020). При этом важно понимать, что внесение требования устранить тонировку в предписание об устранении причин и условий, способствующих совершению администра-

тивного правонарушения, не предусмотрено и противоречит положениям КоАП РФ. Для исключения проблемной ситуации предлагается в ФЗ «О полиции» и соответствующих приказах МВД России предусмотреть право сотрудника полиции выносить предписание о возложении обязанности устранить правонарушение либо выполнить иные законные требования (в том числе об устранении тонировки, о соблюдении нормативного правового акта и др.), что позволит упорядочить законный алгоритм действий и исключить возможные спорные ситуации, связанные с неправомерными действиями, в том числе разрешаемые в судебном порядке.

При осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции уполномоченные должностные лица миграционных подразделений МВД России в случае неисполнения в установленный срок выданных предписаний не вправе применить меры по обеспечению его исполнения посредством обращения в суд с требованием о принудительном исполнении предписания на основании п. 4 ч. 2 ст. 90 ФЗ № 248, поскольку положения данного закона на этот вид контроля не распространяются, применяется ФЗ № 294 и контролируемые лица привлекаются к административной ответственности за неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица органов внутренних дел, уполномоченных на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, в связи с исполнением им служебных обязанностей, или воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей (ч. 1.1 ст. 19.3 КоАП РФ), или за невыполнение в установленный срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), муниципальный контроль, об устранении нарушений законодательства (ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ).

Так, в соответствии с приказом МВД России от 24 апреля 2018 г. № 249 при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, контроля за соблюдением гражданами Российской Федерации — нанимателями (собственниками) жилых помещений правил регистрации и снятия с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации уполномоченные должностные лица наделены правом выдавать предписания об устранении выявленных нарушений обязательных требований, направлять предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований (пп. 11.11, 11.12). На основании п. 6.5 данного приказа при осуществлении данного вида контроля должностные лица подразделений по вопро-

сам миграции МВД России наделены полномочиями, предусмотренными ФЗ № 294, который в силу ст. 26.3 применяется до 31 декабря 2024 г. В связи с этим важно обратить внимание на то, что в случае неисполнения в установленный срок выданного предписания юридические лица и индивидуальные предприниматели подлежат административной ответственности (ст. 25 ФЗ № 294). Иных мер административно-принудительного воздействия, направленных на понуждение к надлежащему исполнению предписаний, в ст. 17 ФЗ № 294 не предусмотрено. В данном случае представляется, что в ходе осуществления контрольно-надзорной деятельности в сфере миграции необходимо предусмотреть механизм обеспечения принудительного исполнения вынесенных полицией предписаний, как это определено в ст. 90 ФЗ №248.

Наряду с обеспечением исполнения законных требований и административных правовых актов, принимаемых в ходе осуществления федерального государственного контроля (надзора) в установленных сферах деятельности, полиция наделена полномочиями по обеспечению исполнения вынесенных постановлений по делам об административных правонарушениях о назначении административного штрафа ст. ст. 23.3, 30.2 КоАП РФ). Фактически можно вести речь о мерах административного понуждения по принудительному исполнению административного штрафа, не оплаченного в установленный законом добровольный срок. В силу положений ст. 32.2 КоАП РФ предусмотрен алгоритм действий по обеспечению исполнения данного вида административного наказания, который также применяется полицией при взаимодействии с судебными приставами-исполнителями.

Так, при обеспечении исполнения вынесенных полицией постановлений по делам об административных правонарушениях о назначении административного штрафа осуществляется контроль за его уплатой в установленный 60-дневный срок, исчисляемый со дня вступления постановления в законную силу, а в случае его неуплаты постановление направляется для принудительного исполнения судебным приставам-исполнителям, которые в свою очередь возбуждают исполнительное производство и осуществляют исполнительные действия и меры принудительного исполнения, направленные на понуждение должника к надлежащему и в полном объеме исполнению законных обязательных требований (ст. 32.2 КоАП РФ, ст. ст. 64, 68 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). В данном случае должностные лица полиции, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях и назначать ад-

министративные наказания в соответствии со ст. 23.3 КоАП РФ, взаимодействуют с ФССП России для применения мер административного понуждения, направленных на обеспечение принудительного исполнения постановлений о назначении административного штрафа. Фактически судебные приставы-исполнители при обеспечении принудительного исполнения постановлений о назначении административного штрафа применяют меры административного понуждения посредством осуществления административного производства, урегулированного ФЗ № 229.

Многообразие законодательного урегулирования применения мер административно-принудительного воздействия, применяемых полицией при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в установленных сферах деятельности, направленных на понуждение к надлежащему исполнению законных требований (запросов, предписаний, предостережений, представлений) в установленный срок, позволяет говорить о необходимости выработки единого подхода и внедрения в правоприменительную деятельность полиции алгоритма действий и решений по результатам проведения контрольно-надзорных мероприятий, как это урегулировано в ст. 90 ФЗ № 248.

Речь идет о возможности применения мер административного понуждения, направленных на обеспечение принудительного исполнения законных правоприменительных актов (например, предписаний контрольно-надзорного органа). Таким образом, представляется весьма важным в системе мер административного принуждения, применяемых полицией:

- выделить меры административного понуждения, направленные на обеспечение надлежащего и в полном объеме исполнения законного требования (предписания, представления, предостережения) в установленный срок посредством вновь выдаваемых административных правовых актов и обращения в суд для принудительного их исполнения;

- определить в качестве оснований для применения мер административного понуждения совершение правонарушения, выраженного в неисполнении или ненадлежащем исполнении в установленный срок предписанного административным правовым актом полиции законного требования (данное правонарушение предлагается называть административно понуждаемым деликтом);

- выработать единый алгоритм применения полицией мер административного понуждения по обеспечению принудительного исполнения предписанных законных требований во всех установленных сферах

контрольно-надзорной деятельности данного органа публичной власти (любое законное требование сотрудника полиции предлагается оформлять в электронном виде как правоприменительный акт (предписание, предостережение, иное требование), подлежащий обязательному исполнению в установленный в нем срок), за неисполнение которого предлагается предусмотреть единый порядок применения мер административного понуждения в виде вновь предписанного требования с последующим обращением в суд для обеспечения принудительного его исполнения (например, в случае злостного неисполнения двух вновь выданных понудительных предписаний в установленный в них срок для обеспечения исполнения первого предписания об устранении нарушений обязательных требований);

— на законодательном уровне определить виды мер административно-судебного понуждения в случае обращения полиции в суд в целях обеспечения принудительного исполнения предписанных законных требований.

Важно отметить, что вопрос о видах и порядке применения мер административного понуждения требует более пристального внимания со стороны ученых и законодателя и в настоящее время является весьма дискуссионным и важным, поскольку в нормах действующих нормативных правовых актов нет единообразного подхода, а речь идет о частичной фрагментарности нормативного урегулирования. Отсутствие четкой правовой регламентации порождает в правоприменительной практике многообразие вариантов административного усмотрения и принятие решений по внутреннему убеждению, в том числе в судебном порядке. Речь идет и о попытках вынести предписание для обеспечения исполнения законного требования при отсутствии урегулированных правовых оснований и прямых запретов (по принципу «что не запрещено, то разрешено»), создавая своеобразный административный прецедент на практике. Оценить законность правоприменительных актов в данной ситуации при возникновении административного спора, разрешаемого как во внесудебном, так и в судебном порядке, также не представляется возможным в полной мере, что на практике порождает недоверие к правоприменителю в лице органа публичной власти, в том числе к полиции.

Разрешение обозначенных в данной статье вопросов посредством разработки научно обоснованной теории о понятии, видах и порядке применения мер административного понуждения по принудительному обеспечению исполнения законных правоприменительных актов в уста-

новленный в них срок позволит создать качественное нормативное урегулирование единого алгоритма правоприменительных действий во всех установленных сферах контрольно-надзорной деятельности, а также исключить из правоприменительной практики органов публичной администрации, в том числе органов внутренних дел (полиции), чрезмерное административно-принудительное воздействие. Возможно, будет решен и вопрос о целесообразности назначения административного наказания при применении мер административного понуждения, в том числе во внесудебном и судебном порядке, до момента обеспечения принудительного исполнения предписанного законного требования в полном объеме без установленных законодательных ограничений по срокам давности в сфере контрольно-надзорной деятельности. Необходимо понять, нужно ли устанавливать срок давности по обеспечению принудительного исполнения предписаний контрольно-надзорного органа по аналогии с установленным сроком давности исполнения назначенного административного наказания (ст. 31.9 КоАП РФ). Важно предусмотреть единую электронную базу данных, позволяющую не только отследить количество и виды применяемых в отношении физических лиц и организаций органами публичной власти, как во внесудебном, так и в судебном порядке, мер административного понуждения в целях обеспечения принудительного исполнения правоприменительных актов, но и определить достаточный объем данных мер воздействия, а часто недопустимую и непосильную множественность. Представляется, что обозначенный в данной статье круг актуальных вопросов найдет отклик в научных дискуссиях.

Список источников

1. *Ерошкин М. И.* О классификации мер административного принуждения // Вопросы административного права на современном этапе. М., 1963.
2. *Бахрах Д. Н.* Административное право : учебник для вузов. М., 1997.
3. *Стахов А. И., Кононов П. И.* Административное право России : учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2021.

О. И. Левшук, А. И. Малявко

Профилактика нарушений Правил дорожного движения пешеходами в Республике Беларусь: современное состояние и направления совершенствования

Безопасность дорожного движения является важнейшим элементом правопорядка, который обеспечивается государством. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь безопасность дорожного движения представляет собой состояние дорожного движения, обеспечивающее минимальную вероятность возникновения опасности для движения и дорожно-транспортного происшествия¹. По российскому законодательству безопасность дорожного движения — это состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий².

Государство должно обеспечивать безопасность всех участников дорожного движения, а также сохранность их имущества. Эти важнейшие функции государства в области безопасности дорожного движения последовательно раскрываются в соответствующей системе правового регулирования, включающей перечень нормативных правовых актов, определяющих требования к безопасности дорожного движения, права и обязанности его участников, меры ответственности за нарушения правил дорожного движения. Однако несмотря на наличие этого правового механизма, количество совершаемых пешеходами правонарушений, влекущих за собой дорожно-транспортные происшествия (далее — ДТП), весьма высоко. На территории Республики Беларусь в 2019 г. общее количество дорожно-транспортных происшествий, совершенных с участием транспортных средств и пешеходов, составило 1286 фактов, из них 397 (30,9%) произошли по вине пешеходов. В 2020 году: 1265 аналогичных происшествий, в 389 (30,8%) случаев были виноваты пешеходы, в 2021 году — 1126 таких ДТП, из них 400 (35,5%) — по вине пешеходов³.

К наиболее распространенным правонарушениям, совершаемым пешеходами, относятся:

¹ *О мерах по повышению безопасности дорожного движения. Правила дорожного движения* : указ Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2005 г. № 551. URL: <https://pravo.by>document>.

² *О безопасности дорожного движения* : федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ.

³ *Статистические данные* Министерства внутренних дел Республики Беларусь. URL: <https://mvd.gov.by> (дата обращения: 28.04.2022).

- переход проезжей части в неустановленном месте;
- выход пешехода на проезжую часть дороги из-за препятствий;
- переход дороги на запрещающий сигнал светофора;
- нахождение в состоянии алкогольного опьянения;
- отсутствие у пешехода в темное время суток световозвращающих элементов.

Меры административной ответственности, к сожалению, не всегда эффективны, не оказывают должного влияния на формирование законопослушного поведения граждан. Поэтому профилактическая работа имеет актуальный характер в современных условиях. В частности, речь идет о разработке и реализации комплекса профилактических мер (мероприятий) в отношении пешеходов в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

К числу причин ДТП, совершенных по вине пешеходов, следует отнести:

- невнимательность и безответственность (например, гражданин при переходе проезжей части не убедился в отсутствии приближающихся транспортных средств либо перешел на красный сигнал светофора, при этом он может пользоваться мобильным телефоном, слушать музыку в наушниках, что особенно опасно в темное время суток);

- пассивное (нигилистическое) отношение к Правилам дорожного движения, их игнорирование.

В целях предотвращения совершения пешеходами нарушений ПДД, а также дорожных происшествий с их участием органами внутренних дел во взаимодействии с иными субъектами профилактики реализуются меры общей и индивидуальной профилактики. Мерами общей профилактики правонарушений являются:

- разработка и утверждение региональных комплексных планов по профилактике правонарушений и проведение профилактических мероприятий;

- правовое просвещение граждан;
- внесение представлений, вынесение предписаний;
- обеспечение стимулирования граждан за представление достоверной информации о подготавливаемых или совершенных правонарушениях⁴.

К мерам индивидуальной профилактики правонарушений относятся:

- профилактическая беседа;

⁴ Об основах деятельности по профилактике правонарушений : закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З. URL: <https://pravo.by/document>.

- официальное предупреждение;
- профилактический учет;
- защитное предписание.

На сегодняшний день с учетом состояния криминогенной обстановки на территории Республики Беларусь видится целесообразным акцентировать внимание на отдельных аспектах профилактики нарушений ПДД пешеходами и предотвращения дорожных происшествий с их участием. Необходимо актуализировать информационную работу среди населения; напоминать гражданам о правилах перехода улицы; обращать внимание на необходимость безопасного поведения на дороге; разъяснять правила использования световозвращающих элементов; рассказывать об ответственности за нарушения ПДД; демонстрировать наглядный материал (плакаты, буклеты), активно размещать публикации в средствах массовой информации. Необходимо выставлять посты ДПС ГАИ в криминогенных местах, где чаще происходят дорожные происшествия с участием пешеходов.

В Указе Президента Республики Беларусь № 551, которым утверждены Правила дорожного движения, установлено, что водителю как участнику дорожного движения запрещается управлять транспортным средством в состоянии опьянения. Относительно состояния иных участников дорожного движения в данном законе, а также в других правовых актах, ничего не сказано, что является существенным пробелом в отечественном законодательстве. Поэтому предлагается внести изменения в ПДД, а именно — запретить участие пешехода в дорожном движении в состоянии опьянения. Следует ввести запрещающую норму относительно использования мобильных устройств и слушания музыки при переходе проезжей части пешеходами. Предлагается также ужесточить административную ответственность (увеличить размеры штрафов) за переход проезжей части в местах, где это запрещено Правилами дорожного движения, и на красный сигнал светофора, так как мягкость наказания за данные правонарушения не позволяет на должном уровне (эффективно) проводить профилактическую работу в отношении пешеходов. Ведь главная цель — не привлечение к ответственности пешеходов, а предупреждение нарушений ПДД и дорожных происшествий с их стороны. Именно такой подход позволит обеспечить безопасность всех участников дорожного движения.

В. И. Майоров

Актуальные проблемы профессионального становления сотрудников органов внутренних дел

В настоящее время проблема профессионального становления сотрудников органов внутренних дел является одной из самых актуальных, так как связана со все возрастающей потребностью общества в формировании высококвалифицированных кадров, способных к продуктивной и эффективной деятельности. Цели и задачи деятельности сотрудников органов внутренних дел сосредоточены на обеспечении общественного порядка, предупреждении и противодействии преступности. Специфика правоохранительной деятельности определяет основные направления и этапы профессионального становления сотрудников органов внутренних дел.

В связи с общественной важностью становления профессионала правоохранительных органов исследования в данной сфере осуществлялись в различных областях социальных и гуманитарных наук (социологии, психологии, педагогике, юриспруденции) ведущими учеными, такими как В. Л. Васильев, Е. А. Климов, Н. С. Пряжников, А. Р. Ратинов, А. М. Столяренко, Ю. В. Чуфаровский и др. В психологической науке изучение трудовой деятельности и становление профессионала исследуется с точки зрения системно-деятельностного подхода, важными единицами анализа являются: 1) профессиональная адаптация и условия труда; 2) совокупность целей и способов решений профессиональных задач; 3) операциональные функции; 4) социально-психологический климат в трудовом коллективе, профессиональные отношения; 5) система ценностей, потребностно-мотивационная сфера; 6) морально-психологическая устойчивость.

Успешное выполнение профессиональной деятельности в сфере правоохранительной деятельности, с точки зрения педагогики, предполагает в процессе образовательной подготовки освоение определенной совокупности знаний, умений и навыков, которые составляют основу *профессиональной компетентности*. Основной целью современного образования является не только освоение фундаментальных знаний, умений и навыков, но постоянная готовность к их обновлению и освоению инновационных технологий, что возможно только на основе *компетентностного подхода*.

В Российской Федерации компетентностный подход в сфере подготовки профессиональных кадров стал активно разрабатываться на рубеже XX–XXI вв. В научной психолого-педагогической среде происходил процесс переосмысления отечественного опыта и изучения зарубежных

практик в сфере образования, шел активный поиск новых подходов, которые максимально отвечали бы грядущему информационному веку и общественным запросам на подготовку профессиональных кадров в современных условиях. Теоретические и практико-ориентированные аспекты компетентного подхода в российской образовательной системе разрабатывали А. А. Деркач, Э. З. Зеер, А. К. Маркова, В. Д. Шадриков и др. В этот период рассматривались вопросы формирования профессионально грамотного выпускника, востребованного на рынке труда, готового к непрерывному образованию и саморазвитию [1].

Профессионализм сотрудников органов внутренних дел в первую очередь определяется *профессиональной компетентностью*, под которой следует понимать профессиональную теоретическую и практическую подготовленность, а также способность к решению исполнительских и творческих задач, выполнению обязанностей по прямому должностному предназначению. На основе зарубежных и отечественных исследований Н. И. Иоголевич, В. И. Майоров теоретически обосновали и разработали практико-ориентированную базовую модель профессиональной компетентности в правоохранительной (юридической) сфере. Авторы аргументированно сформировали ведущие блоки профессионально значимых компетенций, которые должны быть сформированы в процессе образовательной подготовки [2, с. 65].

Структурно-содержательная характеристика базовой модели профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел включает четыре блока. Во-первых, *когнитивная компетентность* (прогнозирование того, что курсант может сделать на основе освоенных знаний). Во-вторых, *функциональная компетентность* (разрабатывать и применять эффективные стратегии и тактики работы, в том числе в расследовании преступлений, при общении и взаимодействии с обвиняемыми, потерпевшими; умение эффективно использовать информационные технологии). В-третьих, *личностная компетентность* (устойчивые особенности психологической и физической деятельности, отвечающие профессиям правоохранительной сферы). В-четвертых, *этическая компетентность* (комплексное образование и направленность личности, включающая морально-нравственную устойчивость, ценностные ориентации, социальные установки, мотивацию деятельности, которые должны быть направлены на достижение профессионально значимых целей) [3, с. 76].

Реализация компетентностного подхода позволяет создать активную обучающую среду, что обеспечивает сочетание фундаментального

образования, общекультурной подготовки, освоение инновационных технологий и развитие креативного мышления у курсантов. На основе рассматриваемой базовой модели профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел в процессе образовательной подготовки можно отметить, что первые два блока, отвечающие за формирование знаний и умений, формируются у курсантов относительно легко, им отводится большая часть учебного времени.

Когнитивную компетентность и функциональную компетентность можно рассматривать как развитие специальных способностей в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел. В этом контексте, как отмечает А. В. Карпов, специальные способности можно считать оперативной формой общих способностей. Инновационные технологии приобретают ведущее значение для реализации указанных задач через создание современных условий эффективного образовательного процесса. Результаты подготовки по этим двум направлениям легкоизмеримы, что позволяет отслеживать ошибки (определять индивидуальную траекторию самостоятельной работы курсантов) и нивелировать их.

Третий и четвертый блоки базовой модели профессиональной компетентности, сформулированные как *личностная компетентность* и *этическая компетентность*, развивать и оценивать степень их сформированности, значительно сложнее, так как они не выступают прямым результатом образования. Но, с точки зрения становления профессионала, именно они являются стержневыми, *ведущими*.

Личностная компетентность включает такие социально-психологические качества, как самостоятельность субъекта деятельности, активность, инициативность, готовность к лидерству, умение работать в команде, развитый социальный и эмоциональный интеллект (умение чувствовать людей); профессиональное мышление отличается концептуальностью, критичностью, креативностью; должна быть развита способность к прогнозированию и предвидению развития событий. Следует отметить, что развитию личностного потенциала курсантов служит целый ряд педагогических инновационных технологий, включая индивидуальную и групповую работу, социально-психологические тренинги, решение кейс-ситуаций, деловые игры, метод проектов и др.

Этическая компетентность основана на наличии определенных личностных и профессиональных мотивов и ценностей. Потребности и ценностные ориентации лежат в основе мотивов профессиональной деятельности. Ценностные ориентации следует рассматривать как сравнительно устойчивое отношение человека к совокупности материальных,

социальных и духовных благ, в них, как правило, обобщены знания, жизненный опыт, приобретенный личностью в процессе социализации. Ценностные ориентации трактуются как представления человека о главных целях его жизни и средствах их достижения. Таким образом, морально-этические качества не являются изолированными (в узком профессиональном контексте), а служат отражением ценностно-смысловой и потребностно-мотивационной сфер личности профессионала.

Анализ структуры и содержания базовой модели профессиональной компетентности показывает высокие требования к развитию у сотрудников органов внутренних дел «человеческого капитала», который включает интеллектуальные, функциональные, личностные и морально-этические ресурсы. Представленная модель профессиональной компетентности образовательной подготовки сотрудников органов внутренних дел действительно выступает базовой, имеет психолого-педагогическое обоснование, позволяет применять широкий круг инновационных образовательных технологий обучения, при этом сохраняет свою устойчивость в изменяющихся условиях, наполняясь новым содержанием.

В настоящее время именно вопросы, связанные с развитием морально-нравственных качеств личности, этическим кодексом профессионалов, в том числе и в сфере правоохранительной деятельности, являются наиболее актуальными проблемами современности. За последние тридцать лет сложилось такое положение, когда вместе с отторгнутой социалистическо-коммунистической идеологией в обществе перестала быть востребованной морально-этическая подготовка подрастающего поколения. Следует отметить, что ценность нравственного поведения закладывается с детских лет, становясь основой морально-психологической устойчивости взрослеющей личности. А формирование профессионала (врача, педагога, инженера, военного, сотрудника правоохранительных органов) невозможно без морально-нравственной устойчивости, без этического кодекса ответственного поведения.

Высокий уровень развития морально-нравственных качеств сотрудника органов внутренних дел является базовой характеристикой его профессиональной деятельности, выражается в обостренном чувстве справедливости, желании защищать и отстаивать законные интересы граждан. Морально-психологическая устойчивость служит не только «моральной» опорой, но и ресурсом «психологической» выносливости, так как значительная часть рабочего времени сотрудника органов внутренних дел проходит в общении с делинкветными представителями общества, которые пытаются при помощи лжи, подкупа,

шантажа, запугивания склонить представителя исполнительной власти к нарушению закона.

Учитывая изложенное, можно утверждать, что *этическая компетентность* является важнейшим элементом профессионализма сотрудника органов внутренних дел, в то же время по ряду объективных причин требуется создание дополнительных условий для ее формирования. В последние 10–15 лет проведен ряд исследований различных аспектов морально-психологического развития и совершенствования профессионально-моральных качеств курсантов образовательных учреждений МВД России (например, О. В. Томилова (2009); А. С. Петрова, А. М. Шелепова (2010); В. Н. Черниговский (2014); В. А. Кудин (2017)). В настоящее время А. П. Чеботорев, Е. С. Караваев, В. Ю. Заикин, А. В. Лавренко рассматривают значимость морально-нравственного воспитания сотрудника органов внутренних дел в контексте национальной безопасности России [4, с. 200].

Морально-психологическая устойчивость сотрудников органов внутренних дел — это система устойчивых морально-психологических качеств, определяющая способность сохранять высокую функциональную активность в условиях воздействия дестабилизирующих (психотравмирующих) факторов и успешно выполнять поставленные задачи [5, с. 301]. Рассматривая данное явление с точки зрения структурно-содержательной характеристики можно выделить четыре компонента: 1) морально-психологические знания и убеждения; 2) морально-психологические установки и ценностно-смысловые ориентации; 3) морально-психологические умения и навыки; 4) морально-психологические качества личности.

Во-первых, морально-психологические знания и убеждения сотрудников органов внутренних дел являются отражением их мировоззрения, базируются на идеях гуманизма и нравственности, на знаниях профессионально-этических требований к общению и взаимодействию в рамках служебной деятельности, на следовании антикоррупционному профессиональному стандарту.

Во-вторых, морально-психологические установки и ценностно-смысловые ориентации сотрудников органов внутренних дел основываются на внутреннем принятии моральных норм и их превращении в устойчивые личностные образования в качестве неотъемлемой части Я-концепции; устойчивые морально-психологические качества личности выступают мотивами осуществления служебной деятельности, критериями морального выбора в сложных ситуациях [6, с. 158]. В основу служебной деятельности правоохранительных органов, по сути, заложе-

на «просоциальная» активность личности, желание защиты добра и спокойствия, закона и порядка, восстановление справедливости, альтруизм, помогающее поведение и др.

В-третьих, как правило, морально-психологические знания, умения и навыки сотрудников органов внутренних дел не являются абстрактными, а реализуются в практической ежедневной трудовой деятельности. В профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел нормы моральные осуществляются при соблюдении норм процессуальных. Морально-психологическая компетентность (знания, умения и навыки) реализуется при выполнении оперативно-служебных задач, в этике профессионального общения и поведения с коллегами, умении поддерживать рабочий ритм и благоприятный социально-психологический климат в коллективе, навыках снижения негативных последствий психологического стресса, применении приемов саморегуляции психических состояний, коммуникативной компетентности.

В-четвертых, устойчивые морально-психологические качества личности — это интегральная характеристика и детерминанты нравственного поведения во всех сферах жизни человека. В профессиональной деятельности морально-психологические качества личности проявляются: в профессиональной чести; в профессиональном долге; в принципиальности и справедливости; в стойкости и мужестве; в гуманности и сопереживании; в соблюдении законности и служебной дисциплины [7, с. 126].

Возвращаясь к базовой модели профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел, рассматриваемой в данной статье, отметим следующее. Когнитивная компетентность, функциональная компетентность, личностная компетентность, являясь результатами образования, формируются под воздействием внешних стимулов и внутренних мотивационных побуждений. Для развития этической компетентности курсантов на уровне не абстрактных знаний, а «живой этики», реализуемой впоследствии в профессиональной деятельности, требуется создание специальных психолого-педагогических условий. Профессиональное становление в контексте современного образования направлено на формирование мотивационных потребностей саморазвития, самореализации, в самосовершенствовании, в самоактуализации [8, с. 125].

На основе изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Системно-деятельностный и компетентностный подходы являются основными в образовательной подготовке современных кадров правоохранительных органов.

2. Структурно-содержательный анализ базовой модели профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел показывает, что она включает два уровня подготовки. К *первому* можно отнести когнитивную компетентность и функциональную компетентность, на формирование которых отводится основная часть обучения. Уровень указанных профессиональных компетентностей как результатов образования легко измеряется стандартными процедурами.

3. *Второй уровень* профессионально значимых качеств сотрудников внутренних дел включает личностную компетентность и этическую компетентность, которые являются глубокоовнутренними образованиями и в меньшей степени поддаются стандартизованным измерениям в качестве результатов образования. При этом этическая компетентность и морально-психологическая устойчивость является стержневыми личностными качествами профессионализма сотрудника внутренних дел.

4. В современном обществе по ряду объективных причин существуют проблемы формирования высоконравственной личности, поэтому в процессе образовательной подготовки требуется создание специальных психолого-педагогических условий для развития этической компетентности и морально-психологической устойчивости как профессионально значимых качеств сотрудников органов внутренних дел. В настоящее время ряд исследователей рассматривает личностную зрелость, этическую компетентность и морально-психологическую устойчивость сотрудников правоохранительной сферы как основу национальной безопасности России.

Список источников

1. Дунаева О. Н. Имидж вуза как отражение современной парадигмы профессионального образования и конкурентный ресурс // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 4(33).

2. Иоголевич Н. И., Майоров В. И. Профессиональная подготовка юриста: компетентностный подход и базовая модель компетентности // Право и образование. 2008. № 10.

3. Иоголевич Н. И., Майоров В. И. Профессиональная подготовка юриста: компетентностный подход и базовая модель компетентности // Право и образование. 2008. № 11.

4. Чеботарев А. П., Караваев Е. С., Заикин В. Ю., Лавренко А. В. Морально-нравственное воспитание сотрудника полиции как основа на-

циональной безопасности России // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5(72).

5. Валеева Н. Ш., Хайрулина Э. Т. Факторы становления профессиональной морально-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 23.

6. Прохоров И. В. Социально-психологические особенности профессионального долга у сотрудников полиции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4–1.

7. Шаранов Ю. А., Боброва И. А., Ситников В. Л. Психологические особенности деонтологического регулирования поведения сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 2(85).

8. Психология самоактуализации и становления профессионала в условиях современного образования : монография / Е. Ф. Яценко, И. А. Менщикова, Е. Г. Щелокова и др. СПб., 2016.

Ю. Р. Перепелицына, Ш. Х. Меджидов

Проблемы общения сотрудника органов внутренних дел с гражданами

Коммуникативные качества нужны любому профессионалу, но особенно остро этот вопрос касается работников правоохранительных органов.

Стратегия Министерства внутренних дел РФ ставит цель переориентации деятельности полиции, главными критериями оценки которой должны стать надежная защита прав и законных интересов человека в процессе охраны общественного порядка и борьбы с правонарушениями, внимательное отношение к каждому гражданину, надлежащая правовая помощь населению. На переднем плане основная роль в достижении поставленной цели принадлежит службе участковых уполномоченных полиции, которые непосредственно работают с населением, постоянно контактируют с гражданами, обладают информацией об их проблемах и запросах.

Одной из актуальных проблем сегодня является поиск оптимальных принципов взаимодействия гражданского общества и государства. В данном контексте особенно остро стоит проблема взаимоотношений граждан с представителями государственной власти, в том числе с полицией.

Согласно ст. 10 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (далее — Федеральный закон № 44-ФЗ) граждане вправе участвовать в охране общественного порядка в качестве внештатного сотрудника полиции, требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий, охранять места происшествия (сохраняя вещественные доказательства правонарушения для их передачи сотрудникам ОВД), знать правовое положение внештатных сотрудников полиции (получать информацию для участия в охране общественного порядка), содействовать полиции в охране общественного порядка.

Приказом МВД России от 10 января 2012 г. № 8 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции» (далее — приказ МВД № 8) установлено, что внештатные сотрудники полиции — это граждане, желающие помогать и сотрудничать с полицией в приоритетных направлениях службы.

Кроме того, в ст. ст. 11, 12, 22, 23 Федерального закона № 44-ФЗ указано, что граждане вправе участвовать в работе общественных объединений правоохранительной направленности и добровольных народных (и из членов казачьего общества) дружин, которые содействуют территориальным органам (полиции) в охране общественного порядка, профилактике правонарушений, распространении и разъяснении правовых знаний и норм поведения в общественных местах [1, с. 74].

Основными формами взаимодействия сотрудников полиции с гражданами являются:

- 1) проведение консультаций по вопросам нормативно-правового регулирования обеспечения общественной безопасности и правопорядка;

- 2) вынесение представителями общественности предложений по вопросам, касающимся повышения эффективности мер обеспечения общественной безопасности и порядка, совершенствование законодательства в этой сфере;

- 3) осуществление общественного контроля за деятельностью участковых уполномоченных в сфере обеспечения общественной безопасности и порядка.

Очень остро стоит сегодня вопрос повышения качества образования, в частности, овладение такими базовыми предметами, как культура речи, риторика, культура деловой речи. Добросовестное отношение к овладению этими классическими знаниями создает прочный фундамент профессионализма не только политика или учителя, но и сотрудника полиции. На данный момент в юридических вузах значительное внимание

уделяется формированию языковой личности каждого студента или курсанта. В учебную программу введены такие гуманитарные предметы, как риторика, современный русский язык, деловой язык, логика, философия и т. д. Однако в государстве должен существовать целостный подход к проблеме формирования духовной, интеллектуальной, гармонично развитой личности человека. Любое развитие личности вообще тесно связано с развитием его языковой культуры и способности к восприятию и пониманию. Совершенствуясь культурно и духовно, индивид испытывает потребность и в культурном общении, что возможно лишь при условии совершенного владения языком и языковой культурой [2, с. 153]. Именно речь является тем необходимым компонентом, который не только обеспечивает успешное функционирование языка в общественной жизни, но и выражает состояние национальной духовности, культуры народа [1, с. 74].

Нередко специфика работы полицейского предполагает общение с людьми преклонного возраста и людьми, которые имеют различные физические недостатки, например, проблемы со слухом. В этой ситуации сотрудник полиции должен внимательно выслушать просьбу лица. Ни в коем случае нельзя допускать проявлений нервозности, кричать, перебивать и т. п. Говорить следует четко, внятно, простыми и понятными фразами. В конце разговора нужно убедиться, что собеседник все понял. Если у гражданина вообще отсутствует слух, то целесообразно предложить ему написать свое обращение. Сотрудник полиции должен отличаться психологической устойчивостью. Действия представителя закона не должны вызывать недовольство и возмущение у лиц, обратившихся к нему за помощью.

В процессе выполнения служебных обязанностей часто возникает необходимость в общении с детьми и подростками. В отношениях с этой категорией лиц сотруднику полиции следует проявлять педагогические и психологические способности, держать инициативу в своих руках, не унижать достоинство ребенка или подростка, доброжелательно улыбаться. Улыбка стимулирует продуктивное общение, часто снижает психологические барьеры, которые могут возникнуть между ребенком и сотрудником полиции. Сотрудник полиции должен применять субъективно-индивидуальный подход к каждому, всегда проявлять интерес к общению с ребенком, побуждать его к исправлению, если его поведение противоречит социальным нормам [3, с. 133].

Иногда, например в случае дорожно-транспортного происшествия или другой чрезвычайной ситуации, возникает необходимость в обще-

нии с пострадавшими или свидетелями происшествия. Прежде всего сотрудник полиции должен представиться, выяснить, как правильно обращаться к потерпевшим или свидетелям, учитывать психоэмоциональное состояние пострадавших [4, с. 372]. Нужно стараться объяснить сложные вещи простыми и понятными фразами, вовремя закончить беседу и не загромождать речь неуместными вопросами и выводами.

Таким образом, учитывая направления реформирования правоохранительных органов, предусматривающего изменение основной функции правоохранительной системы с карательной на сервисную, можно установить определенную языковую стратегию в общении сотрудника полиции с гражданами:

1) общение основывается на коммуникативном взаимодействии, которому присуще взаимное, вежливое, информативное ведение диалога и возможное сближение позиций сторон для решения стратегических задач; оно не предусматривает заинтересованности частными делами;

2) во время общения с правонарушителями сотрудник полиции проявляет толерантность, корректность, уравновешенность, четко выражает свою позицию по закону относительно совершенного правонарушения, не обращая внимания на различные провокационные действия и высказывания со стороны нарушителя и заинтересованных лиц;

3) учитывая особенности общения с людьми с особыми потребностями, нужно придерживаться таких требований, как внимательность, доброжелательность, выдержка, четкое, правильное построение предложений, правильная интонация;

4) общаясь с детьми и подростками, представитель закона прежде всего должен завоевать доверие, расположить к себе. Сотрудник полиции должен действовать максимально доброжелательно, корректно и осторожно;

5) после ДТП пострадавшие или очевидцы могут находиться в эмоциональном шоке, который проявляется в плаче, ступоре, истерике, нервной дрожи. Тогда сотрудник полиции вынужден действовать как психолог и знать меры помощи человеку в такой ситуации;

6) при пресечении правонарушения или доставлении лица с девиантным поведением в органы внутренних дел сотрудник полиции преодолевает нервную возбудимость и выстраивает свою языковую тактику так, чтобы снизить агрессивность задержанного и выяснить причины и условия совершения ресоциализованного поступка.

Список источников

1. Воронцова Ю. А., Хорошко Е. Ю. Типичные ошибки в письменной речи сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72).
2. Воронцова Ю. А., Хорошко Е. Ю. Культура речи и деловое общение сотрудников полиции. Белгород, 2018.
3. Липина Е. А. Развитие навыков устной и письменной речи сотрудников полиции в системе дополнительного профессионального образования // Правоохранительные органы: теория и практика. 2016. № 2.
4. Кулиева М. С. Совершенствование взаимодействия Министерства внутренних дел с обществом на примере обращений граждан // Молодой ученый. 2021. № 17(359).

Д. В. Попов

Полиция как континуум возможностей в биополитической модели государственного управления

Несмотря на то, что полиция как специализированный институт (орган) государственной власти возникла относительно недавно по историческим меркам, предыстория полиции уходит в далекое прошлое.

Как отмечает О. В. Кильдюшов, «само слово „полиция“ имеет длинную и переменчивую историю. Так, все исследователи истории понятия „полиция“ указывают на его удивительную на первый взгляд этимологическую связь с понятиями «полис» и «политика». Возникший в рамках греческого языка и античной истории семантический ряд *πόλις* — *πολιτεία* — *πολιτική* через латинизированную форму *politia* проник в европейские языки, где сохранил свое изначальное значение общего управления городской жизнью» [1, с. 15]. Родство значений «полис», «политика» и «полиция», т. е. «город», «ведение городских дел», с одной стороны, и «особая институция», а также «режим ведения городских дел» — с другой, более чем примечательно. Соотношение «политики» и «полиции» задает континуум возможных форм полиции (*police*) и полицирования (*policing*).

В рамках античной традиции полиция является продолжением политики, рождается из политики, понимаемой как ведение городских дел. Конечно, полиции как органа власти в современном смысле слова тогда не было, но были астиномы (др.-греч. ἀστυνομοί — «институт городского управления, непосредственно осуществляющий от лица полиса попечение о гражданах») [2, с. 85]. Астиномов наделяли многочисленными

общественно полезными функциями, выполнение которых, совершенно в духе Аристотеля, было направлено на утверждение «благой жизни» горожан. Заметим, что в современной Греции слово αστυνομία (астиномия) обозначает полицию, а αστυνομικός (астиномикос) — полицейского.

Связь всесторонней заботы о населении и полиции не случайна. Это один из полюсов континуума возможностей воплощения полиции. Классическое «полицейское государство», теоретически осмысленное в «полицейской науке» (в частности, в немецкой Polizeiwissenschaft), рассматривалось как государство, в котором власть заботится о «добром порядке», а также благополучии, здоровье и даже счастье населения. «Сам этот „добрый порядок“, а не только специальная служба охраны, и есть полиция — Gute Ordnung und Polizei, как писали немцы в старые времена... хороший порядок они попросту называли Gute Polizei» [3, с. 331]. Представление о полиции как преимущественно о режиме благополучного существования государства, в котором между властью и населением установлена гармония, основанная на экономии обмена заботы со стороны власти на лояльность со стороны населения, явилось истинной Polizeiwissenschaft. Эта идея обнаруживается в трудах Н. де Ла Мара, И. Г. Юсти, в «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Л. Д'Аламбера. О полиции, не столько как об органе власти, сколько как о режиме властной опеки населения, неоднократно писал М. Фуко [4]. А. Ф. Филиппов трактует полицейское государство как сквозную организацию социальной жизни [5, с. 25]. М. Раев эту идею выразил в понятии «Well-Ordered Polizei State», где словосочетание well-ordered означает, что государство «упорядочено в хорошем смысле», «добропорядочно» [3, с. 331]. В процессе возникновения полиции как институции в Европе конца XVII — начала XVIII вв. сформировалась определенная идеология полицейского государства, зафиксированная полицейской наукой. «Вот что пишет об этой идеологии сам Раев: „Сильное независимое государство и могучий властитель считались необходимыми условиями духовного и материального благосостояния подданных, а счастье их имплицитно приравнялось к максимизации творческого потенциала государства угодными Богу способами“» [3, с. 330]. Как отмечает О. В. Кильдюшов, «в этом смысле классическое полицейское государство (Polizeistaat) одновременно является государством всеобщего благоденствия (Wohlfahrtsstaat), т. е. социальным государством, в котором „полиция“ означает прежде всего попечение об общем благе (Wohlfahrtspflege). Апофеоз этих представлений — понятийная конструкция „Wohlfahrtspolizei“: полиция как забота об общем благе подданных» [1, с. 21]. Цель систематического и ком-

плексного попечения государства о населении преследовал создатель российской полиции Петр I. Показательны слова из Устава благочиния, или Полицейского 1782 г.: «Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства». «Под этим петровским регламентом («Устав благочиния». — Д. П.), как и под многими документами, вышедшими из-под пера Екатерины II, могли бы подписаться европейские реформаторы полиции... Как и их западные коллеги, они также пытались управлять и контролировать всю социально-экономическую активность своих подданных посредством полицирования, стремясь в том числе с помощью обстоятельных и подробных полицейских регламентов обеспечить населению безопасность и мобилизовать его ресурсы в государственных интересах» [1, с. 31]. В «Полицейском праве» И. Е. Андриевского один из томов озаглавлен «Полиция безопасности» (1871 г.), а другой — «Полиция благосостояния» (1876 г.). Андриевский отмечает: «Меры, принимаемые государством для обеспечения условий безопасности, только тогда могут достигать надлежащего осуществления, если рядом с ними будут принимаемы меры для обеспечения условий благосостояния». Как справедливо обобщает А. Ф. Филиппов, «безопасность, трактуемая в узком смысле слова, как безопасность от криминала, — это лишь один из видов “доброго порядка и полиции”... забота городской, а затем и государственной администрации о здоровье граждан, их добрых нравах, гигиене и тому подобном позже перерастает в комплекс мер социальной защиты, дополняющих то, что обычно не очень четко называют “социальным государством”» [5, с. 10]. Однако это не единственная модальность, в которой мыслится полиция. Как отмечает О. В. Кильдюшов, «в конце XVIII века впервые возникает различие между „полицией безопасности“ (Sicherheitspolizei), защищающей от опасностей, грозящих государству и отдельным гражданам, и позитивной деятельностью полиции как „благочиния“ (Wohlfahrtspolizei). В начале XIX века это постоянно усиливающееся представление превратится в однозначное утверждение, очень близкое к современному пониманию функций полиции: „Полиция всегда имеет дело лишь с безопасностью, а повышение благосостояния лежит вне ее непосредственной цели“...» [1, с. 23]. Ключевой момент — переход от подданства к гражданству, от дисциплинарной власти к биополитике. Суверенная власть мыслила статично: в первую очередь, в категориях правового статуса, прав и обязанностей, личного характера связи суверена и вассала. Напротив, в возникшем национальном государстве новый тип «управленчества» (М. Фуко), коим стала биовласть, в рамках

проводимой биополитики обратился к совокупному населению, состоящему из граждан — индивидов, которым, с точки зрения биовласти, необходимо предоставить автономию, чтобы они проявляли инициативу, что в свою очередь принесет выгоды государству. Воздействие на ключевые жизненные процессы населения; создание специализированных институтов широко понимаемого правительства; гражданство, а не подданство; автономия и инициатива граждан — важные составляющие биополитики как нового способа государственного управления.

Но в таком случае модель рационального правления суверена (мыслимая как «утопия я- или мы-интенционального порядка» [1, с. 18]) в режиме заботы вплоть до гиперопеки подданных стала сворачиваться. Полиция уступила многочисленным функциям иным правительственным регуляторам, действующим в области здравоохранения, торговли, образования, транспорта и т. д. За полицией сохранилась функция обеспечения безопасности и правопорядка. В рамках новой системы государственного управления, поощряющей самоорганизацию, канализируемую многочисленными государственными учреждениями в русло, соответствующее целевой повестке биовласти, возникла (по образу либерального минимального государства) минимальная версия полиции. Однако, как сама биовласть не отказалась от инструментария суверенной власти, так и полиция в своей минимальной версии не отказалась от инструментария дисциплинарной власти.

Поскольку биовласть конструировала гражданина, а не подданного, она допустила население к политике. Но участие в политической жизни населения может повлечь беспорядок. И тогда полиция возвращается к модальности широкомасштабного проекта обеспечения надежных гарантий безопасности. В череде политических кризисов возникает тот образ полицейского государства, который прочно ассоциируется с репрессиями, подавлением, насилием. Понятия «полиция» и «политика», несмотря на их этимологическое и историческое родство, разделяются.

Одна из причин разделения — возможность (вероятная или мнимая) таких событий, как революция и гражданская война. В этой логике размышлял еще Т. Гоббс. «Государство, по Гоббсу, есть лишь гражданская война, постоянно сдерживаемая сильной властью. Дело, следовательно, обстоит таким образом, что одно чудовище — Левиафан, «государство» — постоянно подавляет другое — Бегемота, «революцию»... Левиафан есть „единственная коррективa“ для Бегемота... Карлейль в своей грубоватой манере говорит просто: анархия плюс полиция» [6, с. 132–133]. В такой грозной перспективе социально-полицейское государство общего бла-

га уступает место полицейскому государству как государству контроля, паноптического надзора, разметки посредством принуждения. «Оно социальное — потому что сохраняет ряд важнейших обязательств по расширенному (в сравнении с либеральным государством) обеспечению жизнедеятельности населения (социальные гарантии). Но как полицейское государство оно не допускает внутрь себя политику. Где есть полиция, там нет политики, говорил Карл Шмитт, точнее, политика выводится за границы государства, становится политикой почти исключительно внешней [6, с. 256]. Ж. Рансьер развивает мысль К. Шмитта: «Политическое есть встреча двух гетерогенных процессов. Первый — это процесс управления. Он состоит в организации собрания людей в сообщество и консенсуса между ними и основан на иерархическом распределении мест и функций. Такой процесс я назову Полицией. Второй процесс связан с равенством. Он состоит во взаимодействии практик, направляемых предположением равенства кого угодно с кем угодно и заботой о верификации этого равенства» [7, с. 99]. Полиция стремится сохранить сложившийся status quo, она выступает против деятельности, направленной на изменение социальных отношений. Поскольку «сущность политики — вносить возмущение», постольку полиция «постоянно стремится уничтожить политику» [7, с. 210]. И хотя «словосочетание „полицейское государство“ изначально не содержало в себе ничего скверного, ... полицейское государство стало равняться неправомерному» [8, с. 328–329]. Возникает другой полюс континуума возможностей — полиция заботы о самосохранении государства; заботы о власти, а не о населении. Как следствие, автономная личность существенно ограничивается в своей свободе. Крайность этого порядка — использование полиции исключительно как репрессивной машины. В такой перспективе «полицейское государство — это государство рутины. Оно может стремиться к тому, чтобы подданные вели себя сообразно “добрым нравам”» [8, с. 261]. Полицейское государство такого типа воспроизводит «стабильность».

Таким образом, при переходе от суверенной власти к биовласти в ходе применения мер биополитического управления, в рамках которых индивид мыслится не как пассивный подданный, но как активный гражданин, возникает широкий спектр возможностей, при этом полиция обнаруживает свой конструктивный и деструктивный, инклюзивный и сдерживающий потенциал. В этом континууме возможностей полиция как орган власти и режим конструирования социального порядка формируется на пересечении тенденций эмансипации граждан, в пределах автономии опирающихся на собственную инициативу, и необходимости

сохранения правопорядка и гарантий общественной безопасности. Это тонкое равновесие между встречными тенденциями пересборки социального и сохранения общества и государства определяют актуальный выбор режима полициирования из доступного континуума возможностей. Благополучие усиливает социально ориентированную модальность «полиции благосостояния», социальное напряжение влечет усиление «полиции безопасности». Биополитика как гибкая манипулятивная технология власти, основанная на контроле над ключевыми жизненными процессами населения, успешно комбинирует оба арсенала полицейских мер воздействия.

Список источников

1. Кильдюшов О. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3.
2. Попов Д. В. К вопросу о рождении биополитики: загадка, которую не замечают // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 1.
3. Филиппов А. Ф. Полицейское государство и всеобщее благо: к истории одной идеологии. Статья первая // Отечественные записки. 2012. № 2.
4. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб., 2011.
5. Филиппов А. Ф. Политическое единство, политическое множество и полицейское государство: к постановке проблемы // Пути России. Новые языки социального описания. М., 2014.
6. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб., 2006.
7. Рансьер Ж. На краю политического. М., 2006.
8. Филиппов А. Ф. Новое рождение политического из деполитизированного: кризис полицейского управления и множественные солидарности // Развитие и экономика. 2012. № 3.

Р. Ю. Рунаев, В. В. Инкин

Особенности взаимодействия полиции и общества в современных условиях

Прежде чем говорить о взаимодействии правоохранительных органов в лице полиции с обществом, стоит определить, какое значение вкладывается в такое исходное для нашей статьи понятие, как «общество». Последнее

довольно многогранно по своему сущностному содержанию, и чтобы проанализировать, что же на самом деле представляет собой структура построения общественных отношений, стоит обратиться к учениям представителей философских и социологических научных течений различных эпох.

Если говорить об Античности, то Аристотель, Платон и Цицерон уделяли большое внимание вопросам понимания общества и государства в целом. По своей сути данные понятия античными авторами практически отождествлялись и понимались как цивилизационные формы самоорганизации людей, только «государство» больше определялось взглядами людей на политическое устройство общества, тогда как «общество» подчинялось социологическим процессам сущностного бытия людей.

Общество как огромный механизм существует благодаря различным потребностям людей. Являясь совокупностью людей, объединенных для удовлетворения своих потребностей, со временем оно разрасталось, обуславливая появление у своих членов новых интересов. Аналитические теории определяли общество как относительно самостоятельное или самообеспечиваемое население, характеризующееся внутренней организацией, территориальностью, культурными различиями [1, с. 239].

В процессе эволюции и развития общества начиналось разрастание различных конфликтов между отдельными группами населения. Это выражалось в кражах, беспорядках, убийствах и прочих общественно опасных деяниях, которые фактически наносили значительный вред как отдельному человеку, так и обществу в целом. В целях урегулирования подобных криминальных ситуаций государством в интересах общества начинали создаваться правоохранительные структуры для защиты населения от преступных посягательств со стороны асоциально настроенной категории гражданского населения.

Слово «полиция» пришло к нам из Древней Греции, где для поддержания порядка и осуществления власти в полисах был создан специализированный орган, который на постоянной основе обеспечивал общественную безопасность и порядок. В нашей стране функции по охране общества выполняли различные должностные лица, именуемые в каждый исторический период существования России по-разному: вотчинники и помещики, их слуги, волостели и наместники князей, посадники, тиуны, мечники, праветчики, доводчики, дворские, приставы и др.

Как официальный исполнительный орган полиция образовалась в 1715 г. С этого момента началось бурное развитие полиции как органа, ведающего защитой общества от неправомерных действий. «Полиция, — обозначал Петр I в Регламенте, или Уставе Главного Магистрата

(1721 г.), — есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства».

Общество не может существовать без постоянно действующего органа, который пресекал бы нарушения порядка. Иначе общество ждет неминуемый культурно-правовой нигилизм и, как следствие, хаос, угасание и гибель.

Полиция выступает важнейшим регулятором отношений, складывающихся в обществе. Это могут быть отношения как между отдельными гражданами, так и между различными социальными группами. Полиция осуществляет свою деятельность в соответствии с принципами открытости, беспристрастности и законности. Эти основополагающие принципы правоохранительной работы дают нам понимание того, что именно полиция сможет защитить граждан и общество в целом, независимо от своих субъективных чувств и желаний, а основываясь на нормах закона и понимании социальной справедливости.

«Полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств». Данный тезис взят из основополагающего нормативного акта, регулирующего деятельность полиции в нашей стране, — Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ч. 2 ст. 1). Однако в реальной жизни не всегда все происходит так. Причины деструктивных факторов в работе полиции можно называть разные.

В первую очередь это значительный объем работы, который возлагается на каждого сотрудника полиции в условиях ненормированного трудового графика.

Следует упомянуть также и о значительном некомплекте во многих подразделениях полиции.

Негативному восприятию полиции либеральной частью общества способствует и применение правоохранительными структурами «легитимного насилия», особенно в рамках выполнения специальных задач и функций по обеспечению общественной безопасности. Органы внутренних дел, являясь основным субъектом обеспечения общественного порядка, выступают инициаторами ряда организационных мероприятий, основное содержание которых состоит в создании наиболее благоприятных условий для обеспечения безопасности общества в целом [2, с. 92].

Вместе с тем необходимо учитывать соразмерность и минимизацию наносимого правонарушителям ущерба, по-возможности избегая причинения летальных последствий применения специальных средств. И сотрудник полиции нередко оказывается в ситуации морального выбора:

использовать или не использовать спецсредства, которые он по закону может применить в отношении граждан.

Промедление либо сознательный отказ от использования специальных средств и (или) оружия в сложных ситуациях может повлечь возникновение риска для жизни и здоровья самого сотрудника. И в данном случае сотрудник полиции, стремясь сохранить репутацию правоохранительных органов как представляющей государственную власть силовой структуры, инициативно подавляет свойственный ему, как и любому человеку, инстинкт самосохранения.

Обратная ситуация возникает, когда сотрудник, несмотря на риск оказаться в центре резонансного конфликта, в соответствии с ведомственными инструкциями и нормативными правовыми актами применяет физическую силу и специальные средства в отношении участников несанкционированных митингов и шествий. В данном случае крайне важно соблюдать умеренность и соразмерность причиняемого «оправданного» насилия и удержаться в рамках минимизации оказываемого на правонарушителей воздействия.

Так, несанкционированные митинги в поддержку оппозиционных кандидатов на избрание в Мосгордуму в августе 2019 г. дали возможность либеральной общественности осудить действия сотрудников ОМОН, один из которых при задержании Дарьи Сосновской ударил ее рукой в живот, а другой, неделей ранее, при задержании актера Павла Устинова спровоцировал ситуацию (сам упал и получил телесные повреждения в виде «вывиха плечевого сустава»), которая дала основание следственным органам и суду квалифицировать действия задержанного по ч. 2 ст. 318 УК РФ (применение опасного для здоровья насилия к сотруднику Росгвардии) и назначить ему наказание в виде 3,5 лет лишения свободы. Вследствие общественного протеста осужденный был отпущен на свободу¹.

В связи с такими ситуациями в обществе возникает недоверие к деятельности полиции как органа власти, за которым неизбежно следует критика работы правоохранителей и публичное порицание полицейской профессии. Перманентно нарастающее социальное напряжение может привести к еще большим проблемам, например, развитию у молодого поколения правового нигилизма и чувства неприязни к деятельности правоохранительных структур.

В связи с этим полиции необходимо поднять свой престиж в глазах населения. В сложившейся сегодня в нашей стране нестабильной политической обстановке крайне важно, чтобы полиция была ближе к народу, как это было в советские времена. В данный момент у граждан при виде

¹ URL: <https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru>.

сотрудника полиции в форме подчас возникает недоверие и страх. Полиция же не может полноценно выполнять свои задачи в условиях общественного недоверия и порицания.

Но несмотря на имеющиеся сложности в работе, подавляющее большинство действующих сотрудников полиции выполняет свой долг профессионально и честно, не считаясь с личным временем и риском для жизни. Так, отдельного упоминания заслуживает недавний пример героических действий со стороны инспектора ДПС из Перми лейтенанта полиции Константина Калинина, который вступил в перестрелку с «пермским стрелком» Тимуром Бекмансуровым, устроившим охоту на людей с профессиональным тактическим карабином, и обезвредил его при помощи табельного оружия².

На современном этапе взаимодействие органов внутренних дел и общества достигается путем совместной борьбы с нарушениями закона в ходе охраны общественного порядка (ст. 8 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»). Граждане могут вносить предложения в органы публичной власти об изменениях в законодательстве, касающихся общественной жизни и ряда других вопросов жизнедеятельности. Здесь важно помнить, что лишь совместными усилиями общества и полиции можно достичь результата в обеспечении законности и правопорядка и прежде всего посредством коллективной ответственности за защиту и сохранность высоких общественных идеалов.

Список источников

1. Асмус В. Ф. Античная философия : учебное пособие М., 1976.
2. Медведев В. И., Косяченко В. И. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении массовых мероприятий. Волгоград, 2015.

В. И. Сургутсков

Укрепление участкового звена — приоритетное направление в современном развитии МВД России

Весьма сложно переоценить роль, которую играют сегодня участковые уполномоченные полиции (далее — участковые уполномоченные, участковые, УУП) в структуре органов внутренних дел Российской Фе-

² URL: <https://properm.ru/turbopages.org/properm.ru/s/news/society>.

дерации (далее — ОВД). Фактически они представляют собой «лицо» полиции, поскольку их работа основана на постоянном общении с гражданами, решении самых разнообразных задач по противодействию преступности, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. *Участковые выполняют ключевую роль в реализации большинства основных направлений деятельности российской полиции.* Особенно это заметно в труднодоступной и отдаленной «от благ цивилизации» сельской местности, где участковый подчас выступает единственным представителем публичной власти.

Современный участковый уполномоченный — это сотрудник полиции, который осуществляет оперативно-служебную деятельность по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, по противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечению общественной безопасности путем несения службы на закрепленной части территории муниципального образования, обслуживаемой территориальным органом МВД России на районном уровне (административном участке).

Прообразом участковых за многовековую историю нашего государства в различных источниках называются губные старосты, квартальные надзиратели, околоточные надзиратели, полицейские урядники, участковые надзиратели, старшие милиционеры, участковые инспекторы (уполномоченные) милиции.

17 ноября 1923 г. приказом Народного комиссариата внутренних дел РСФСР № 103 была утверждена Инструкция участковому надзирателю. Эта дата официально считается началом формирования службы участковых¹.

В постсоветский период, начиная с 1991 г. вплоть до принятия и вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон о полиции, Закон) служба УУП продолжала функционировать, неоднократно менялись задачи, круг полномочий участковых. За это время были изданы три ведомственных нормативных акта, непосредственно регламентирующие вопросы организации службы УУП². Однако на практике меры, призванные улучшить работу участко-

¹ Об объявлении Дня участковых уполномоченных милиции : приказ МВД России от 6 сентября 2002 г. № 868.

² Об утверждении Инструкции по организации работы участкового инспектора милиции : приказ МВД России от 14 июля 1992 г. № 231 (утратил силу) ; О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции : приказ МВД России от 16 июля 2002 г. № 900 (утратил силу) ; Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции : приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 (утратил силу).

вых, реализовывались слабо. Непрерывный отток квалифицированных кадров, низкий уровень материально-технической обеспеченности, нерешенность социально-бытовых вопросов, чрезмерная загруженность участковых — все эти негативные факторы умилили сложившийся в советское время авторитет службы УУП.

В настоящее время подразделения УУП насчитывают более 50 тыс. сотрудников полиции. Ими ежегодно раскрывается почти четверть всех зарегистрированных преступлений [1, с. 30]. Наличие значительного объема предоставленных полномочий обуславливает высокую степень ответственности каждого сотрудника этих подразделений за совершаемые ими правоприменительные действия и принимаемые решения.

На расширенной Коллегии МВД России в марте 2021 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин акцентировал внимание на том, что «в профилактической работе заметно возрастает роль участковых. Они должны владеть ситуацией на своей территории, чаще общаться с жителями, своевременно выявлять назревшие конфликтные ситуации, активнее работать с гражданами из так называемых групп риска... В противном случае отсутствие должной реакции, халатное отношение к своим обязанностям могут обернуться трагедией» [2, с. 5]. На расширенной Коллегии МВД России, состоявшейся в феврале 2022 г., В. В. Путин также отметил высокую роль участковых в раскрываемости преступлений и профилактической работе, обратив внимание руководства Министерства внутренних дел на принятие решений, направленных на укрепление участкового звена, на улучшение условий службы и социальной защиты УУП³.

В преддверии юбилея образования службы УУП в целях совершенствования нормативно-правовой базы, регламентирующей ее деятельность, приказом МВД России от 30 марта 2020 г. № 191 утверждена Концепция развития службы участковых уполномоченных территориальных органов МВД России на 2020–2023 годы (далее — Концепция службы УУП, Концепция). Согласно Концепции современное предназначение службы УУП состоит в обеспечении правопорядка на обслуживаемом участковым административном участке, выстраивании конструктивного взаимодействия с гражданами, завоевании прочного доверия населения страны к полиции, повышении правовой культуры в обществе, своевременном и эффективном реагировании на совершаемые правонарушения, выявлении и устранении причин и условий, им способствующих.

³ *Расширенное заседание коллегии МВД России.* URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 25.04.2022).

Данный стратегический документ — это система взглядов и представлений, предусматривающая комплекс мер, направленных на устойчивое развитие службы участковых уполномоченных, совершенствование ее правового, организационно-штатного, научно-технического, кадрового и ресурсного потенциалов, реальное воплощение которых позволит наиболее эффективно выполнять поставленные руководством страны и Министерством внутренних дел задачи. Она реализуется на федеральном, региональном и районном уровнях и включает оценку текущего состояния деятельности службы УУП, ключевые цели, принципы развития, а также задачи.

В ближайшие годы повышение эффективности оперативно-служебной деятельности службы УУП, реализация поставленных в Концепции целей и задач будет во многом зависеть от должного организационно-правового, финансового, материально-технического и кадрового обеспечения данной службы [3, с. 171].

С 2019 г. УУП освобождены от некоторых функций, признанных избыточными и дублирующими деятельность других подразделений полиции, произошло снижение объема документооборота. Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» исключил существовавшую в территориальных органах МВД России практику поручения участковым проверок по зарегистрированным заявлениям и сообщениям о преступлениях экономической направленности, тяжких и особо тяжких преступлениях или заявлениям и сообщениям, не относящимся к компетенции полиции. Неоправданная со стороны отдельных руководителей практика использования участковых для выполнения текущих оперативно-служебных задач вне территории административного участка приводит к их фактическому отрыву от населения, существенно снижает потенциал их профилактического воздействия на происходящие в жилом секторе криминогенные процессы, вызывает обоснованное недовольство граждан отсутствием полиции в местах их постоянного проживания. Приказ запретил УУП разбираться с теми правонарушениями и происшествиями, которые были совершены вне территории закрепленных за ними административных участков. В нем также уточнен порядок привлечения участковых уполномоченных к выполнению задач, не связанных с обслуживанием административного участка, в целях создания приемлемых условий труда и недопущения перегруженности в работе. Предпринятые меры позволяют

оптимизировать работу участковых, сосредоточить основные усилия на предупреждении правонарушений и работе с обращениями граждан [4, с. 1].

Таким образом, в настоящее время руководством МВД России выработан механизм формирования стабильного ядра службы и приостановления текучести кадров службы УУП. Его успешная реализация создаст участковым уполномоченным необходимые условия для качественного исполнения возложенных на них обязанностей.

Список источников

1. *Давыдов М.* Участковый в шаговой доступности // Полиция России. 2021. № 8.
2. *Наступательно бороться с криминальной угрозой* // Полиция России. 2021. № 3.
3. *Бровко Н. В.* О проблемах реализации Концепции развития службы участковых в системе МВД России в первой четверти XXI века // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3.
4. *Потенциал открытости и сотрудничества* // Профессионал. 2019. № 5.

С. А. Трофимова

Местное самоуправление в воззрениях В. Н. Лешкова

Имя В. Н. Лешкова в отечественном правоведении известно тем, что в середине XIX в. он ввел в научный оборот термин «общественное право». Будучи профессором по кафедре законов государственного благоустройства и благочиния, именуемой впоследствии кафедрой полицейского права, он не разделял взглядов классических полицейстов, выступающих за построение «вертикальных» отношений государства и общества. Ученый разработал оригинальную теорию общественного права, учитывающую исторические начала, специфику национальной русской государственности и акцентированную на праве общества на самостоятельность.

Ключевым положением учения В. Н. Лешкова является идея местного самоуправления. В своем труде «О праве самостоятельности как основе для самоуправления» он позиционирует общество в качестве самостоятельного субъекта права, объясняя это тем, что человек, будучи существом социальным, живет и развивается в обществе [1, с. 8].

Рассуждая о природе общества, ученый выделяет в нем две группы. Первая — «натуральная» — включает семью, общину, в целом народ. Вторая — «гражданская» — подразумевает различные корпорации, артели. Все общества создаются для достижения определенной значимой цели. И если отнесенные ко второй группе общества могут прекратить свое существование, достигнув желаемого, то к первой группе такой подход неприменим, поскольку «семья, община, народ представляют собой историю человечества и сама идея их существования постоянна, неизменна» [1, с. 14]. Поэтому общечеловеческие общества в представлении В. Н. Лешкова — это не юридические лица, определяемые волей и целями отдельных индивидов, а самостоятельный субъект общественных прав.

Обществу в учении правоведа отведена первичная роль по отношению к государству. И. А. Емельянова считает, что это утверждение представляет собой наиболее ценное положение в концепции ученого [2, с. 68]. «Общины, села и города, равно как земщина и земство, подобно областям и народу, появляются раньше государства, служа для него основанием, почвой, мотивом бытия...» [1, с. 15], и вмешательство в жизнь общества В. Н. Лешков считает недопустимым. Речь здесь идет не о государственном регулировании жизни общества в виде установления общих законов, контроля над их соблюдением или же оказываемой в случае необходимости помощи и защите. Под вмешательством подразумевается тотальная регламентация общественной жизни, являющаяся нормой, например, в полицейском государстве, реализуемая в качестве политики эвдемонизма [3, с. 752].

Проводя параллель с правами лица на собственность, когда оно вправе независимо и свободно владеть, пользоваться и распоряжаться чем-либо по своему усмотрению, В. Н. Лешков приходит к выводу, что и общество как самостоятельный субъект права также может независимо распоряжаться в пределах своего предмета ведения. Главным критерием при распоряжении будут являться принципы, действующие в обществе, рожденные народной жизнью и не противоречащие букве закона.

Указанное положение проецируется и на семью как один из элементов общества. Профессор приводит в пример моральные положения о взаимной любви супругов, родителей и детей, лежащие в основе законов, регулирующих семейные отношения. Когда семья не нарушает законного принципа, тогда она действует самостоятельно и никакому вмешательству со стороны государства или полиции не подлежит.

По аналогии должна реализовываться, в представлении В. Н. Лешкова, и самостоятельность общинного быта, касающегося функцио-

нирования церковных приходов, школ, больниц, дорог. Законом устанавливаются общие начала их функционирования, государством обеспечивается контроль за соблюдением прописанных в законе правил. Иное вмешательство в деятельность общин недопустимо. Таким же самостоятельным согласно теории общественного права должно выступать и земство.

Идеи профессора В. Н. Лешкова дополнили российскую науку полицейского права и подготовили почву для возникновения административного и муниципального права [4, с. 133].

Список источников

1. *Лешков В. Н.* О праве самостоятельности как основе для самоуправления. М., 1871.

2. *Емельянова И. А.* «Общественное право» В. Н. Лешкова // Известия высших учебных заведений. 1987. № 6.

3. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Полицейско-правовая теория конца XIX — начала XX века о личности — субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2020. № 45(4).

4. *Бельский К. С.* Выдающийся русский ученый-полицист В. Н. Лешков // *Государство и право.* 1996. № 1.

С. Г. Шапошников

Административно-правовой статус сотрудника подразделения полиции по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы

Развитие современного общества требует четкой регламентации деятельности полиции и формирования представления о сотруднике как о представителе государства, охраняющего права и свободы граждан. В процессе совершенствования организационно-штатного построения и модернизации в условиях экономической оптимизации полиция продолжает оставаться стержнем правоохранительных органов. В ходе продолжающихся преобразований в полиции появляются новые направления деятельности, а следовательно, вводятся новые должности.

Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» была определена новая обязанность, заключающаяся в надзоре за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы (далее — МЛС), установленных судом в соответствии с законодательством ограничений и запретов. В целях надлежащего исполнения указанной обязанности в полиции появляются соответствующие должности.

Сотрудники, назначаемые на указанные должности, реализуют одно из ключевых направлений профилактики правонарушений среди категории ранее судимых граждан [1, с. 33]. Ненадлежащее выполнение ими функциональных обязанностей приводит к тяжким последствиям, вызывающим широкий общественный резонанс и влекущим неблагоприятные последствия для самих сотрудников. Так, следственным комитетом по Кемеровской области возбуждено уголовное дело о халатности сотрудников полиции, осуществляющих административный надзор за лицами, освобожденными из МЛС, после убийства поднадзорным лицом двух школьников. Поэтому анализ административно-правового статуса сотрудника полиции, осуществляющего административный надзор, и выявление пробелов в его деятельности крайне важны.

В теории права принято выделять следующие правовые статусы: общий (базовый или конституционный), специальный (родовой) — для отдельных групп граждан (государственных служащих, осужденных, пенсионеров и др.), индивидуальный (частный), в котором отражены признаки, характеризующие правовое положение конкретного лица [2, с. 63].

Общий (конституционный) правовой статус присущ всем категориям граждан. Относительно элементов, входящих в специальный правовой, в частности в статус сотрудника полиции, существуют различные мнения. Например, В. М. Манохин к указанным элементам относит, помимо прав и обязанностей по занимаемой должности, также правовые формы деятельности и порядок взаимоотношений между участниками [3, с. 73].

В свою очередь Ю. Н. Стариков к вышеназванным элементам относит ответственность, льготы, гарантии и компенсации [4, с. 135].

Обобщая указанные определения, следует отметить, что правовой статус сотрудника полиции, осуществляющего административный надзор, включает в себя следующие элементы: 1) права сотрудника; 2) обязанности сотрудника; 3) ответственность сотрудника; 4) ограничения

и запреты; 5) правовые гарантии административно-правового статуса сотрудника полиции, осуществляющего административный надзор. Рассмотрим каждый из указанных компонентов административно-правового статуса сотрудника подразделения полиции по осуществлению административного надзора.

Права государственного служащего — это совокупность норм, охраняемых силой государственного принуждения и предоставляющих стабильность, гарантию социально-правового статуса государственного служащего и правовое регулирование его служебной деятельности [5, с. 31].

В связи с особенностями деятельности подразделений полиции указанные права облекаются в форму властных полномочий, дающих правовую возможность сотруднику обладать большими полномочиями по сравнению с другими гражданами для регулирования и упорядочивания общественных отношений, что в свою очередь влечет ответственность за состояние правопорядка и безопасности в государстве.

Относительно сотрудников органов правопорядка Д. Н. Бахрах говорит о развернутой классификации прав, выделяя служебные, включающие в себя общеслужебные, которыми обладает каждый сотрудник, исполняющий должностные обязанности и должностные права [6, с. 39]. Конкретизирующие деятельность сотрудника права по замещаемой должности определяются в должностной инструкции (регламенте).

При анализе законодательных актов установлено, что в настоящее время сотрудники подразделений полиции по осуществлению административного надзора не вправе рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 19.24 КоАП РФ, в отличие от участковых уполномоченных полиции, которые таковым правом обладают.

Сотрудники подразделений полиции по осуществлению административного надзора путем надлежащего исполнения своих обязанностей призваны обеспечить соблюдение, исполнение, практическую реализацию, защиту и охрану прав граждан.

Представляет интерес классификация обязанностей, предложенная Ю. Н. Стариковым, который разделяет их на основные, устанавливаемые законами, и особые, определяемые для отдельных категорий государственных служащих специальными нормативными актами [4, с. 332]. Д. Н. Бахрах разделяет обязанности на общеслужебные и должностные [7, с. 134].

Из указанных определений можно выделить следующие юридические обязанности сотрудников подразделений полиции по осуществле-

нию административного надзора: основные (общие), общеслужебные, служебно-профильные. К основным следует отнести закрепленные в Конституции РФ обязанности соблюдать основной закон государства, законы, иные подзаконные нормативные правовые акты, своевременно уплачивать налоги и др. Служебные определяют его обязанности как сотрудника полиции. Служебно-профильные обязанности конкретизируют основные и служебные обязанности применительно к специфике осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из МЛС.

Изучение нормативных правовых актов, показывает, что на сегодняшний день у сотрудников рассматриваемых подразделений полиции отсутствует обязанность по рассмотрению обращений (заявлений, сообщений) поднадзорного и граждан о противоправной деятельности.

На наш взгляд, наделение такой обязанностью позволило бы иметь более полную информацию о контролируемой категории граждан, своевременно реагировать на их противоправное поведение.

Государство, наделяя сотрудников подразделений полиции по осуществлению административного надзора определенными государственно-властными правами и возлагая соответствующие обязанности, определяет юридическую ответственность за превышение или противозаконное использование предоставленных прав, а также невыполнение либо ненадлежащее выполнение обязанностей. Указанные сотрудники могут быть привлечены к административной, гражданской, дисциплинарной или уголовной ответственности на основании законодательства РФ. Меры ответственности направлены в первую очередь на предупреждение общественно опасных деяний и устранение их негативных последствий.

Еще один компонент административно-правового статуса сотрудника подразделения полиции по осуществлению административного надзора — установленные законом запреты и ограничения, являющиеся важной мерой обеспечения законного осуществления указанной категорией сотрудников своих прав.

А. В. Малько рассматривает правовое ограничение как правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условие для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите [8, с. 19].

С. С. Алексеев же считает, что ограничения — «это вопрос не о способах, а об объеме регулирования, о границах имеющихся у лиц прав, которые характеризуют результат юридического регулирования» [9, с. 65].

Под ограничением, связанным с прохождением службы в подразделениях полиции, осуществляющих административный надзор, следует

понимать закрепленные нормами права условия и обстоятельства, при наличии или возникновении которых сотрудники не могут проходить службу в данных подразделениях и подлежат увольнению из органов внутренних дел.

Запрет выражается в государственно-властном велении сотруднику данных подразделений полиции воздержаться от совершения строго определенных действий, а нарушение указанной запрещающей нормы влечет наступление юридической ответственности.

Последний элемент административно-правового статуса сотрудника подразделения полиции, осуществляющего административный надзор, — это правовые гарантии, являющиеся механизмом защиты сотрудников при осуществлении ими своего административно-правового статуса в практической деятельности. Указанные гарантии можно разделить на два вида. К первому относятся гарантии, призванные обеспечить защиту и реализацию полномочий данных должностных лиц в служебной деятельности:

- гарантии личной безопасности;
- запрет на вмешательство в законную деятельность сотрудника, осуществляющего административный надзор;
- обязательность выполнения поднадзорными лицами законных требований сотрудника;
- предусмотренная законодательством ответственность, за воспрепятствование исполнению сотрудником должностных обязанностей;
- правовая защита сотрудника от дачи объяснений по существу находящихся в его производстве дел и материалов; предоставлении таких дел и материалов, затрагивающих права и свободы человека и гражданина, не иначе как в случаях, предусмотренных законом;
- государственная защита жизни и здоровья, чести и достоинства сотрудника и членов его семьи, а также имущества, принадлежащего ему и членам его семьи, от преступных посягательств в связи с выполнением служебных обязанностей.

Ко второму виду относятся гарантии социальной защиты сотрудника:

- оплата труда;
- страховые гарантии;
- право на медицинское обслуживание;
- гарантии в связи с прохождением службы.

В настоящее время не в полном объеме урегулирован вопрос правовых гарантий сотрудника полиции, осуществляющего административный надзор. Так, для сотрудников уголовно-исполнительной службы,

осуществляющих работу с лицами, осужденными к уголовному наказанию, не связанному с лишением свободы, и имеющими сходные должностные полномочия с сотрудниками полиции, осуществляющими административный надзор, установлено льготное исчисление выслуги лет (1 месяц за 1,5). Для сотрудников полиции, осуществляющих работу с поднадзорными лицами, таковой льготы нет, в связи с этим требуется законодательное закрепление указанного льготного исчисления выслуги лет для данной категории сотрудников.

Подводя итог, следует сказать, что направлением совершенствования административно-правового статуса сотрудников подразделений полиции по осуществлению административного надзора является расширение прав и обязанностей, регламентация правовых гарантий в целях более успешного выполнения указанными должностными лицами служебных обязанностей.

Список источников

1. *Кирюхин В. В.* Полицейский надзор: к поискам истоков // Административное право и процесс. 2021. № 3.
2. *Матузов Н. И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987.
3. *Манохин В. М.* Советская государственная служба. М., 1966.
4. *Старилов Ю. Н.* Служебное право. М., 1996.
5. *Василенко А. И.* Права государственных служащих как основа их правового статуса по российскому законодательству // Юридический мир. 2015. № 1.
6. *Бахрах Д. Н.* Государственная служба России. Екатеринбург, 2006.
7. *Бахрах Д. Н.* Административное право России. Екатеринбург, 1996. Ч. 1.
8. *Малько А. В.* Правовые ограничения: от отраслевого ограничения к теоретическому // Правоведение. 1993. № 5.
9. *Алексеев С. С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989.

РАЗДЕЛ II.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т. И. Андрющенко

Рассмотрение административных исков в административном судопроизводстве

Административные судебные иски являются новой концепцией в российском законодательстве. Главная отличительная особенность административных исков заключается в том, что одной из сторон в данном производстве являются государство или государственные органы. Ранее данные правоотношения имели правовое регулирование, закрепленное в разделе о публичном судопроизводстве Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ), который с принятием Кодекса административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ) был признан недействительным.

На основании проанализированных ранее подходов можно привести следующее понимание правовой категории «административный иск»: обращенное через административный суд материально-правовое требование истца к ответчику по защите прав, свобод, интересов или реализации полномочий в сфере публичных отношений путем разрешения публично-правового спора на основе равенства и состязательности сторон. Раскрытие правовой категории административного иска было бы неполным без выделения его характерных признаков:

1) является универсальным средством защиты прав, свобод и интересов или реализации полномочий в сфере публично-правовых отношений, регулируемых нормами не только административного, но и финансового, конституционного и других отраслей общественного права;

2) выступает гарантией реализации права на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина в административном судопроизводстве;

3) является средством обеспечения инициирования искового производства и защиты нарушенного права в административном судопроизводстве;

4) рассматривается (разрешает соответствующий публично-правовой спор) на основе состязательности и равенства сторон перед законом и судом;

5) обеспечивает защиту публичных интересов, положенных в основу определения компетенции (функций, полномочий) органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и других публично-властных субъектов полномочий.

Следовательно, защищая публичный интерес, суд обеспечивает прежде всего правомерность реализации публично-властных полномочий соответствующих субъектов публично-правовых отношений во взаимоотношениях с невластными субъектами.

Правовая природа административного иска включает соединение материально-правового и процессуального аспектов, для его правильного понимания необходимо исследовать природу публично-правового спора, поскольку административный суд рассматривает требование о защите прав, свобод, интересов или реализации полномочий в сфере публично-правовых отношений в связи с решением именно публично-правового спора, возникшего между сторонами спорных правоотношений. Учитывая, что исковая форма защиты прав, свобод, интересов и реализации полномочий в сфере публично-правовых отношений является процессуальной формой, которая применяется при разрешении публично-правовых споров в порядке административного судопроизводства, следует обратиться к определению публично-правового спора.

Публично-правовой спор — это воплощенное в юридически значимых действиях противоречие для реализации прав, свобод, интересов, полномочий в публично-правовых отношениях, а также публично-властных (в том числе управленческих) функций и связанных с ними прав, свобод, интересов вне конкретных правоотношений.

Можно выделить его основные признаки:

— имеет характер спорных правоотношений, которые всегда публично-правовые;

— возникает во время осуществления публично-властных управленческих функций (поэтому хотя бы одной стороной публично-правового спора должен выступать субъект, наделенный публично-властными полномочиями, причем именно в связи с их реализацией);

— воплощается в юридически значимых действиях сторон, поскольку публично-правовой спор, как и любой другой конфликт, находит выражение во взаимодействии сторон спора;

— разрешение требует специфических правовых процедур, отличных от разрешения частно-правовых споров, что обусловливается существенными отличиями, которые отражены в принципе официальной связи всех обстоятельств по делу, презумпции правомерности требований истца физического или юридического лица и т. д.

К форме и содержанию административного искового заявления ст. 125 КАС РФ установлены следующие требования. Административное исковое заявление подается в суд в письменной форме и подписывается с указанием даты административным истцом и (или) его представителем с учетом наличия у последнего полномочий к подписанию такого заявления и предъявлению его в суд. Если иное не установлено Кодексом, в административном исковом заявлении должно быть указано следующее:

— наименование суда, в который подано административное исковое заявление;

— наименование административного истца и ответчика по административному иску;

— информация о том, какие права, свободы и законные интересы были нарушены;

— характеристика предъявленных требований к административному ответчику, оснований и доводов, на которых основаны данные требования;

— информация о том, имел ли место досудебный порядок урегулирования спора в установленных законом случаях;

— результаты рассмотрения жалобы, если до обращения в суд она подавалась в порядке подчиненности;

— иная информация в случаях, закрепленных в КАС РФ.

В дополнение к простой письменной форме в соответствии с ч. 8 ст. 125 в КАС РФ предусматривается возможность подачи искового заявления через интернет путем заполнения специальной формы на веб-сайте суда. Задача электронной судебной системы — обеспечить доступность правосудия, гарантировать справедливое публичное разбирательство, сократить время рассмотрения административных исковых заявлений в судебном порядке [1, с. 25].

Появление в административном процессе возможности подачи заявлений в электронном виде способствует соблюдению принципа диспозитивности: истец по своему разумению выбирает форму по-

дачи административного искового заявления (электронную или письменную).

В настоящее время существует возможность подачи коллективных административных исков. Административные дела по административным исковым заявлениям рассматриваются судом в том случае, если ко дню обращения в суд к требованию присоединилось не менее двадцати человек. При этом присоединение к требованию осуществляется путем подписания текста административного искового заявления либо подачи в письменной форме отдельного заявления о присоединении к последнему. Данная форма является достаточно новой для административного процесса, но имеет большое практическое значение.

В действующем законодательстве срок разрешения вопроса о принятии административного искового заявления к производству составляет три дня (ст. 127 КАС РФ). Сжатые сроки установлены для отдельных категорий дел. Например, исковое заявление, связанное с административным надзором, незамедлительно принимается к производству суда (ч. 1 ст. 272 КАС РФ).

Судебное разбирательство по административному делу осуществляется устно, кроме рассмотрения в порядке упрощенного производства (ст. 140 КАС РФ). Судебное разбирательство начинается с открытия судебного заседания судьей, после чего проверяется явка лиц, участвующих в деле, разъясняются их права (ст. ст. 145–146 КАС РФ). Если имеются основания для отвода судьи, их лучше заявить непосредственно перед указанной стадией. Выступать в суде, давать пояснения, обращаться с вопросом можно только с разрешения судьи.

Судебное разбирательство по административному иску начинается с вынесения определения о назначении административного дела к судебному разбирательству и заканчивается объявлением решения суда. Верховным Судом Российской Федерации административные дела рассматриваются и разрешаются до истечения трех месяцев, другими судами — двух месяцев. Этот срок начинает исчисляться с момента поступления административного искового заявления в суд.

Таким образом, после принятия КАС РФ в России производство по административным искам осуществляется в соответствии с данным нормативным актом. Возможность обжалования действий (бездействия) и актов государственных органов и должностных лиц в суд способствует защите прав граждан. Административное исковое заявление является важным инструментом в соблюдении прав лиц во взаимодействии с публичной администрацией.

Список источников:

1. *Миронов А. Н.* Административно-процессуальное право : учебное пособие : 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020.

О. И. Бекетов

Административно-правовое понуждение и принуждение в деятельности полиции

Выдающийся русский философ и правовед, доктор государственных наук, профессор Иван Александрович Ильин в своем труде «О сопротивлении злу силою» [1, с. 375], полемизируя с Л. Н. Толстым относительно верности выдвинутого последним принципа «непротивления злу насилием», много внимания уделил таким методам воздействия на других людей, как «заставление», «психическое понуждение», «физическое понуждение и пресечение», «принуждение», «насилие», использовал термин «сфера волевого заставления». «Заставление» других, по мнению философа, может выражаться в воздействии на мотивы поведения приказом, запретом, угрозой, но может выражаться и в прямом воздействии на человеческое тело (толчок, удар, связывание и т. п.) [3, с. 395]. Приведу одну из красноречивых цитат из его работы: «Необходимо признать, что правовые и государственные законы суть не законы насилия, а законы психического понуждения, обращающиеся к автономным субъектам права для того, чтобы сообщить их воле верное направление. В основной своей идее и в своем нормальном действии правовой закон есть формула зрелого правосознания, закреплённая мыслью, выдвинутая волею и идущая на помощь незрелому, но воспитывающему себя правосознанию; при этом именно волевой элемент закона представляет собою начало психического понуждения». (Можно представить себе элементарный образ. Почему, управляя автомобилем, мы стараемся выдерживать установленную Правилами дорожного движения скорость, скажем, 60 километров в час? Очевидно «формула зрелого правосознания» в этом случае спешит на помощь незрелому индивидуальному правосознанию водителя) И далее: «Правовой закон отнюдь не насилует человека, не попирает его достоинства и не отменяет его духовного самоуправления; напротив, он только и живет, только и действует, только и совершенствуется от свободного личного приятия и самовменения» [1, с. 409].

И. А. Ильин прозорливо отмечает, что физическое заставление других людей как вид заставления не самодовлеющ и не отделен от других видов, но является их первоосновой и подкреплением. «Физическое воздействие на других людей образует последнюю и крайнюю степень заставляющего понуждения; оно выступает тогда, когда самозаставление не действует, а внешнее психическое понуждение оказывается недостаточным или несостоятельным» [1, с. 410].

Философ с разных сторон характеризует физическое понуждение: «Вызвать благую очевидность физическое понуждение само по себе, конечно, не может; но, например, изоляция разнузданного человека, заставляя его остановить внешнее изживание своих дурных склонностей и страстей, побуждает его сосредоточиться на своих внутренних состояниях, в которых его душа может и должна при благоприятных обстоятельствах перегореть и преобразиться: для многих людей лишение свободы внешнего буйства есть первое условие для приобретения внутренней свободы, т. е. для духовного очищения, видения и покаяния» [1, с. 414].

«Именно те, кто творят государственное понуждение или пресечение, — нуждаются не в злобе, а в беспристрастии, не в ненависти, а в выдержанном душевном равновесии, не в мстительности, а в справедливости. Им необходима волевая выдержка, строгость и личная храбрость...» [1, с. 415].

Из многих глубоких суждений, примеров и схем, приведенных И. А. Ильиным, можно сделать вывод, что основные заставляющие методы воздействия на других людей, такие как «психическое понуждение», «физическое понуждение и пресечение», всегда связаны с заботой заставляющего о правильном состоянии ментальности, правосознания заставляемого. С точки зрения этимологии термин «понуждение» происходит от слова «нудеть» — говорить нудно, монотонно, настойчиво прося чего-нибудь. Полагаем, что применение соответствующих мер и средств полицией, как правило, обусловлено такой заботой. Наоборот, принуждение подобной внимательностью к менталитету принуждаемого не сопровождается, по своему содержанию выступает как психическое или физическое насилие над другими, произвольное или основанное на законе применение силы.

Почему мне представляются актуальной вынесенная в заглавие статьи тема и злободневными мысли видного русского философа и правоведа И. А. Ильина?

Считаем, что понуждение как метод воздействия государства на различных иных субъектов права наряду с убеждением и принуждением

занимает свое весьма значимое место среди других методов, используемых в государственном управлении. В частности, ежегодное составление многочисленными уполномоченными органами свыше 160 миллионов протоколов об административных правонарушениях, лишь 0,35% которых отменяются¹, также можно отнести к понуждающему дисциплинирующему воздействию на большие группы субъектов права в целях обеспечения их правопослушного поведения.

С рассматриваемой точки зрения, к административному принуждению в деятельности полиции следует относить лишь достаточно узкую сферу применения ею физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия и некоторых других мер, близких к перечисленным по расположению в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», например, задержания, вскрытия транспортного средства, проникновения в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории, оцепления (блокирование) территорий, жилых помещений, строений и других объектов, когда у принуждающих нет непосредственной заботы «о правильном» состоянии правосознания принуждаемых.

В большом числе диссертаций и других научных работ их авторы, особенно соискатели ученых степеней, приводят (порой, недостаточно обоснованно) известную четырехчленную классификацию мер административного принуждения, называя ее общепризнанной (меры административно-предупредительные, административного пресечения, обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, административного наказания). Между тем в действительности данная классификация продолжает оставаться далеко не бесспорной. Дискуссионными, в частности, выступают: критерий классификации, приоритетность целей применения мер, принадлежащих одной или разным классификационным группам, другие существенные вопросы. В самые последние годы в административно-правовой науке появились основательные попытки переосмысления существа этих мер, а также новые подходы к их систематизации. Так, П. П. Серков разграничил административные наказания и административное принуждение, убедительно показав различия в докторской диссертации «Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования» [2, с. 33–34]. Представление об административном наказании как проявлении адми-

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год. URL: <https://ombudsmanrf.5f8/documents/14493f2b-4975-49d0-86dd-c9ac917436fe/0447a931-4bc9-4ce6-ae92-b32f8d741412.pdf> (дата обращения: 15.07.2022).

нистративного принуждения сложилось под влиянием уголовного законодательства, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 43 УК РФ наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Однако законодатель проявил непоследовательность в определении понятий двух видов родственных по своей правовой природе наказаний, что повлекло образование некоей неясности в том, является ли административное наказание видом (формой) административного принуждения. Неопределенность была преодолена по аналогии. Между тем характер применяемого административного принуждения, его интенсивность и соразмерность в значительной мере зависят от поведения правонарушителя в ходе производства по делу об административном правонарушении, в том числе в процессе исполнения административного наказания, а не только от характера административной противоправности и вида административного наказания. «Если административное наказание оценивается на его справедливость с помощью одних критериев, то для административно-правового принуждения эти критерии неприменимы» [2, с. 33]. Если административное наказание выступает возмездием за совершенное административное правонарушение и содержит в себе элемент кары, то административно принуждение таких функций не выполняет, например, при применении мер административного предупреждения и пресечения.

Вывод П. П. Серкова по поводу соотношения административных наказаний и административного принуждения основывается на том, что публичные и частные интересы, возникающие в процессе развития правоотношений по поводу административной ответственности, требуют обязательного исполнения правонарушителем всех установленных правил разрешения возникшего конфликта. Именно эта потребность сформировала механизм государственного административного принуждения как «движущей силы, обеспечивающей подчиненность правонарушителя государственной воле в процессе всего производства по делу об административном правонарушении, начиная с возбуждения дела и до назначения административного наказания, а также его исполнения, являясь методом обеспечения производства по делу об административном правонарушении; административное принуждение не может характеризовать административное наказание ни в отношении его вида, ни по его размеру, т. е. по всем его признакам» [2, с. 34].

Профессоры П. И. Кононов и А. И. Стахов вывели за пределы административного принуждения большую группу методов и, соответственно, мер административного ограничения [3, с. 240].

Профессорско-преподавательский состав кафедры административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия, возглавляемой профессором А. И. Стаховым, активно разрабатывая актуальную научную проблематику административного и административно-процессуального права, определяет и систематизирует меры административного понуждения по принудительному обеспечению исполнения законных правоприменительных актов, создает теорию административно понуждаемого деликта [4, с. 33–48].

Сказанное, полагаю, в некоторой степени иллюстрирует возникновение научной аномалии, т. е. рассогласованности в научных знаниях, относящихся к понятию и классификации мер административного принуждения, в том числе и применяемых полицией. Такая аномалия согласованности (или такой когнитивный дисбаланс) является, как известно, первым звеном цикла развития научной проблемы [5, с. 107]. Поэтому в завершение хочу призвать ученых-административистов, особенно молодых (не только по возрасту, разумеется) соискателей ученых степеней, к более внимательному и глубокому исследованию обширной и перманентно актуальной научной проблематики, тесно связанной с административно-правовым принуждением.

Список источников

1. Ильин И. А. Почему мы верим в Россию : сочинения. М., 2006.
2. Серков П. П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.
3. Стахов А. И., Кононов П. И. Административное право России : учебник для бакалавров. М., 2014.
4. Синченко Г. Ч. Логика диссертации. М., 2015.

К. К. Бекмурзинова

Презумпция невиновности в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения

В настоящее время подавляющее большинство административных правонарушений в области дорожного движения выявляется и фиксируется с помощью камер автоматической фиксации. Анализ их применения

подтверждает эффективность их использования, поскольку снижается аварийность на прилегающей территории.

Широкое применение комплексов автоматической фиксации административных правонарушений в области дорожного движения позволило выделить особый порядок производства по данной категории правонарушений. Спецификой такого порядка производства является ограничение действия презумпции невиновности.

Реализация презумпции невиновности, закрепленной как в уголовно-процессуальном, так и в административном законодательстве, требует обоснованности и доказанности обвинения лица в совершенном правонарушении. В отличие от уголовно-процессуального законодательства, КоАП РФ не возлагает бремя доказывания на участников производства. Вместе с тем, учитывая исключение из презумпции невиновности, которое неоднократно в своих решениях Конституционный Суд РФ признавал законным, уполномоченные органы не обязаны доказывать вину собственников (владельцев) транспортных средств при вынесении постановлений по делам об административных правонарушениях, выявленных и зафиксированных с помощью камер автоматической фиксации.

Часто реализация исключения презумпции невиновности в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения влечет ограничение конституционных прав граждан на защиту, а именно лиц, управлявших транспортным средством посредством «каршеринга».

Каршеринг определяется как краткосрочная (в пределах 24 часов) аренда легкового автомобиля на основе поминутной тарификации физическими лицами для целей, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Услуги каршеринга предоставляют юридические лица либо индивидуальные предприниматели, а водитель по условиям договора несет административную ответственность во всех случаях нарушения правил дорожного движения, а также гражданскую ответственность при возмещении ущерба [1]. Таким образом, в случае нарушения водителем правил дорожного движения, выявленного и зафиксированного с помощью камер автоматической фиксации, к административной ответственности будет привлекаться юридическое лицо, предоставившее услугу каршеринга, как собственник транспортного средства. В свою очередь собственник транспортного средства по условиям договора каршеринга в порядке регресса взыскивает сумму штрафа за совершенное административное правонарушение с водителя, допустившего нарушение.

Так, нередки случаи, когда лицо, воспользовавшись услугой каршеринга, впервые нарушая правила проезда на запрещающий сигнал светофора (ч. 1 ст. 12.12 КоАП РФ), в соответствии с условиями каршеринга несет материальную ответственность в виде возмещения арендодателю суммы штрафа, предусмотренного ч. 3 ст. 12.12 КоАП РФ, так как ранее иное лицо управляло тем же автомобилем и постановление по ч. 1 ст. 12.12 КоАП РФ в отношении собственника уже выносилось.

В свою очередь водитель, воспользовавшись услугой каршеринга, фактически претерпел материальное наказание в виде взыскания денежных средств за совершение более тяжкого правонарушения (ч. 3 ст. 12.12 КоАП РФ), нежели он допустил (ч. 1 ст. 12.12 КоАП РФ), ходатайствует об обжаловании постановления по делу об административном правонарушении, вынесенного в отношении собственника транспортного средства, и заявляет о своей виновности в совершенном правонарушении, однако субъекты правоприменительной деятельности в принятии жалобы на постановление отказывают, ссылаясь на то, что обратившееся лицо не является участником правоотношений и не указано в ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ в качестве субъекта, уполномоченного на обжалование постановления. Юридические лица, предоставляющие услуги каршеринга, также не заинтересованы в обжаловании постановлений, так как выплаченный штраф взыскали по условиям договора каршеринга с водителя транспортного средства.

В целях защиты конституционных прав граждан, обеспечения всестороннего и полного производства по делу об административном правонарушении, достижения истины, а также восполнения пробелов в праве, предлагаем внести дополнительного субъекта, обладающего правом на обжалование постановления по делу об административном правонарушении в соответствии с ч.1 ст. 30.1 КоАП РФ, изложить ч.1 ст. 30.1 КоАП РФ в следующей редакции: «Постановление по делу об административном правонарушении может быть обжаловано лицами, указанными в статьях 25.1–25.5.1 настоящего Кодекса, а также лицами, определяющими себя правонарушителями за административные правонарушения, предусмотренные главой 12 настоящего Кодекса, совершенные с использованием транспортных средств, в случае фиксации этих правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи».

Список источников

1. Былинин И. А. К вопросу административно-правового регулирования каршеринга и применения федерального государственного надзора в области обеспечения безопасности дорожного движения к его участникам // *NB: Административное право и практика администрирования*. 2020. № 3.

И. Б. Бокова

Осуществление полицией административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: проблемы и пути их решения

Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, — это осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицами определенных категорий установленных в отношении них судом временных ограничений их прав и свобод, а также за выполнением возложенных на них обязанностей.

По данным МВД России, в 2019 г. удельный вес ранее судимых лиц, повторно совершивших преступления, в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, составил 28,3%. В 2020 г. данный показатель вырос до 29,9%. В 2021 г. тенденция роста сохранилась, и он составил 30,1%. За 4 месяца 2022 г. показатель также продолжил расти и достиг 30,4%. Также существует и тенденция увеличения количества лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в отношении которых установлен административный надзор (в 2019 г. — 110 547, из которых в отношении 25 485 лиц возбуждены уголовные дела, в 2020 г. — 116 120, при этом 25 942 поднадзорных совершили преступления, в 2021 г. — 117 983, из которых в отношении 27 090 возбуждены уголовные дела)¹.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что каждое третье лицо, совершившее преступление, ранее уже привлекалось к уголовной ответственности и отказываться от своего криминального опыта не желает, кроме того, и количество лиц, состоящих под административным надзором, продолжает расти.

¹ Сведения о результатах работы территориальных органов МВД России по осуществлению административного надзора с 2019 г. по 2021 г. : Форма 518 «Надзор» // Центр статистической информации ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <http://10.5.0.16/csi/> (дата обращения: 15.05.2022).

В последнее время все чаще ранее судимыми, состоящими под административным надзором, совершаются особо жестокие преступления.

В сентябре 2021 г. в Кемеровской области (г. Киселевск) поднадзорный, который ранее был осужден и отбывал наказание в местах лишения свободы за совершенное преступление, связанное с насильственными действиями сексуального характера, угощением склонил двух десятилетних школьников пойти с ним в заброшенное здание, после чего изнасиловал их и убил.

В январе 2022 г. в Костроме пропала 5-летняя девочка. Ребенка прямо на улице схватили двое мужчин и унесли к себе в общежитие, где убили. После задержания подозреваемых выяснилось, что оба лица уже были ранее осуждены и отбывали наказание в местах лишения свободы, а один из них находился под административным надзором.

Указанные факты свидетельствуют об имеющихся проблемах в осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, так как его первоочередной задачей является контроль за данной категорией граждан в целях недопущения их дальнейшей противоправной деятельности.

В соответствии с п. 5.9.1 Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660, одной из функций психологов является предоставление сотрудникам консультаций по вопросам учета психологических аспектов, возникающих при выполнении оперативно-служебных задач, составления психологических портретов лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Этот весьма эффективный ресурс в ходе работы с лицами, состоящими под административным надзором, в органах внутренних дел практически не используется. Вместе с тем в ходе проведения психологической работы с подобными лицами можно: выяснить его склонность к совершению противоправных деяний, нарушению установленных ограничений; составить психологический портрет; установить, остался ли он в преступной среде или пытается встать на путь исправления и т. д. В связи с этим в качестве эксперимента считаем необходимым в ряде территориальных ОВД организовать в течение определенного периода выездные мероприятия по осуществлению психологической работы с поднадзорными лицами, по результатам которых оценить эффективность и необходимость их проведения на постоянной основе.

В работе сотрудников ОВД по осуществлению административного надзора важную роль играет своевременное получение и обмен значимой

информацией. Благодаря оперативно полученным и систематизированным сведениям задачи, возложенные на ОВД, решаются намного быстрее и эффективнее. Деятельность по осуществлению административного надзора не является исключением, поэтому предлагаем проработать вопрос о создании межведомственной информационной базы данных МВД России и ФСИН России, которая позволит сотрудникам указанных ведомств оперативно и более качественно решать стоящие перед ними задачи (направление или получение запросов, ответов на запросы, характеризующих материалов о лицах, освобождающихся из мест лишения свободы, и т. д.).

В осуществлении органами внутренних дел административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, имеются проблемы, которые требуют оперативного решения и предоставления сотрудникам полиции более действенного инструментария для его проведения, поскольку эффективное функционирование данного правового института в первую очередь обеспечивает безопасность граждан, что является одной из основных задач правоохранительных органов.

Б. Б. Булатов

Применение положений КоАП РФ об обратной силе закона к нормам, изначально носящим временный характер

Проблема, обозначенная в данной статье, отчетливо проявилась в момент окончания режима повышенной готовности, введенного в связи с распространением коронавирусной инфекции. Распространение обратной силы закона на специальные режимы породило правовую коллизию между целями наказания, установленными ст. 3.1 КоАП РФ, и ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ в части возможности ее применения без учета временного характера отдельных норм.

Необходимость введения специальных режимов, нарушение которых влечет административную ответственность, обусловлена повышенной степенью опасности деяний, совершенных в период их действия. Такие режимы носят временный характер и преследуют цель недопущения вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Приведем ряд составов административных правонарушений, которые влекут ответственность за нарушение временных правил и норм. Часть 2 ст. 6.3 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выразившееся в несоблюдении действующих санитарных правил и гигиенических нормативов, невыполнении санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий, совершенных в период режима чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина), а также невыполнение в установленный срок выданного в указанные периоды законного предписания (постановления) или требования органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, о проведении санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий. Часть 2 ст. 20.4 КоАП РФ влечет ответственность за нарушение требований пожарной безопасности, за исключением случаев, предусмотренных ст. ст. 8.32 и 11.16 указанного Кодекса и чч. 6, 6.1 и 7 данной статьи, совершенные в условиях особого противопожарного режима. Частью 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ установлена ответственность за невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 6.3 настоящего Кодекса.

В силу ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, т. е. распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено.

Конституционным Судом РФ неоднократно указывалось, что положения ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ, по существу, воспроизводят предписания ст. 54 Конституции РФ, конкретизируя их применительно к сфере административных правонарушений (постановление от 14 июля 2015 г. № 20-П; определения от 10 октября 2013 г. № 1485-О, от 21 ноября 2013 г. № 1903-О, от 22 декабря 2015 г. № 2901-О и от 27 сентября 2016 г.

№ 2017-О), и потому не могут рассматриваться как противоречащие Конституции РФ. При этом распространение действия закона, отменяющего административную ответственность, на лиц, в отношении которых не исполнено постановление о назначении административного наказания, в том числе по причине уклонения от его исполнения, согласуется с принципами справедливости, гуманизма и адекватности публично-правового реагирования на совершенное противоправное деяние соразмерно его актуальной общественной опасности и — принимая во внимание, что ч. 2 ст. 54 Конституции РФ не ограничивает возможность применения правил об обратной силе закона в зависимости от каких-либо обстоятельств, включая поведение совершивших правонарушение и привлеченных к ответственности лиц, — не выходит за рамки дискреционных полномочий законодателя¹.

Орган конституционного контроля также указал, что изменение (пересмотр) правил, несоблюдение которых образует объективную сторону административных правонарушений, предусмотренных бланкетными диспозициями законодательства об административных правонарушениях, не может не оказывать влияния и на оценку противоправности соответствующего деяния, а потому положения ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ должны подлежать учету при внесении изменений не только в КоАП РФ и принимаемые в соответствии с ним законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, но и в законы и иные нормативные правовые акты, устанавливающие правила и нормы, за нарушение которых предусмотрено наступление административной ответственности².

Практика судов свидетельствует, что отмена отдельных правил поведения (как полностью, так и в части) влечет прекращение производства по делам на основании п. 5 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ (признание утратившими силу закона или его положения, устанавливающих административную ответственность за содеянное)³. Судьи руководствуются разъяснением

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Борохова Олега Викторовича, Кауца Вячеслава Артуровича и Федотова Андрея Юрьевича на нарушение их конституционных прав частью 2 статьи 1.7 и пунктом 5 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 1485-О.

² По жалобе автономной некоммерческой организации «СЕРТИНФО» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 2017-О.

³ См., напр.: постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 июня 2022 г. № 16-4465/2022 ; постановление Третьего кассационного суда

Верховного Суда РФ, содержащимся в вопросе № 22 Обзора, согласно которому отмена нормативного правового акта, принятого уполномоченным государственным органом субъекта Российской Федерации и содержащего обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности, или исключение из такого акта отдельных правовых норм, закрепляющих те или иные правила поведения, являются основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном соответствующей частью ст. 20.6.1 КоАП РФ, либо отмены состоявшегося по делу об указанном правонарушении постановления о назначении административного наказания, если оно не было исполнено (п. 5 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ)⁴.

Такой подход Верховного Суда РФ, как представляется, объясняется тем, что ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ не содержит каких-либо изъятий относительно невозможности применения обратной силы закона, улучшающего положение лица, совершившего административное правонарушение.

Вместе с тем следует учитывать, что административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами (ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ). Реализация указанной цели в аспекте общей и частной превенции обеспечивается посредством неотвратимости наказания и за счет введения таких мер юридической ответственности, которые, будучи соразмерными и справедливыми, позволяют в конкретных обстоятельствах стимулировать участников правовых отношений к правомерному поведению⁵.

Представляется, что применение обратной силы закона к специальным режимам, которые носят временный характер, тем более, в случаях, когда лицо, совершившее административное правонарушение, уклоняет-

общей юрисдикции от 1 июля 2022 г. № 16-1669/2022 ; постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 августа 2021 г. № П16-3973/2021 и др.

⁴ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 февраля 2021 г.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «ОТЕЛЬ» на нарушение конституционных прав и свобод частями 1 и 4 статьи 1.5, частью 2 статьи 2.1 и частью 5 статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также частью 1 статьи 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» : определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 497-О.

ся от исполнения постановления, не соответствует превентивной функции административного наказания.

Конституционный Суд РФ применительно к ст. 20.6.1 КоАП РФ абсолютно верно указал, что в настоящее время сохраняют юридическую силу нормы ст. 20.6.1 КоАП РФ, устанавливающей административную ответственность за невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения.

Ни постановлению губернатора Костромской области от 19 июня 2020 г. № 112, которым признаны утратившими силу положения, обязывающие граждан не покидать места проживания (пребывания), ни даже возможной в последующем полной отмене решения о введении режима повышенной готовности не может быть придано значение закона, отменяющего административную ответственность за административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ. В противном случае установление административной ответственности в условиях специальных (временных) режимов может утратить свое правовое значение, поскольку будет предполагать освобождение от публично-правовой ответственности лиц, нарушающих специальные требования и ограничения, после отмены таких режимов, при том что соответствующая публично-правовая ответственность изначально устанавливается для обеспечения соблюдения специально вводимых временных ограничений⁶.

Действующая редакция ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ, которая предполагает возможность применения обратной силы закона, без учета специфики нормы, к которой она применяется, создает предпосылки для злоупотреблений в целях последующего ухода от административной ответственности за содеянное. Кроме того, такая ситуация ставит в неравное положение лиц, совершивших, по сути, одни и те же по степени общественной опасности административные правонарушения в начале и конце действия специального режима. Поэтому полагаем, что в ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ следует предусмотреть изъятие для специальных режимов, носящих временный характер.

⁶ По запросу Костромского областного суда о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2021 г. № 2355-О.

К. В. Довбышенко

О необходимости выделения в российском законодательстве самостоятельной полицейской процедуры «полицейское задержание»

Положения ч. 1 ст. 22 и ч. 1 ст. 27 Конституции России (далее — Конституция) гарантируют каждому, кто законно находится на территории Российской Федерации, право на свободу (в том числе свободу передвижения) и личную неприкосновенность. Вместе с тем ч. 3 ст. 55 Конституции предусматривает возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Относительно вышеупомянутого права на свободу Конституция прямо допускает возможность его ограничения, разрешая осуществление задержания до судебного решения на срок не более 48 часов. Конкретные виды оснований и порядок такого задержания раскрываются в главе 12 УПК РФ и в статьях 27.3 — 27.6 КоАП РФ. Дается название каждому из двух видов задержания. В первом случае это «задержание подозреваемого» (или «задержание лица по подозрению в совершении преступления»), во втором — «административное задержание».

По нашему мнению, существующий сегодня контент законодательства, кратко обозначенный выше, не способствует упорядоченному, надежному и эффективному функционированию полиции по причине своей необоснованной усложненности, неполноты, дискретности и внутренней противоречивости. В общих чертах суть проблемы состоит в том, что Закон о полиции в настоящее время жестко увязывает действия сотрудников полиции по ограничению права физического лица на свободу с правилами уголовного или административного процесса. Наиболее ярко содержание проблемы может быть представлено в ситуации, когда, например, сотрудником полиции задерживается лицо с личным непосредственно на месте совершения посягательства на те или иные охраняемые законом блага. Как решат многие, для такого случая в Закон о полиции введены пункты 1 (если деяние содержит признаки преступления) и 5 (если в деянии задерживаемого усматриваются признаки административного правонарушения) ч. 2 ст. 14. К сожалению, согласиться с этим нельзя, поскольку представленная ситуация не имеет ничего общего с процедурой задержания подозреваемого в порядке,

предусмотренном ст. ст. 91, 92 УПК РФ, к которым нас отсылает п. 1 ч. 2 ст. 14 Закона о полиции. Точно также и административным задержанием представленная ситуация являться не будет, поскольку по смыслу ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ срок административного задержания исчисляется с момента доставления. Следовательно, период с момента фактического ограничения свободы передвижения лица до окончания его доставления представленной в нашем примере ситуации назвать задержанием, исходя из положений КоАП РФ, мы не можем.

С учетом изложенного предлагаем ввести в научный оборот, а затем, в случае признания предложения обоснованным, — в содержание законодательства о полиции, следующее правовое положение, отражающее реальное состояние, однако до сих пор прямо не признанное на законодательном уровне: для пресечения действий, в которых выражается посягательство на охраняемые законом блага, а также в целях обеспечения возможности привлечения к ответственности виновных лиц, сотрудники полиции уполномочены на совершение самостоятельной полицейской процедуры — «полицейского задержания», которая осуществляется в порядке, предусмотренном исключительно Законом о полиции и не является мерой уголовно-процессуального принуждения или мерой обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Полицейским задержанием является временное ограничение конституционного права гражданина на свободу передвижения и выбор места нахождения. Оно начинается с момента объявления сотрудником полиции лицу о его задержании либо с момента фактического обездвиживания лица сотрудником полиции при помощи физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия. Срок полицейского задержания прекращается в момент начала выполнения в отношении задержанного лица следственного или иного уголовно-процессуального либо административно-процессуального действия в соответствии с законодательством об административной ответственности, либо с момента объявления лицу о прекращении полицейского задержания при отсутствии оснований для его дальнейшего преследования правоохранительными органами.

О. В. Катаева

Современные проблемы реализации административной ответственности за правонарушения в сфере оборота информации, содержащейся в информационных ресурсах в сфере миграции

Современное информационное общество развивается сложно и противоречиво. Сегодня каждому становится очевидным, что функционирование информационной сферы создает, помимо новых возможностей для развития личности общества и государства, и достаточно серьезные проблемы. Растущий спрос на качественную, проверенную информацию вызывает интерес к ней, в том числе со стороны криминальных структур. Криминализация информационных процессов обуславливает необходимость организации надлежащей правовой охраны данной сферы и установление различных мер юридической ответственности за нарушения в области оборота информации, содержащейся в информационных ресурсах. Одним из серьезных нарушений такого рода, в том числе в миграционной сфере, является разглашение конфиденциальной информации.

Вопросы ограничения доступа к информации регламентированы ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в соответствии с которой подобное ограничение устанавливается на основе федерального законодательства и имеет целью защиту таких основополагающих ценностей, как конституционный строй, нравственность, здоровье, права и законные интересы граждан, обеспечение обороноспособности государства и его национальной безопасности.

Особое внимание важно обратить на обязательность соблюдения конфиденциальности информации, доступ к которой ограничен федеральными законами.

Сведения, полученные сотрудниками подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России в ходе выполнения ими своих профессиональных обязанностей при осуществлении служебной деятельности, считаются профессиональной тайной. Такого рода информация подлежит защите в случае, если на вышеуказанных лиц возложены обязанности по соблюдению ее конфиденциальности федеральным законодательством. Такая информация может быть предоставлена третьим лицам только на основании федерального закона или по судебному решению. Отечественным законодательством допускается ограничение срока

соблюдения конфиденциальности профессиональной тайны при условии согласия гражданина, предоставившего о себе информацию.

Порядок доступа к персональным данным граждан (физических лиц) устанавливается Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

Под персональными данными понимается любая информация, прямо или косвенно относящаяся к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

Сотрудники подразделений по вопросам миграции, которые получили доступ к персональным данным граждан, несут обязанность не распространять их и не раскрывать третьим лицам без согласия субъекта персональных данных, кроме установленных законом случаев. Разглашением такой информации считаются действия (бездействие), вследствие которых информация была получена третьими лицами без согласия ее обладателя либо вопреки договору с ним.

Формы разглашения информации могут быть различны. Так, информация может быть разглашена устно в результате общения, письменно, в том числе путем опубликования в различных источниках, включая Интернет, а также при передаче документов конфиденциального характера или в случае утраты таких документов по небрежности.

Однако в законодательно установленных случаях передача конфиденциальной информации может не являться ее разглашением, если это необходимо для обеспечения интересов государства, прав и законных интересов граждан (например, передача персональных данных для осуществления правосудия).

По общему же правилу, сотрудники подразделений по вопросам миграции, имеющие доступ к персональным данным, не вправе их раскрывать и распространять без согласия субъекта персональных данных. Нарушение этой обязанности влечет установленную законом ответственность.

Так, незаконное распространение персональных данных может повлечь административную ответственность по чч. 1–2.1 ст. 13.11 КоАП РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных».

Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2011 г. № 286 утвержден Перечень сведений, подлежащих внесению в банк данных об осуществлении иностранными гражданами трудовой деятельности в Российской Федерации, который включает такие персональные данные иностранного гражданина или лица без гражданства,

как фамилия, имя, отчество, пол, дата рождения, место рождения, гражданство. Кроме того, в данном Перечне содержится информация о личных документах иностранного гражданина, состоянии его здоровья, членах его семьи и многие другие сведения.

Административная ответственность за правонарушения в сфере оборота информации, содержащейся в информационных ресурсах в сфере миграции, также может наступить вследствие нарушения таких норм КоАП РФ, как ст. 5.39 «Отказ в предоставлении информации», ст. 13.12 «Нарушение правил защиты информации», ст. 13.14 «Разглашение информации с ограниченным доступом», ст. 13.20 «Нарушение правил хранения, комплектования, учета или использования архивных документов», ст. 13.27 «Нарушение требований к организации доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и ее размещению в сети «Интернет», ст. 13.28 «Нарушение порядка предоставления информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

В настоящее время институт административной ответственности в сфере оборота информации, содержащейся в информационных ресурсах в сфере миграции, находится в стадии активного формирования, вследствие чего ему свойственен ряд проблем правоприменительного характера, затрудняющих обеспечение полноценной защиты прав и законных интересов субъектов регулируемых отношений.

Проблемы эти связаны с таким уровнем развития интернет-пространства, который позволяет гражданам с помощью использования различных технических устройств получить мгновенный доступ к необходимой информации. Сегодня Интернет лидирует в рейтинге информационных средств передачи и хранения информации, наряду с такими классическими СМИ, как радио и телевидение, журналы, газеты [1, с. 98], при этом он одновременно создает определенные сложности в правовом регулировании таких отношений. Причина кроется прежде всего в неопределенности местоположения их участников и сложности его установления при решении вопроса о привлечении к ответственности правонарушителей. Определенные сложности представляет идентификация сторон отношений, возникающих в интернет-пространстве, поскольку анонимность пользователей сети часто создает условия для совершения противоправных действий. Существенной проблемой борьбы с административными правонарушениями в информационной сфере является их высокая латентность, поскольку значительные трудности вызывает определение события такого правонарушения, места и времени его совершения [2].

Кроме того, необходимо помнить, что, помимо административной ответственности, спектр юридической ответственности в сфере оборота информации, содержащейся в информационных ресурсах в области миграции, сегодня чрезвычайно широк и представлен совокупностью норм, в соответствии с которыми виновные в нарушениях соответствующих запретов лица привлекаются также к дисциплинарной, материальной, гражданско-правовой, а также уголовной ответственности. Сотрудники подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России, осуществляющие профессиональную деятельность с использованием информационных ресурсов в сфере миграции, должны строго руководствоваться установленными правилами обращения с данной информацией, соблюдая принципы законности и дисциплины и проявляя высокую бдительность.

Список источников

1. *Медиакратия: современные теории и практики* / под ред. А. С. Пую, С. С. Бодруновой. СПб., 2013.
2. Суханов А. Г. Актуальные проблемы привлечения к административной ответственности за правонарушения в информационной сфере // Администратор суда. 2019. № 1.

А. В. Козун, И. Н. Астафьев

К вопросу о современных тенденциях правоприменительной и судебной практики по делам о неповиновении законному распоряжению или требованию сотрудника полиции

Юридическая статистика служит индикатором жизнеспособности многих институтов права. Не являются исключением в этом смысле и различные институты административного права и административного процесса.

Цифровое выражение реализации различных норм закона является ориентиром в достижении законности и соблюдении конституционных прав и свобод граждан.

Сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации показывают, что за прошедшие четыре года (с 2018 г. по 2021 г.) количество административных правонарушений, связанных с неповиновением законному распоряжению или требованию со-

трудника органов внутренних дел (ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ), увеличилось на 16% (с 62 991 до 72 881). Количество принятых судом решений в соответствии со ст. 23.1 КоАП РФ по административным правонарушениям по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ увеличилось на 26% (с 65 895 до 83 166). Количество прекращенных дел за отсутствием состава или события правонарушения по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ увеличилось на 38% (с 585 до 809), что составляет 0,89–0,97% от общего количества принятых судом решений¹.

Изучение вынесенных судом постановлений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, в которых принято решение о прекращении дела, выполнено с учетом положений ст. ст. 24.5; 2.9; 30.7 КоАП РФ в целях дифференциации оснований для отмены (прекращения, возврата) судом решений и постановлений.

В ходе исследования нами был проведен анализ одного определения Конституционного Суда Российской Федерации, 32 постановлений Верховного Суда Российской Федерации, 7 постановлений Кассационного суда общей юрисдикции, около 500 постановлений и решений, вынесенных областными и районными судами общей юрисдикции по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ за 2019–2021 гг. По результатам проведенного исследования выявлено 119 постановлений суда, в которых принято решение об отмене (прекращении, возврате) дела.

Из общего количества изученных нами прекращенных дел 28% были прекращены судом на основании п. 2 ч. 1 ст. 24.5, п. 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ — в связи с отсутствием состава административного правонарушения; 26% дел были прекращены судом на основании пп. 1, 9 ч. 1 ст. 24.5, п. 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ — в связи с отсутствием события административного правонарушения; 15% дел были прекращены судом на основании п. 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ — при недоказанности обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление; 8% дел были возвращены судом на основании п. 4 ч. 1 ст. 30.7; п. 2 ч. 1 ст. 29.2 КоАП РФ — в связи с существенными нарушениями процессуальных требований; 7% дел прекращено судом на основании п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ — в связи с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела; 6% дел были прекращены судом на основании п. 6 ч. 1 ст. 24.5, п. 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ — в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности; 2% дел суд отменил на основании п. 5 ч. 1

¹ Сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации. Форма I-АП (577), за январь–декабрь 2018–2021 гг. URL: <http://10.5.0.16/csi/files/content/> (дата обращения: 25.01.2022).

ст. 30.7 КоАП РФ и направил дела об административном правонарушении на рассмотрение по подведомственности и подсудности; по 2% дел суд на основании ст. ст. 30.12–30.14 КоАП РФ принял решение об отсутствии права на обжалование, опротестование вступивших в законную силу постановлений по делу об административном правонарушении, решений по результатам рассмотрения жалоб, протестов; 3% дел были прекращены судом на основании ч. 2 ст. 24.5; ч. 3 ст. 30.7 КоАП РФ — в связи привлечением лица к дисциплинарной ответственности; 1% дел был прекращен судом на основании ст. 2.9 КоАП РФ — в связи с малозначительностью правонарушения; 2% дел были прекращены судом на основании п. 2 ч. 1 ст. 30.7 КоАП — в связи с неверным избранием вида наказания.

Резюмируя изложенное, сделаем ряд выводов по сути проведенного анализа статистических показателей вынесенных судебных постановлений в рамках совершенных административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

1. Официальная динамика зарегистрированных административных правонарушений за исследуемый период является положительной. Это свидетельствует, с одной стороны, о необходимости усиления превентивного потенциала закона в целях защиты законных интересов сотрудника полиции при исполнении своих служебных обязанностей. С другой стороны, увеличившееся количество прекращенных судом дел по ст. 19.3 КоАП РФ является индикатором некачественного производства по делам указанной категории на этапе возбуждения дела об административном правонарушении и рассмотрения его по существу, а также в случае производства административного расследования.

2. Исследование статистических показателей прекращенных дел исследуемой категории свидетельствует о «привычной» в правоприменительной практике проблеме, связанной с некачественным анализом и применением теоретических положений учения о составе административного правонарушения и вместе с ним события административного правонарушения. На наш взгляд, для решения этой проблемы Пленум Верховного Суда Российской Федерации мог бы разработать постановление, в котором были бы разъяснены проблемные вопросы квалификации административного правонарушения, связанного с неповиновением исполнению законных требований сотрудника полиции, других должностных лиц.

В целом следует признать, что общая культура применения закона, соблюдения материальных и процессуальных оснований производства по делу судом на этапе рассмотрения дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.3 КоАП РФ, с точки зрения ключевых

практических ориентиров является удовлетворительной. Практически все законодательные ресурсы, допустимые законодателем к рассмотрению вопроса о возможном прекращении дела об административном правонарушении, используются в рамках допустимых пределов судебного усмотрения данного сегмента административного процесса.

С. В. Корнейчук

Особенности полицейского надзора за выполнением ограничений, установленных защитным предписанием

Защитное предписание как мера индивидуальной профилактики правонарушений впервые появилась на основании Закона Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. «О профилактике бытового насилия». В начальной редакции статьи 20 Закона Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. «О профилактике бытового насилия» защитное предписание выносили только руководители органов внутренних дел с санкции прокурора. В настоящее время прокуратура не участвует в этом процессе и значительно расширен состав должностных лиц полиции, которые могут выносить защитное предписание. Такими должностными лицами ОВД являются:

- 1) начальники отделов полиции и их заместители;
- 2) начальники местной полицейской службы и их заместители;
- 3) участковые инспекторы полиции;
- 4) участковые инспекторы полиции по делам несовершеннолетних;
- 5) инспектор подразделения ОВД по защите женщин от насилия.

Защитное предписание не является мерой наказания, может применяться как за уголовные, так и за административные бытовые деликты, а также не обязательно наличие бытового насилия, достаточно существования угрозы совершения правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений. Поэтому количество защитных предписаний в Казахстане на 10–15% больше, чем количество зарегистрированных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений.

Соблюдая принцип приоритета мер профилактики бытового насилия над репрессивными методами воздействия, в Казахстане используются превентивные меры, направленные на временное разобщение контактов конфликтующих сторон. Такой подход к процессу профилактики бытового насилия А. У. Сейдахметова считает ресторативным методом, который заключается в урегулировании бытового конфликта, без при-

влечения бытового насильника к юридической ответственности, чтобы сохранить возможность исполнять материальные обязательства агрессора содержать свою семью [1, с. 51].

Если бытового насильника лишить свободы, то он не сможет исполнять алиментные обязательства в отношении нетрудоспособных членов семьи, а государство вынуждено будет оказывать специальные социальные услуги жертве бытового насилия из государственного бюджета.

Защитным предписанием может быть запрещено:

- 1) совершать психологическое, физическое, сексуальное и экономическое бытовое насилие;
- 2) вопреки воле потерпевшего разыскивать, преследовать, посещать, вести устные, телефонные переговоры;
- 3) вступать в контакты с потерпевшим от бытового насилия иными способами, включая несовершеннолетних и недееспособных членов его семьи.

Как видим, защитным предписанием не исключается дальнейшее проживание агрессора с жертвой бытового насилия и членами его семьи, что не позволяет гарантировать потерпевшим полную безопасность. В связи с этим следует сделать вывод, что объем запретов на поведение для агрессора в связи с вынесением защитного предписания не является окончательным вариантом. Мы разделяем мнение А. Ж. Дюсембина, обосновавшего, что следует унифицировать правовые определения защитного предписания, установления особых требований к поведению правонарушителя и запрета на приближение. Он обосновывает их следующие наименования:

- 1) полицейское защитное предписание;
- 2) судебное защитное предписание [2, с. 51].

А. У. Сейдахметова, поддерживая эту идею, предложила оба вида защитного предписания выносить как за административные, так и за уголовные правонарушения, если бытовым насильник не подвергается административному или уголовному задержанию и аресту. Причем правом выносить полицейское защитное предписание должны обладать все должностные лица ОВД, имеющие специальные звания. Также заслуживают внимания ее выводы о том, что полицейское и судебное защитные предписания должны выноситься с 14-летнего возраста на срок до 3 месяцев и до одного года соответственно [3, с. 8].

Весь срок полицейского и судебного защитных предписаний бытовым насильник должен состоять на учете в ОВД с осуществлением за ним профилактического контроля. Юридическая ответственность за нарушение

защитных предписаний должна наступать по нормам кодифицированного законодательства (порядок их установления — только Законом Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия», а механизм контроля — подзаконными нормативно-правовыми актами).

Считаем, что в правоприменительной практике необходимо внедрить опыт условного наложения административных взысканий за бытовое насилие. Так как такого правового института никогда не существовало в административном праве, то можно только прогнозировать, что это положительно отразится на семейно-бытовых отношениях. Если правонарушитель совершит бытовой проступок впервые, то его подвергнут административному штрафу условно и разъяснят ему, что за повторный тождественный проступок он будет нести ответственность за оба факта бытового насилия. Такой порядок повлечет ряд положительных последствий:

- 1) упростит административный процесс, оптимизирует делопроизводство, снизит нагрузку на специализированные административные суды;

- 2) увеличит оперативность разбирательства за проступки в сфере семейно-бытовых правонарушений;

- 3) не окажет отрицательного влияния на бюджет семьи, если члену семьи придется выплачивать штраф не условно;

- 4) повысит юрисдикционный статус участкового инспектора полиции (особенно сельской местности), который, учитывая раскаяние семейного хулигана, применит административное взыскание условно.

Список источников

1. Сейдахметова А. У. К вопросу о профилактике семейно-бытового насилия в Республике Казахстан и зарубежных странах : мат-лы междунар. криминолог. форума. Косши, 2021.

2. Дюсембин А. Ж. Административно-правовые основы предупреждения и пресечения органами внутренних дел правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений : дис. ... магистра юрид. наук. Костанай, 2020.

3. Сейдахметова А. У. Административное принуждение к правонарушителям в сфере семейно-бытовых отношений : дис. ... магистра юрид. наук. Костанай, 2020.

С. И. Коруц

Исполнение постановления о лишении права управления транспортным средством: перспективы развития

Лишение права управления транспортным средством является одним из наиболее эффективных наказаний, назначаемых за правонарушения в области дорожного движения. Помимо общей цели любого административного наказания — предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами — лишение права управления транспортным средством направлено, в том числе, и на исключение нарушителя из процесса дорожного движения на весь срок лишения специального права, что, естественно, должно положительно отразиться на состоянии безопасности дорожного движения. Но всегда ли достигается эта цель? К сожалению, нет, и мы попробуем это доказать.

Выделим две группы лиц, подвергнутых наказанию в виде лишения права управления транспортным средством.

Первая — это лица, лишенные права управления, но не сдавшие водительское удостоверение в подразделение Госавтоинспекции, исполняющее наказание. Определим причину «несдачи» водительского удостоверения как «незнание нарушителем порядка исполнения данного вида наказания». Допустим, что данный водитель не управляет транспортным средством, ошибочно ожидая окончания срока лишения. С позиции административного законодательства действия лица являются попыткой избежать наложенного наказания и, как результат, приводят к приостановлению течения срока лишения права управления.

Вторая включает лиц, лишенных права управления, знающих порядок исполнения данного вида наказания, но в целях дальнейшего использования водительского удостоверения пишущих заявление о его утрате. При этом течение срока лишения специального права не приостанавливается, лицо не считается уклоняющимся от сдачи водительского удостоверения, а в базе Госавтоинспекции водительское удостоверение отмечается как находящееся в розыске. С позиции административного законодательства исполнение наказания осуществляется, срок лишения не приостанавливается. Однако фактически реального исполнения наказания не происходит. Водитель, зная о снижении присутствия на дорогах осуществляющих надзор за дорожным движением сотрудников, продолжает управлять транспортным средством,

ожидая окончания срока лишения, получения нового удостоверения взамен якобы «утраченного»¹.

Сравнивая порядок исполнения наказания водителей первой и второй группы, считаем, что основным признаком исполнения наказания в виде лишения права управления транспортным средством, с позиции административного законодательства, является определенное место хранения пластиковой карточки водительского удостоверения (подразделение Госавтоинспекции), а не фактическое исполнение запрета на управление транспортным средством. Кроме того, рассматриваемая «лазейка» не позволяет достигнуть упомянутых в начале статьи целей административного наказания.

Отметим, что оптимизация количества инспекторов дорожно-патрульной службы, вызванная повсеместным внедрением средств автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения, будет продолжаться, а количество водителей второй группы — увеличиваться.

Так как же в данных обстоятельствах добиться целей административного наказания? Разделим предлагаемые меры на три типа:

- 1) срочные;
- 2) ближайшей перспективы;
- 3) долгосрочной перспективы.

К срочным можно отнести: во-первых, ориентацию инспекторов дорожно-патрульной службы на безусловную проверку каждого остановленного водителя на предмет использования находящегося в розыске водительского удостоверения, а во-вторых, целенаправленную отработку при надзоре за дорожным движением транспортных средств, принадлежащих лицам, заявившим об утрате водительского удостоверения во время течения срока лишения права управления.

В качестве мероприятий ближайшей перспективы предлагаем расширение функционала средств автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения в целях установления фактов управления транспортными средствами лицами, лишенными права управления, независимо от сдачи/несдачи (либо заявленной «утраты») ими водительского удостоверения в подразделение Госавтоинспекции.

Долгосрочной перспективой развития исполнения лишения права управления транспортными средствами представляется создание подси-

¹ Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения : приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664.

стем «водитель — право — автомобиль», подразумевающих идентификацию находящегося в транспортном средстве лица как имеющего право управления и в случае подтверждения этого права предоставляющих полный доступ к функции управления транспортным средством. При обязательном оборудовании автомобилей средствами видеофиксации (камеры переднего, заднего вида и салона) и навигации (GPS, Глонасс) возможно объединение этих подсистем в единую систему, образующую общее цифровое пространство, которое обозначим как «автомобиль — техническое средство организации дорожного движения — дорога». Данная мера, помимо достижения рассматриваемых в статье целей, позволит реализовать возможность фиксации в автоматическом режиме всех допускаемых водителями нарушений правил дорожного движения, обеспечив тем самым принцип неотвратимости наказания за совершенное нарушение.

Т. А. Леонова

Несовершенство действующего законодательства в части установления ответственности за совершение семейно-бытовых правонарушений

К сожалению, действующее законодательство в части установления ответственности за совершение насильственных семейно-бытовых правонарушений сложно назвать идеальным, напротив, оно представляется крайне несовершенным.

В частности, рассматривая ответственность за нанесение побоев, которая установлена ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, можно увидеть, что санкция данной статьи предусматривает три вида наказаний:

- наложение административного штрафа в размере от пяти до тридцати тысяч рублей;
- административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток;
- обязательные работы на срок от шестидесяти до ста двадцати часов.

В подавляющем большинстве случаев в качестве наказания за совершение насильственных семейно-бытовых правонарушений применяется административный штраф. При этом возникает ряд дополнительных проблем, связанных с оплатой штрафа. Дело в том, что своей цели данное наказание может достичь только в том случае, если правонарушитель и потерпевшая живут в так называемом гражданском браке, т. е. их отно-

шения как семейной пары не имеют государственного признания, а также если правонарушитель имеет постоянный источник дохода, на который может быть обращено взыскание. В подобной ситуации, действительно, за совершенное правонарушение расплачивается (в данном случае — финансово) сам нарушитель. Казалось бы, цель наказания достигнута.

На самом деле проблема значительно глубже, и связана она с тем, что, независимо от государственного признания или не признания брака, правонарушитель и потерпевшая проживают совместно и ведут общее хозяйство, имеют общий семейный бюджет. Таким образом, сумма штрафа уплачивается из общего семейного бюджета, а это, учитывая тот факт, что значительная часть насильственных семейно-бытовых правонарушений происходит в так называемых неблагополучных семьях с небольшим уровнем достатка, ведет:

1) к серьезному ухудшению материального положения не только правонарушителя, но и всей его семьи;

2) к появлению у нарушителя чувства безнаказанности, поскольку за совершение правонарушения он не изолируется от общества и потерпевшей и имеет возможность снова совершать аналогичные правонарушения. Этот момент особо актуален с учетом того, что повторное совершение подобного рода правонарушений лицом, подвергнутым административному наказанию, хотя и переводит их в категорию уголовно-наказуемых, т. е. в данном случае имеет место административная преюдиция, но только на срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию (на один год) [1, с. 16]. При этом нужно учитывать тот факт, что даже в случае привлечения лица, виновного в рецидиве побоев и подвергнутого административному наказанию за ранее совершенные аналогичные деяния, уже к уголовной ответственности по ст. 116¹ УК РФ, обычной практикой для судов является назначение наказания в виде все того же штрафа (правда теперь в сумме до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев), а не, например, ареста на срок до трех месяцев, что также предусмотрено санкцией рассматриваемой статьи УК РФ;

3) если правонарушитель не имеет постоянного источника дохода или вообще не работает, вся тяжесть уплаты штрафа ложится на потерпевшую (в случае официального брака), которая в таком случае наказывает сама себя, а не правонарушителя.

Исходя из изложенного, необходимо предпринять шаги по установлению на территории страны реального действия принципа неотврат-

тимости и строгости наказания. Это в свою очередь способно оказать серьезное влияние на снижение степени латентности правонарушений данной категории [2, с. 803]. Добиться этого можно, например, строительством на территории Российской Федерации арестных домов для того, чтобы такой вид наказания, как арест на длительный срок, перестал быть существующей лишь на бумаге фикцией. Кроме того, данной цели могло бы способствовать возрождение на территории страны системы так называемых лечебно-трудовых профилакториев, по примеру тех, которые существовали во времена СССР, поскольку учреждения, предназначенные для принудительного лечения от наркомании и алкоголизма, фактически являлись местами ограничения свободы и позволяли временно изолировать правонарушителей, страдающих наркоманией или алкоголизмом от общества, без необходимости направления их в исправительные учреждения [3, с. 289].

Безусловно, практическая реализация обозначенных нами мер потребует серьезных усилий (в первую очередь организационных и финансовых) со стороны государства, однако практика движения по пути наименьшего сопротивления и минимизации финансовых затрат на борьбу с преступностью и правонарушениями уже давно показали неспособность даже минимально повлиять на реальную ситуацию в этой сфере жизни общества.

Список источников

1. *Бочкова Е. Н.* Некоторые вопросы применения статей 4.1–4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Российское правосудие. 2007. № 12(20).
2. *Старостин А. А.* Особенности предупреждения правонарушений в семейно-бытовой сфере субъектами профилактики // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб., 2021.
3. *Тогайбаева Ш. С., Тогайбаев А. И., Тогайбаев Д. И., Курмангожина А. Н.* Совершенствование законодательства Республики Казахстан по предотвращению насилия в отношении женщин // Вестник Омского регионального института. 2018. № 1.

Применение сотрудниками полиции физической силы при задержании несовершеннолетнего правонарушителя

Совершение противоправных деяний несовершеннолетними является одной из важнейших проблем общества. Выявив противоправное деяние, любой сотрудник полиции, независимо от звания и замещаемой должности, обязан пресечь его, задержать нарушителя и принять меры в соответствии с законодательством. Деятельность сотрудника полиции носит разносторонний, многогранный характер, она в большинстве своем непрогнозируема, что зависит от порожденных экстремальных ситуаций, которые, как правило, характеризуются неопределенностью, сложностью принятия решения, острой конфликтностью. В связи с этим закон наделяет правоохранительные органы правом применения физической силы, когда несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на них обязанностей. Пресечение противоправных деяний состоит в принудительном (в том числе силой) прекращении уже начавшихся (продолжающихся) преступных или административно наказуемых деяний, исключении возможности их завершения, недопущении возникновения (усугубления) их общественно опасных, вредных последствий [1].

В юридической литературе широко распространено мнение, что «существуют два универсальных способа воздействия на сознание и волю людей: убеждение и принуждение» [2, с. 78]. Под «несиловыми способами» скорее всего подразумевается метод убеждения, применяемый сотрудниками полиции, т. е. это такое воздействие на правонарушителя, которое обеспечивает добровольное соблюдение им норм права и требований стража порядка. Несовершеннолетний правонарушитель должен знать и понимать, что требование сотрудника полиции является обязательным для исполнения. Как правило, несовершеннолетние, которых застигли сотрудники полиции за совершением противоправных деяний, выполняют требования сотрудника полиции прекратить правонарушение. Но бывают случаи, когда несовершеннолетние отказываются выполнять законные требования сотрудника полиции и пытаются скрыться бегством. В таких ситуациях, исходя из требований ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции», сотрудник полиции на месте происшествия должен действовать с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий подростка, а также характера и силы оказываемого им сопротивления, при этом сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации ущерба. Сопротивление предполагает попытку скрыться от сотрудника полиции или применить по отношению к нему

физическую силу, чтобы помешать задержанию. Реализуя возложенные на полицию обязанности, если метод убеждения не подействовал на несовершеннолетнего правонарушителя, сотрудник полиции вынужден прибегнуть к мере принуждения, применяя при этом физическую силу, чтобы заставить подростка выполнить его законные требования, и принять меры к задержанию.

Физической силой в соответствии с Законом о полиции следует считать не сопровождающиеся применением специальных средств и огнестрельного оружия действия сотрудника полиции, которые выражаются в его непосредственном физическом контакте с отдельными лицами или имуществом, могут сопровождаться ограничением телесной неприкосновенности этих лиц, свободы их действий, передвижения или распоряжения какими-либо предметами, причинением боли, вреда здоровью или смерти, а также повреждением или временным изъятием принадлежащего кому-либо имущества в целях прекращения активного противоправного поведения этих лиц или в случае их противоправного бездействия самостоятельного исполнения сотрудником полиции своего законного требования.

Согласно ст. 20 Федерального закона «О полиции» сотрудник полиции имеет право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, если несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей. При этом боевыми приемами борьбы могут быть специально организованные движения, выработанные в боевой практике с учетом анатомии человека и биомеханики его движений. Перечень боевых приемов борьбы закреплен в главе 7 приказа МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел РФ». Боевые приемы борьбы могут относиться к любым системам рукопашного боя (боксу, дзюдо, самбо, каратэ и т. п.) либо не входить ни в одну из них. Для Закона это безразлично, главное, чтобы способ силового воздействия, избираемый сотрудником полиции, — вид, сила, локализация и интенсивность ударов и других приемов — был соразмерен характеру и степени опасности пресекаемого правонарушения, силе оказываемого ему противодействия, т. е. не был явно чрезмерным в данной ситуации [1, с. 123]. Однако не все боевые приемы борьбы, на наш взгляд, целесообразно применять в отношении несовершеннолетних, так как сотрудник полиции может не рассчитать силу удара, в результате чего ребенку может быть причинен серьезный вред здоровью. При задержании несовершеннолетнего правонарушителя, который пытается скрыться бегством,

в целях минимизации вреда здоровью целесообразней всего причинение имущественного, а не физического вреда (например, удерживать ребенка за одежду). И только в крайнем случае, когда ребенок, которого задержал сотрудник полиции и удерживает его за одежду, продолжает оказывать противодействие активными действиями, пытается вырваться, пинается, наносит удары стражу порядка, в таких случаях возможно применение боевых приемов борьбы, например «загиб руки за спину», «рычаг руки через предплечье», т. е. болевых приемов, направленных на ограничение свободы передвижения. При применении сотрудником полиции физической силы в отношении лица, не достигшего возраста 18 лет, на наш взгляд, следует исключить все виды бросков (например «бросок через бедро, через спину», «задняя, передняя подножка»), а также не использовать удары, в том числе расслабляющий, и исключить применение к несовершеннолетним удушающих приемов.

Кроме того, сотруднику полиции при задержании правонарушителя следует учитывать требования Конституции РФ, которая запрещает деяния, посягающие на человеческое достоинство. Достоинство личности, как известно, охраняется государством. Исходя из этого, сотруднику полиции запрещается применять физическое воздействие, унижающее человеческое достоинство, или в целях наказания пытаться несовершеннолетнего, издеваться, жестоко обращаться с ним, например, щипать, удерживая за ухо, доставлять в служебное помещение.

Физическая сила в отношении несовершеннолетних должна быть применена только в случае необходимости и не должна нарушать их права, причинять угрозы или чрезмерного вреда их жизни или здоровью. Действия полицейских даже в самых экстремальных условиях должны быть адекватными ситуации, соответствующими имеющейся угрозе и обеспечивающими безопасность граждан. Применение полицией силы для прекращения агрессивных действий несовершеннолетних правонарушителей необходимо осуществлять строго в рамках закона, при этом не допускать превышения пределов необходимой обороны, т. е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посяательства.

К сожалению, четкое закрепление порядка применения физической силы в отношении правонарушителей, не достигших возраста 18 лет, в действующем законодательстве отсутствует. Статья 22 Федерального закона «О полиции» ограничивает применение специальных средств в отношении малолетних детей, когда их возраст очевиден или известен сотруднику полиции, при этом ограничения применения физической силы в отношении малолетних лиц законодатель не оговаривает.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы.

Физическая сила в отношении несовершеннолетних должна быть применена только в случае необходимости, а для прекращения агрессии действия не должны превышать пределов необходимой обороны.

При задержании несовершеннолетнего правонарушителя, в целях минимизации ущерба целесообразнее всего причинение имущественного, а не физического вреда.

При применении сотрудником полиции физической силы в отношении несовершеннолетнего следует исключить все виды бросков, удары, в том числе расслабляющие, а также удушающие приемы.

В целях соблюдения прав несовершеннолетних и минимизации вреда здоровью, а также исключения незаконных действий со стороны сотрудников полиции следует нормативно закрепить основания и порядок применения физической силы в отношении лиц, не достигших возраста 18 лет.

Список источников

1. *Постатейный комментарий к Федеральному закону «О полиции»* / Ю. Е. Аврутин, С. П. Булавин, Ю. П. Соловей, В. В. Черников. М., 2011.

2. *Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник для вузов.* М., 2007.

А. Д. Майле

Полицейский надзор за лицами, представляющими потенциальную угрозу (на примере Германии)

В законодательстве Германии надзор за ранее судимыми лиц обозначен термином «Führungsaufsicht» — надзор за поведением. Все вопросы, связанные с надзором, отнесены к компетенции органов юстиции федеральных земель, и осуществление надзора рассматривается здесь как одна из социальных функций органов юстиции.

Правила надзора официально закреплены в Главе 6 Уголовного кодекса ФРГ «Меры безопасности и исправления» (§§ 61–72 УК ФРГ) [1]. Уникальность данного института заключается в том, что меры безопасности носят, несмотря на их уголовно-правовую природу, именно превентивный характер. Они назначаются не только в связи с совершением уголовного правонарушения. В тех случаях, когда возможен отказ от применения мер уголовно-правового воздействия, однако лицо представляет

собой угрозу обществу, в отношении лица, представляющего общественную опасность, также могут быть применены меры безопасности.

Нормативной основой назначения надзора за поведением являются §§ 56d, 68-68c УК ФРГ и §§ 21-26a Закона об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних [2]. Основаниями для назначения судом надзора за поведением являются конкретные статьи (составы преступлений), за которые уголовным законом предусмотрена данная мера исправления и безопасности.

Так называемые «указания», назначаемые судом в рамках надзора, определены § 68b УК ФРГ. За некоторыми исключениями, они сходны с ограничениями, предусмотренными российским законодательством об административном надзоре.

В соответствии с § 68c УК ФРГ надзор длится минимум два года, максимум — пять лет. Суд может снизить максимальный предел срока. При определенных обстоятельствах, указанных в законе, суд может назначить бессрочный надзор или бессрочно продлить надзор за поведением.

В настоящее время в Германии идет активное обсуждение новых стратегий и правил контроля и надзора в отношении лиц, угрожающих безопасности государства. Возросшая потребность в дополнительных мерах по защите общества от опасных лиц связана с увеличением числа субъектов как левого, так и правого экстремизма, равно как и числа исламистов.

Лица, представляющие потенциальную угрозу, не могут быть заключены в тюрьму, если они не признаны виновными в совершении фактического преступления, даже если они придерживаются определенных убеждений или представляют потенциальную угрозу. Тем не менее такие люди находятся в ФРГ в зоне контроля полиции и спецслужб, и в отношении них также могут применяться ограничительные меры. Причем уровень этого контроля различается в зависимости от степени опасности лица, которую оценивают сами органы охраны правопорядка.

В Германии разделяют лиц, в отношении которых есть устойчивые подозрения в причастности к преступлениям экстремистской и террористической направленности, и тех, в отношении которых имеются только подозрения о причастности к деятельности экстремистских организаций или просто к автономной экстремистской деятельности. В отношении одних проводятся розыскные и следственные мероприятия, в отношении других — проверка и контроль за их общественно-политической и иной деятельностью. К последним относятся так называемые «радикалы» — левые и правые экстремисты, а также исламисты.

В ФРГ лица с радикальными взглядами в настоящее время причисляются к «лицам, представляющим потенциальную угрозу для общественной безопасности» (нем. «Gefährder», букв. «угрожающий»). Чаще данное определение используется, например, для обозначения лиц, представляющих террористическую угрозу, — «потенциальный террорист». Однако этот термин распространяется и на другие явления политически мотивированной преступности.

Впервые он был введен в оборот в 2004 г. и используется в качестве рабочего понятия федеральным правительством и различными органами, ответственными за охрану общественного порядка и безопасности [3]. Тогда же на заседании руководителей ведомств уголовной полиции земель и Федерального управления уголовной полиции было определено, что лицо, представляющее угрозу, — это лицо, в отношении которого определенные факты дают основания предполагать, что оно совершит политически мотивированные уголовные преступления значительной важности, в частности те, которые подпадают под действие § 100а УПК ФРГ. Речь в этой статье уголовно-процессуального закона идет прежде всего об особо тяжких и тяжких преступлениях, направленных против государственных интересов, жизни и здоровья людей. Таким образом, на основании выводов, сделанных органами, ответственными за охрану общественного порядка и безопасности, действия определенных лиц могут быть классифицированы как угроза, даже если нет убедительных фактов совершения ими в будущем уголовного преступления.

До 2017 г. органы, ответственные за охрану общественного порядка и обеспечение безопасности, занимались только учетом лиц, представляющих потенциальную угрозу обществу и государства. При этом был введен также учет «значимых лиц, представляющих угрозу». К ним относятся лица, которые, по оценке полицейских органов, играют роль помощника, логиста или «действующего лица» в экстремистском или террористическом спектре. Они также могут быть значимым контактом или компаньоном лица, представляющего потенциальную угрозу.

Рост числа левых и правых экстремистов, а также исходящая угроза от исламистов поставили на повестку дня вопрос о достаточной защищенности общества от террористических проявлений [4, с. 7–10]. Результатом политических дискуссий стало принятие на федеральном и земельных уровнях нормативных правовых актов, положивших начало новому институту в полицейском праве ФРГ — превентивному полицейскому надзору за лицами, представляющими потенциальную угрозу обществу и государству.

Так, Законом о реструктуризации Федерального управления криминальной полиции от 1 июня 2017 г. права последней в отношении лиц, представляющих потенциальную угрозу, были расширены [5]. Полиция впервые получила право осуществлять надзор посредством электронного мониторинга местонахождения лиц, представляющих риск совершения преступлений террористической направленности. В том же году были расширены превентивные (надзорные) полномочия полиции некоторых земель.

1 августа 2017 г. в Баварии вступил в силу Закон о более эффективном наблюдении за опасными лицами, которым были внесены изменения в Закон о задачах и полномочиях полиции Баварии [6]. В целях предотвращения непосредственной угрозы или опасности правовому благу полиция может запретить лицу, от которого исходит потенциальная угроза, искать или устанавливать контакты с определенными лицами (лицом) или определенной группой лиц, а также, если существует угроза совершения уголовных преступлений, посещать определенные места, покидать место жительства или пребывания или определенную территорию. В настоящее время аналогичные нормы содержат практически все полицейские законы земель Германии.

В целом анализ принятых изменений в полицейском законодательстве ФРГ позволяет сделать вывод, что, с одной стороны, включение определенного лица в категорию субъектов, представляющих потенциальную угрозу, основано на предположениях и выводах органов полиции, с другой — эти же органы принимают решение о применении к конкретному лицу надзорных (полицейских) ограничений, включая ношение специальных средств удаленного электронного слежения.

Соответствие Конституции положений § 68b УК ФРГ было предметом рассмотрения Федерального Конституционного Суда Германии. В своем решении суд признал соответствующими Основному закону положения о том, что судом в рамках надзора может быть назначено ограничение «постоянно иметь при себе в готовом к эксплуатации состоянии технические средства, необходимые для электронного наблюдения за его местонахождением» [7]. Вместе с тем аналогичные полицейские нормы, регулирующие основания и порядок ношения электронных браслетов лицами, представляющими потенциальную угрозу, остались без рассмотрения высшей судебной инстанцией страны.

В юридическом смысле лицо, представляющее потенциальную угрозу безопасности, даже не является подозреваемым. Установление в отношении него превентивного полицейского надзора вступает в противоречие с презумпцией невиновности, так как к человеку применяются меры,

которые используются в отношении лиц, представляющих опасность обществу и государству в соответствии с действующим уголовным законодательством. Законны ли аналогичные ограничения в полицейском праве? Возможно, данный вопрос скоро станет также предметом рассмотрения Конституционного Суда государства.

Список источников

1. Strafgesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 13. November 1998, das zuletzt durch Artikel 2 des Gesetzes vom 22. November 2021 geändert worden ist // BGBl. I S. 3322.

2. Jugendgerichtsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 11. Dezember 1974, das zuletzt durch Artikel 21 des Gesetzes vom 25. Juni 2021 geändert worden ist // BGBl. I S. 3427, BGBl. I S. 2099.

3. Wissenschaftlicher Dienst des Deutschen Bundestages (2017): Legaldefinition des Begriffes «Gefährder». WD 3 - 3000 - 046/17 // <https://www.bundestag.de/resource/blob/503066/8755d9ab3e2051bfa76cc514be96041f/wd-3-046-17-pdf-data.pdf> (дата обращения: 28.05.2022).

4. Verfassungsschutzbericht 2021: Fakten und Tendenzen. 60 Seiten // https://www.verfassungsschutz.de/SiteGlobals/Forms/Suche/Publikationensuche_Formular.html?queryResultId=null&pageNo=0 (дата обращения: 07.06.2022).

5. Gesetz zur Neustrukturierung des Bundeskriminalamtgesetzes vom 1. Juni 2017 // Bundesgesetzblatt Jahrgang 2017. Teil I. Nr. 33.

6. Gesetz zur effektiveren Überwachung gefährlicher Personen vom 24. Juli 2017 // Bayerisches Gesetz- und Verordnungsblatt. Nr. 13/2017.

7. BVerfG, Beschluss des Zweiten Senats vom 01. Dezember 2020. Az. 2 BvR 916/11, Rn. 1–406 // http://www.bverfg.de/e/rs20201201_2bvr091611.html (дата обращения: 28.05.2022).

Д. В. Пивоваров, Е. В. Зайцева

Осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов

Осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов (далее — административный осмотр) как мера обеспечения впервые была введена в административное законодательство Российской

Федерации в 2001 г. Анализируя содержание ч. 1 ст. 27.8 КоАП РФ, следует отметить отсутствие четкого определения административного осмотра, как и отсутствие оснований и цели его применения. В статье 27.8 КоАП РФ указан исключительно порядок его проведения, воспроизводящий порядок проведения личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, и досмотра транспортного средства.

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки дать определение рассматриваемой меры. Тем не менее законодательного закрепления до настоящего времени не имеется [1, с. 29].

Во-первых, нет единства в содержании выполняемых действий при проведении административного осмотра. Так, административный осмотр определяют как проведение визуального обследования (Л. С. Сафонова) [2, с. 79] либо обследования зрительно и с использованием технических средств (Ж. М. Хатова) [3, с. 47]. Кроме того, отдельно отмечается необходимость сохранения конструктивной целостности осматриваемых предметов [3, с. 48].

Во-вторых, многими авторами указывается на необходимость учета целей производства административного осмотра. Но следует отметить разнообразие выделяемых целей:

- пресечение административного правонарушения;
- обнаружение предметов и орудий совершения административного правонарушения;
- установление обстоятельств, имеющих значение для дела об административном правонарушении;
- составление наиболее точного и полного представления о характере правонарушения для заключения о наличии или отсутствии признаков административного правонарушения;
- обнаружение признаков противоправных действий, правонарушений, в том числе административных, их последующего пресечения;
- привлечение виновного к административной ответственности;
- обеспечение нормального и законного хода производства по делу об административном правонарушении (доказывание его состава, привлечение виновного к административной ответственности).

По мнению Л. С. Сафоновой, целью данной меры может быть проверка данных о нарушении законодательства, регулирующего финансовую, хозяйственную, предпринимательскую и торговую деятельность [2, с. 30]. Таким образом, административный осмотр воспринимается как действие, направленное на контроль за предпринимательской деятельностью, которую осуществляют индивидуальный предприниматель или юридическое лицо.

В этом случае, сопоставляя порядок и основания проведения внеплановой выездной проверки с административным осмотром, необходимо отметить, что специфических целей проведения, а также оснований административного осмотра нет. Вероятно, в данном случае следует руководствоваться положениями ст. 27.1 КоАП РФ, т. е. основываться на общих для всех мер обеспечения целей, а именно: пресечение административного правонарушения, установление личности нарушителя, составление протокола об административном правонарушении, обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления.

Несмотря на близкие признаки, данные меры не являются равнозначными, отличаясь в первую очередь целями применения. Считаем необходимым рассматривать административный осмотр как административно-процессуальную меру, применение которой возможно по различным категориям дел об административных правонарушениях. Таким образом, применение данной меры возможно и в отношении физических лиц, и в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, однако не являющихся индивидуальными предпринимателями.

Недостаточно регламентировано применение административного осмотра помещений и территорий, принадлежащих физическому лицу, и жилища гражданина при поступлении информации о совершающемся в нем административном правонарушении [4, с. 19]. Действительно, в такой ситуации сотрудники полиции не имеют права осуществлять административно-процессуальный осмотр помещений, территорий и находящихся там вещей и документов физических лиц, даже несмотря на то что таковой способствовал бы всестороннему и полному рассмотрению дела об административном правонарушении. Наиболее целесообразным решением в складывающейся ситуации представляется включение в перечень мер обеспечения производства такой меры, как осмотр места совершения административного правонарушения. Данная процессуальная мера успешно применяется в соответствии со ст. 28.1.1 КоАП РФ, в случае совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.24 или ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ.

Обратившись к опыту законодателя при формулировании определения и порядка уголовно-процессуального осмотра, мы можем вывести ряд положений, которые возможно экстраполировать и на осмотр места совершения административного правонарушения. Так, в УПК РФ четко изложены цели производства осмотра: обнаружение следов преступления, а также выяснение других обстоятельств, имеющих значе-

ние для уголовного дела. Кроме того, достаточно полно определен порядок производства осмотра (ст. ст. 176, 177 УПК РФ). Учитывая опыт уголовно-процессуального законодательства, полагаем, что отдельные положения могли бы найти отражение и в административном законодательстве.

На основе изложенных аргументов считаем целесообразным дополнить ч. 1 ст. 27.1. КоАП РФ мерой обеспечения производства «осмотр места совершения административного правонарушения», п. 3 ч. 1 ст. 27.1 и название ст. 27.7 КоАП РФ привести к единому пониманию: «Осмотр принадлежащих юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю помещений, территорий, находящихся там вещей и документов». Предлагаем сформулировать определение данной меры в следующем виде: «Осмотр принадлежащих юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов — непосредственное изучение уполномоченным лицом указанных помещений, территорий и находящихся там вещей и документов, осуществляющееся в случае необходимости, без нарушения их конструктивной целостности в целях пресечения административного правонарушения, обнаружения и изъятия орудий совершения административного правонарушения либо предметов и документов, которые могут иметь значение для дела об административном правонарушении, а также установления иных обстоятельств, имеющих значение для дела об административном правонарушении».

При этом под «конструктивной целостностью» следует понимать взаимное расположение частей, образующее полную сохранность и единое целое, исключающее повреждение такой конструкции, а под «единым целым» следует понимать возможность возвращения досматриваемой вещи в первоначальное состояние. Нарушение конструктивной целостности допускается лишь в исключительных случаях, при наличии достаточных оснований полагать, что при лице находятся орудия совершения или предмет административного правонарушения.

Список источников

1. Кисин В. Р. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: юридическая природа и недостатки правового регулирования // Административное право и процесс. 2018. № 1.
2. Сафонова Л. С. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

3. *Хатова Ж. М.* Осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

4. *Ситкина М. Н.* Выявление и пресечение органами внутренних дел (милицией) административных правонарушений в сфере оборота наркотических средств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2006.

М. В. Сергеев

Наружный досмотр или личный досмотр: что обеспечит личную безопасность сотрудника полиции

Ситуации задержания правонарушителей, их доставление в территориальный орган являются частью деятельности сотрудника полиции, несущего службу по охране общественного порядка и безопасности. Именно в таких ситуациях сотрудникам чаще всего причиняются телесные повреждения. Соглашаясь с отдельными авторами, утверждающими, что количество нападений на полицейских в ближайшей перспективе будет увеличиваться [1, с. 59], необходимо отметить, что одной из причин их совершения является некачественное проведение или непроведение сотрудником полиции досмотра одежды или вещей, находящихся у задержанного.

Опросы сотрудников полиции показывают, что непроведение наружного досмотра в ряде случаев продиктовано незнанием правовых оснований его проведения и, следовательно, готовностью к повышенному профессиональному риску под угрозой быть привлеченным к ответственности за неправомерное применение данной меры государственного принуждения.

В последнее время указанный аргумент из-за непроведения наружного досмотра обострился после вступления в силу Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России¹ (далее — Наставление ППС).

¹ Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495.

Исторически правовым основанием проведения наружного досмотра являлся Устав патрульно-постовой службы полиции² (далее — Устав), который в ст. 266 закреплял положения, регламентирующие основания проведения наружного досмотра. Вместе с утверждениями о всеобщности применения норм Устава это давало правовые основания проведения наружного досмотра в ситуациях задержания правонарушителей.

Наставление ППС отменило действие Устава. Правовых норм, разрешающих сотрудникам полиции проводить наружный досмотр, новое Наставление ППС не содержит. Действующее в настоящее время Наставление ДПС ГИБДД также не содержит положений, закрепляющих возможность проведения наружного досмотра задерживаемых лиц.

Единственным ведомственным нормативным правовым актом, в котором наружный досмотр представлен в качестве приема, обязательного для отработки сотрудниками полиции в рамках занятий по боевой и физической подготовке, является Наставление по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел³ (далее — Наставление по физической подготовке). При этом Наставление по физической подготовке не содержит оснований для проведения наружного досмотра, устанавливая лишь порядок проведения рассматриваемого приема.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в настоящее время у сотрудников полиции отсутствуют правовые основания проведения наружного досмотра задерживаемых лиц.

При этом в правовом поле стали появляться другие нормы, обеспечивающие возможность личного досмотра сотрудником полиции задерживаемых лиц. Так, утвержденный приказом МВД России от 13 апреля 2021 г. № 212 Порядок доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции⁴

² Устав патрульно-постовой службы полиции : приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80 (не действующий) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 27 ; 2015. № 30.

³ Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450.

⁴ Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции : приказ МВД России от 13 апреля 2021 г. № 212. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).

(далее — Порядок доставления) в пункте 19 установил, что «перед помещением лиц в состоянии опьянения в салон транспортного средства при необходимости в целях обнаружения у таких лиц оружия, а также иных предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия, сотрудники полиции организуют (проводят) личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при физическом лице, в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях».

Необходимо отметить, что доставление лиц, находящихся в состоянии опьянения, является всего лишь одним из частных случаев правоприменительной деятельности, осуществляемой сотрудниками полиции, где необходимо проведение досмотровых мероприятий [2, с. 654]. Реалии правоприменительной деятельности, осуществляемой сотрудниками полиции, диктуют необходимость наличия универсальной правовой нормы, разрешающей перед доставлением в территориальный орган внутренних дел провести сотруднику полиции досмотр (обследование одежды, а при наличии оснований и тела) задержанных лиц.

Необходимо отметить, что именно проведение досмотра одежды задерживаемого лица и вещей, находящихся при нем, непосредственно на месте задержания может обеспечить уверенность сотрудника полиции в отсутствии у доставляемого лица оружия, взрывных устройств и веществ, раскрыть преступный умысел, обеспечить личную безопасность полицейского и общественную безопасность.

На основании изложенного полагаем, что устранение проблем обеспечения личной и общественной безопасности в ситуациях задержания правонарушителей сотрудниками полиции, возможно путем:

- объединения на законодательном уровне понятий «наружный досмотр» и «личный досмотр» с внесением дополнений в содержание ст. 28 Федерального закона «О полиции», где в качестве целей личного досмотра предусмотреть обеспечение личной и общественной безопасности;
- внесения изменений в Наставление по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации в части рассмотрения приема «личный досмотр».

Список источников

1. Волков П. А., Цветов С. В. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел во время выполнения служебных обязанностей, связанных с охраной общественного порядка // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2020. № 2.

2. *Сергеев М. В.* Наружный досмотр: решение проблем правового регулирования // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб., 2020.

А. А. Старостин

**О некоторых аспектах производства по делам
об административных правонарушениях,
связанных с идентификацией личности,
в том числе гражданства (подданства) правонарушителя**

Обязанность полиции выявлять и пресекать административные правонарушения и осуществлять производство по делам об административных правонарушениях отнесена законодательством к компетенции полиции. В ходе производства сотрудники органа внутренних дел (полиции) устанавливают необходимые доказательства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Эти данные фиксируются в том числе протоколом об административном правонарушении. Конструкция протокола достаточно подробно описана в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (ст. 28.2 КоАП РФ). В нем указываются: дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, фамилии, имени, отчества и т. д.

По существу, в протокол об административном правонарушении вносятся персональные данные правонарушителя. С этой же целью сотрудники полиции имеют право проверить у граждан, совершивших административное правонарушение, документы, удостоверяющие их личность. На сегодняшний день законодательство не обязывает гражданина иметь при себе данные документы, кроме отдельных случаев. При этом определенная сложность может заключаться в том, что сотрудник органов внутренних дел (полиции), как показывает практика, не всегда знает точно категорию документов, удостоверяющих личность. Это в большей степени относится к документам, удостоверяющим личность иностранных граждан и лиц без гражданства.

Законом определен перечень документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации и иностранного гражданина или лица без гражданства¹.

Почему именно в рамках производства по делам об административном правонарушении речь идет о документах, удостоверяющих личность, вполне объяснимо, они как раз и содержат необходимые персональные данные, которые заносятся в протокол об административном правонарушении. В случае же отсутствия этих документов полиция имеет право осуществлять доставление гражданина² в территориальный орган внутренних дел для установления его личности.

На данном этапе производства могут возникнуть определенные нюансы, связанные, например, с тем, что срок действия документа, удостоверяющего личность гражданина, истек. Может ли сотрудник полиции использовать этот документ для идентификации личности правонарушителя и составления протокола об административном правонарушении?

Обстоятельства, при которых документ, удостоверяющий личность гражданина (паспорт), является недействительным, указаны в законе³. Это наличие в паспорте сведений, отметок или записей, не предусмотренных Положением о паспорте гражданина Российской Федерации (истечение срока годности, изменение персональных данных (например, фамилии), внесение посторонних записей, отметок, печатей, отсутствие листов или их повреждение (надрывы, потертости, следы воздействия огня, воды или химических реактивов)), а также истечение 90 дней после дня достижения гражданином 20-летнего и 45-летнего возраста, если паспорт не был заменен.

В этих случаях, помимо того, что в действиях гражданина усматриваются признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.5 КоАП РФ («Проживание гражданина Российской Федерации без документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта)»), возникает необходимость установления сотрудниками полиции личности правонарушителя.

¹ Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации : указ Президента РФ от 13 марта 1997 г. № 232 ; О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ.

² О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.

³ Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 8 июля 1997 г. № 828.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что сотрудникам полиции при выполнении оперативно-служебных задач периодически приходится сталкиваться с подобными ситуациями, и поэтому, на наш взгляд, в рамках производства по делам об административных правонарушениях и составления протокола есть необходимость внесения соответствующих рекомендаций в нормативную базу (например, Федеральный закон «О полиции» и т. д.), регламентирующую правовые основания и порядок проверки у граждан документов, удостоверяющих их личность.

Помимо указанных обстоятельств следует внимание на еще одну проблему, относящуюся к документам, удостоверяющим личность гражданина, с которой приходится сталкиваться сотрудникам полиции в рамках служебной деятельности.

Суть ее заключается в том, что в ходе доставления лица при наличии законных оснований или же в случае непосредственного обращения гражданина в территориальный орган внутренних дел сотрудниками полиции выявляется факт незаконной выдачи паспорта гражданина Российской Федерации.

Причина незаконной выдачи заключается в том, что гражданство лица на момент выдачи ему паспорта ничем не было подтверждено. Паспорт при этом у гражданина изымается.

Такая ситуация становится возможной в силу того, что на момент выдачи паспорта гражданин, а это, как правило, уроженец республик бывшего СССР, прибывший ранее в Российскую Федерацию и выполняющий действия по замене документа, при наступлении соответствующих обстоятельств узнает, что ранее выданный ему паспорт гражданина Российской Федерации является выданным незаконно («необоснованно выданным», «выданным в нарушение установленного порядка»). Паспорт у гражданина изымается до момента установления его гражданства (подданства) сотрудниками полиции.

К сожалению, на сегодняшний день процедура, связанная с установлением гражданства, проводится достаточно длительное время, от двух до четырех месяцев, ввиду сложностей, возникающих в ходе проверки законности приобретения или оформления гражданства, т. е. обоснованности выдачи паспортов.

На наш взгляд, имеет место пробел или несовершенство в действующем законодательстве, ведь согласно Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» до февраля 1992 г. гражданство Российской Федерации приобреталось по факту на-

хождения гражданина на территории Российской Федерации. В данном случае установить нахождение на территории Российской Федерации гражданина можно только через проверку адреса его регистрации на территории России.

Получить указанные сведения часто становится просто невозможно ввиду отсутствия или утери архивных адресных данных. Это в свою очередь опять приводит к затягиванию процедуры проверки гражданства и к выяснению обстоятельств личной жизни гражданина путем направления запросов в районные администрации, места работы или учебы, паспортные столы по адресам, где мог быть зарегистрирован гражданин на февраль 1992 г.

В результате этого названные лица, а также их дети становятся лицами без гражданства, и российские паспорта, как уже было сказано ранее, у них изымают. После установления личности гражданина он вновь обязан сдать необходимые документы для получения нового документа, удостоверяющего его личность (паспорта).

Нередко указанные граждане вынуждены обращаться в суд с исковыми заявлениями, но решения принимаются судебными органами, как правило, не в их пользу⁴.

Наиболее эффективным способом решения данной проблемы, на наш взгляд, был бы пересмотр законодательства в данной сфере и принятие соответствующей статьи закона «О гражданстве Российской Федерации», по которой гражданин — уроженец республики бывшего СССР мог бы принять гражданство Российской Федерации без прохождения процедуры установления личности, как это осуществляется сегодня.

Граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства обязаны иметь действительные документы, удостоверяющие их личность, и своевременно производить их замену. Задача же сотрудников полиции — в рамках своей служебной деятельности факты использования недействительных документов выявлять и пресекать.

⁴ *Решение* Оловянинского районного суда (Забайкальская область) № 2А-502/2020 от 28 июля 2020 года по делу гр. Ш. А. Ахмедова. URL: <https://olov.cht.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).

А. С. Торгерсен

Актуальные вопросы применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия ограниченного поражения

Согласно статье 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — ФЗ «О полиции») полиция предназначена для защиты таких неотчуждаемых нематериальных благ человека, как жизнь и здоровье, права и свободы. Для этого в законе прописаны юридические средства, направленные на противодействие преступности, а также меры, имеющие своей целью обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрану общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности [1, с. 172].

Для реализации этих целей полицейские наделены полномочиями по применению ряда специальных прав, среди которых важное значение имеет возможность применения к субъектам различных мер, имеющих принудительный характер, к которым отнесено применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. В соответствии с ч. 2 статьи 18 ФЗ «О полиции» перечень состоящих на вооружении полиции специальных средств, огнестрельного оружия и патронов к нему, боеприпасов устанавливается Правительством Российской Федерации. Не допускается принятия на вооружение полиции специальных средств, огнестрельного оружия и патронов к нему, боеприпасов, которые наносят чрезмерно тяжелые ранения или служат источником неоправданного риска (глава 5 ФЗ «О полиции»).

Особенность данных мер отражается в их основной цели — непосредственном прекращении противоправного деяния и недопущении новых. Можно назвать и другую особенность: более широкий круг субъектов, в отношении которых могут быть использованы методы пресечения, поскольку они могут применяться к лицам, не достигшим 16-летнего возраста, невменяемым, лицам, обладающим иммунитетом, и т. д. [2, с. 103].

К огнестрельному оружию ограниченного поражения отнесены различные виды короткоствольного и бесствольного оружия, предназначенные для механического поражения живой цели на расстоянии метаемым снаряжением патрона травматического действия, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда, и не предназначенные для причинения смерти человеку. Патрон травматического действия — устройство, предназначенное для выстрела из огнестрельно-

го гладкоствольного оружия или огнестрельного оружия ограниченного поражения, объединяющее в одно целое при помощи гильзы средства инициирования, метательный заряд и метаемое снаряжение травматического действия и не предназначенное для причинения смерти человеку (ст. 1 Федерального закона «Об оружии»).

Основания для применения огнестрельного оружия ограниченного поражения несколько шире случаев применения табельного огнестрельного оружия. Сотруднику полиции предоставлено право применять огнестрельное оружие ограниченного поражения во всех случаях, когда имеются основания, предусмотренные чч. 1 и 3 ст. 23 ФЗ «О полиции», а также по некоторым основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 21 «Применение специальных средств» ФЗ «О полиции»:

- для пресечения сопротивления, оказываемого сотруднику полиции (п. 3);

- для задержания лица, застигнутого при совершении преступления и пытающегося скрыться (п. 4);

- для освобождения насильственно удерживаемых лиц, захваченных зданий, помещений, сооружений, транспортных средств и земельных участков (п. 7);

- для пресечения массовых беспорядков и иных противоправных действий, нарушающих движение транспорта, работу средств связи и организаций (п. 8).

Как отмечают С. В. Пырчев и В. С. Афанасьев, практика применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции Российской Федерации свидетельствует о достаточно низкой доле официального применения оружия ограниченного поражения. В ходе исследования практики применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел в период с 2014 по 2018 гг. изучены и проанализированы материалы служебных проверок: в 2014 г. — 8 фактов применения огнестрельного оружия, в 2015 г. — 15, 2016 г. — 20, 2017 г. — 65, 2018 г. — 47. В результате анализа установлено, что наиболее часто огнестрельное оружие применяют сотрудники дорожно-патрульной службы (49% случаев), далее — патрульно-постовая служба (15%), участковые уполномоченные полиции (15%), уголовный розыск (14%). Задokumentированы также факты применения огнестрельного оружия сотрудниками отряда специального назначения «Гром» управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России, кинологической службы МВД России, дежурной части, специального отряда быстрого реагирования МВД России. По результатам изучения не выявлено ни

одного задокументированного факта применения огнестрельного оружия ограниченного поражения [3, с. 129].

По результатам анкетирования сотрудников территориальных органов внутренних дел Красноярского края, Республики Хакасия и Республики Тыва, обучающихся в Сибирском юридическом институте МВД России по программе профессионального обучения «Повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел, привлекаемых к проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» по должности служащего «Полицейский», было установлено, что многие из них являются владельцами огнестрельного оружия ограниченного поражения, приобретенного на законных основаниях для личного пользования. Многие из опрошенных сотрудников отмечают, что выходя на службу берут его с собой в качестве дополнительного оружия для применения в ситуациях, не требующих применения табельного оружия. В качестве оснований указывают пп. 2 и 4 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции». В качестве наиболее эффективно-го образца огнестрельного оружия ограниченного поражения выделяют комплекс ПБ-4-2 «Оса».

Анализ анкет 146 сотрудников полиции показал, что большинству из них известно о служебном оружии ограниченного поражения, состоящем на вооружении органов внутренних дел. Некоторые сотрудники отмечают, что такие образцы имеются в территориальных органах, но в единичных экземплярах, в связи с чем на службу не выдаются.

В личных беседах на вопрос о том, почему не применяют оружие ограниченного поражения, находящееся в личном владении, в более широком спектре оснований, указанных в ст. 21 и ст. 23 Федерального закона «О полиции», сотрудники полиции указали следующие причины:

- страх быть привлеченным к уголовной ответственности;
- страх быть уволенным из органов внутренних дел;
- незнание более сложных правовых механизмов, предоставляемых Уголовным кодексом Российской Федерации, институтами необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, и крайней необходимостью (глава 8 УК РФ);

- у многих сотрудников полиции сложилась определенная психологическая модель поведения, при которой он производит выстрел только в самом крайнем случае;

- неоднозначная трактовка некоторых положений ФЗ «О полиции», в связи с чем возникают сомнения в правомерности применения оружия ограниченного поражения в различных ситуациях.

Следует отметить, что опрошенные сотрудники высказали свои сомнения в отношении ч. 4 ст. 23 ФЗ «О полиции», которая дает право сотруднику полиции применять только служебное оружие ограниченного поражения, а не находящееся у него в личном владении. Вместе с тем сотрудники полиции указывают на положения ч. 3 ст. 18 ФЗ «О полиции», которая дает право применять иное не состоящее на вооружении полиции оружие только в случае отсутствия огнестрельного оружия или специальных средств. Таким образом, у сотрудников полиции возникает неправильное толкование данной нормы, что при наличии табельного огнестрельного оружия они формально не имеют права применять иное. На наш взгляд, было бы целесообразным согласиться с мнением Н. Н. Цуканова, который отмечает, что когда сотрудник полиции действует в интересах закона как лицо должностное, он не ограничен в своих правах как лицо физическое. Поэтому на него распространяются положения УК РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. В состоянии необходимой обороны, а также при наличии иных обстоятельств, исключающих преступность деяния (т. е. действуя как любое физическое лицо), полицейский не ограничен теми запретами и ограничениями, которые сформулированы в главе 5 ФЗ «О полиции» [4, с. 68].

Таким образом, предлагается рассмотреть вопрос о целесообразности внесения уточнений в ч. 3 ст. 18 ФЗ «О полиции» в части разрешения сотрудникам полиции применять личное огнестрельное оружие ограниченного поражения при наличии у него огнестрельного оружия или специальных средств.

Следует отметить, что при применении табельного огнестрельного оружия в отношении человека сотрудники нередко отказываются открывать огонь, опасаясь привлечения впоследствии к ответственности за превышение полномочий, и в результате не могут должным образом выполнять свои обязанности по охране общественного порядка и безопасности. Возможно, наличие при себе огнестрельного оружия ограниченного поражения позволит сотруднику более эффективно выполнять свои обязанности в процессе охраны общественного порядка.

Список источников

1. Несудимова Д. С., Плохих Г. И. Применение сотрудниками органов внутренних дел оружия и специальных средств // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 5(44).

2. Кареева-Попелковская К. А. К вопросу о классификации мер административного пресечения в деятельности полиции // Административное и муниципальное право. 2014. № 2(74).

3. Пырчев С. В., Афанасьев В. С. К вопросу применения огнестрельного оружия ограниченного поражения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации // Академическая мысль. 2020. № 4(13).

4. Цуканов Н. Н. О соотношении норм Закона «О полиции» и УК РФ в регулировании права сотрудника полиции применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие // Административное право и процесс. 2012. № 3.

Р. Р. Фаисханов

О некоторых проблемных вопросах контроля за обеспечением условий хранения (сохранности) оружия

По состоянию на 2021 г. в обороте на территории Российской Федерации находилось порядка 7 млн ед. гражданского оружия, состоящего на учете в Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — Росгвардия, войска национальной гвардии)¹. Оборот оружия включает широкий спектр урегулированных нормативными правовыми актами действий, в том числе его хранение. Общие требования, предъявляемые к условиям хранения различных видов гражданского оружия и патронов к нему (далее — оружие), призваны обеспечить его сохранность, безопасность хранения и исключить доступ к указанным предметам посторонних лиц². Имеется более детальная регламентация перечисленных требований, связанная с хранением оружия по месту жительства его владельца, предусматривающая, помимо названных условий, хранение оружия в запирающихся на замок (замки) сейфах, сейфовых шкафах или металлических шкафах для хранения оружия, ящиках из высокопрочных материалов либо в деревянных ящиках, обитых железом. В свою очередь, требования к хранению оружия гражданами Российской

¹ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/7-984> (дата обращения: 12.02.2022).

² Об оружии : федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ.

Федерации в местах временного пребывания сокращены для исключения доступа к нему посторонних лиц³.

Обязанность по обеспечению перечисленных требований к условиям хранения оружия возлагается на его владельца, а их невыполнение, в зависимости от вредных последствий противоправных действий (бездействия), является объективной стороной административного правонарушения либо преступления. Так, нарушение правил хранения оружия гражданами, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, является административным правонарушением. При этом небрежное хранение оружия, создавшее условия для его использования другим лицом, если это повлекло смерть человека или иные тяжкие последствия, является преступлением.

Об актуальности проблемы утраты (хищения) оружия свидетельствуют статистические данные, приведенные депутатами Государственной Думы Российской Федерации. Так, в период с 2016 г. по 2020 г. владельцы оружия заявили об утрате на территории Российской Федерации более 28 тыс. ед. гражданского оружия [1]. С 2018 г. по 2020 г. из незаконного оборота было изъято свыше 67 тыс. единиц огнестрельного оружия, более 60% из которого являлось гражданским оружием, переоборудованным в боевое [2].

Об утрате или хищении оружия, состоящего на учете в Росгвардии, владелец оружия обязан незамедлительно сообщить в соответствующий территориальный орган Росгвардии. При поступлении указанной информации Росгвардия незамедлительно информирует об утрате (хищении) оружия оперативного дежурного территориального органа МВД России на районном уровне. В случае хищения оружия с нарезным стволом организуется направление контрольных пуль и гильз в федеральное государственное казенное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» для проверки и постановки на учет в федеральной пулегильзотеке⁴.

Сведения по фактам утраты (хищения) оружия с указанием его марки, номера и особенностей направляются по территориальности

³ *Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации* : постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814.

⁴ *Об утверждении Порядка взаимодействия Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, ее территориальных органов и органов внутренних дел Российской Федерации по вопросам, отнесенным к их компетенции в сфере оборота оружия* : приказ Росгвардии и МВД России от 22 февраля 2019 г. № 54/90. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.03.2019).

в информационный центр, а также в дежурные части органов внутренних дел для отражения в оперативных сводках. Учет похищенного оружия в масштабах Российской Федерации ведется ГИЦ МВД России [3, с. 189]. Назначением учета является концентрация всей информации об огнестрельном оружии, а цель — выявление фактов приобретения лицами оружия при отсутствии соответствующего разрешения, а также раскрытие преступлений, связанных с использованием данного оружия [4, с. 157].

В январе-апреле 2022 г. количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем-апрелем 2021 г. уменьшилось на 11,5% и составило 8,8 тыс., а количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств выросло на 8,8% (248 преступлений)⁵. Кроме того, отмечается наличие у населения Российской Федерации значительного количества оружия, не состоящего на учете в Росгвардии [5, с. 41], что в целом способствует совершению преступлений, связанных с оружием.

Анализ приведенных правовых предписаний, связанных с хранением гражданского оружия, свидетельствует о существенной ответственности, добровольно принимаемой на себя гражданином, решившим стать владельцем оружия. Хранение оружия по месту жительства либо месту пребывания его владельца требует постоянного контроля со стороны гражданина за принадлежащим ему оружием, а также своевременного реагирования в случае хищения оружия. Вместе с тем на практике встречаются случаи, когда гражданин, являющийся владельцем оружия, имеет двойное гражданство и проживает за пределами территории Российской Федерации. В такой ситуации он не способен обеспечить постоянный контроль за условиями его хранения (сохранности) и своевременно сообщить в соответствующий территориальный орган Росгвардии в случае хищения. Аналогичная проблема может возникнуть, когда деятельность владельца оружия связана с пребыванием в длительных командировках, в дальних и малых плаваниях, а также при заболевании владельца оружия и его долгосрочном стационарном лечении или убытии к месту проведения продолжительного отпуска. В указанных ситуациях не исключается выявление факта хищения оружия только после прибытия их владельцев к месту хранения оружия после длительного отсутствия.

⁵ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–апрель 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/30105559/> (дата обращения: 27.05.2022).

Примечательно, что у должностных лиц федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере оборота оружия, отсутствуют основания для изъятия оружия, контроль за сохранностью которого со стороны его владельца фактически не осуществляется, в том числе в течение длительного времени, вплоть до пяти лет.

Вместе с тем оборот оружия как технических средств, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели и, следовательно, способных причинить существенный вред жизни и здоровью людей, имуществу и природе, не только создает повышенную опасность для этих охраняемых Конституцией Российской Федерации ценностей, но и сопряжен с угрозой посягательства на другие конституционно значимые ценности, в том числе основы конституционного строя, нравственность, права и законные интересы граждан, безопасность государства, что требует от федерального законодателя установления механизма их защиты в рамках правового режима оборота оружия⁶.

Контрольно-надзорная деятельность за соблюдением законодательства в сфере оборота оружия осуществляется Росгвардией⁷. Справедливо отмечается, что такая деятельность со стороны государства является основным организационно-правовым способом обеспечения законности и дисциплины, а также одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений правовой политики [6, с. 25]. В процессе осуществления контрольно-надзорной деятельности Росгвардией проводятся проверка соответствия условий, обеспечивающих сохранность оружия, безопасность его хранения и исключающих доступ к оружию посторонних лиц, правилам оборота оружия, а также установление факта отсутствия обстоятельств, препятствующих владению оружием его владельцем⁸.

На основании мотивированных письменных запросов Росгвардии в мероприятиях по контролю за обеспечением гражданами Российской Федера-

⁶ По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой негосударственного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Учебно-технический центр „Кольчуга“»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2015 г. № 8-П.

⁷ О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ.

⁸ Об утверждении Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия: приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 14 января 2020 г. № 8.

ции — соискателями лицензий на приобретение оружия либо владельцами оружия условий хранения (сохранности) оружия участвуют сотрудники полиции⁹. В случае непосредственного выявления сотрудниками полиции нарушений правил оборота оружия при выполнении ими функциональных обязанностей, в том числе при осуществлении процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий, профилактического обхода административного участка, проведения индивидуальной профилактической работы с гражданами, ими принимаются меры в пределах компетенции в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Участковые уполномоченные полиции в населенных пунктах, в которых отсутствуют подразделения Росгвардии, являются фактически единственными должностными лицами, осуществляющими контроль за обеспечением сохранности и соблюдением правил обращения с оружием, находящимся в собственности или временном владении граждан [7, с. 38].

В период фактического отсутствия постоянного контроля за обеспечением условий хранения (сохранности) оружия со стороны его владельца, обусловленного нахождением гражданина за пределами территории Российской Федерации, в командировках, в дальних и малых плаваниях, на лечении, в отпуске, либо по иным причинам отсутствующим в течение длительного времени по месту хранения принадлежащего ему оружия, не исключена ситуация при которой при проверке сотрудниками Росгвардии или полиции условий хранения (сохранности) оружия может быть установлен факт отсутствия оружия в месте его хранения. При указанных обстоятельствах не исключается ситуация, при которой период уведомления владельцем оружия о его утрате или хищении может значительно превышать установленный срок.

Заметим, что предусмотрено право граждан Российской Федерации на время отпуска, командировки, лечения и т. п. передавать оружие в органы внутренних дел для обеспечения его сохранности. Однако, как показывает практика, передача гражданами оружия для обеспечения его сохранности является скорее исключением, чем правилом.

Как отмечено ранее, ч. 5 ст. 25 Федерального закона «Об оружии» установлена обязанность владельцев оружия сообщать незамедлительно, но не позднее суток, в соответствующие территориальные органы Рос-

⁹ О некоторых вопросах участия полиции в мероприятиях по контролю за обеспечением условий хранения (сохранностью) гражданского, служебного, боевого и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан : приказ МВД России и Росгвардии от 18 августа 2017 г. № 652/360. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.04.2021).

гвардии об утрате или хищении оружия, подлежащего учету в Росгвардии, однако ответственность за невыполнение указанных предписаний на сегодняшний день отсутствует.

На основании изложенного представляется возможным заключить, что при наличии обстоятельств, фактически исключающих постоянный контроль со стороны гражданина за условиями хранения (сохранности) принадлежащего ему оружия, отсутствие правовых предписаний, предусматривающих обязанности таких граждан сдавать оружие на хранение, а также права должностных лиц Росгвардии по его изъятию не способствует охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, так как влечет завладение оружием третьими лицами, в том числе в преступных целях, и может привести к трагическим последствиям. Таким образом, проблема контроля за обеспечением условий хранения (сохранности) оружия требует дальнейшего детального исследования и принятия соответствующих мер нормативного характера по ее устранению.

Список источников

1. *Опасная потеря* // Рос. газета. 2021. 21 мая.
2. *Госдума одобрила ужесточение наказания за незаконный оборот оружия* // Рос. газета. 2021. 16 июня.
3. *Берова Д. М.* К вопросу о значении и возможностях использования в контртеррористической борьбе криминалистических учетов огнестрельного оружия, стреляных пуль и гильз // *Общество и право*. 2012. № 5(42).
4. *Пшеничный Р. В.* Криминалистические учеты и их применение при расследовании и раскрытии преступлений // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2019. № 1.
5. *Сургутсков В. И., Гоман О. С.* Организация деятельности территориальных органов МВД России и Росгвардии по реализации полномочий, связанных с приемом у населения оружия, боеприпасов и иных видов вооружения, находящихся в незаконном обороте // *Полицейская и следственная деятельность*. 2020. № 3.
6. *Соколов А. Ю., Лакаев О. А.* Правовая политика в сфере государственного контроля и надзора // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2020. № 2.
7. *Торгерсен А. С.* О некоторых актуальных вопросах участия участковых уполномоченных полиции в мероприятиях по контролю за оборотом оружия в контексте изменений отечественного законодательства // *Научный компонент*. 2021. № 1(9).

РАЗДЕЛ III.

ИНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

А. И. Воронов

Использование элементов ситуационного обучения сотрудников органов внутренних дел навыкам применения физической силы

При ситуационном обучении сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) важно учитывать, что двигательное поведение очень зависит от изменяющихся условий. Если, например, сотрудник ОВД прогнозирует нежелательные (с точки зрения юридической оценки наносимого правонарушителю ущерба) последствия, то он применяет менее травмоопасные для соперника боевые приемы борьбы (далее — БПБ) или прилагаемые им усилия (например, при проведении болевого или удушающего приема) заметно снижаются. Такое двигательное поведение позволяет сотруднику ОВД дозировать возможную тяжесть причиняемого сопернику травмирования или ограничиться удержанием его под контролем с последующим сковыванием наручниками.

В служебной двигательной деятельности сотруднику ОВД необходимо обращать внимание на операции (элементы) профессионально-прикладного двигательного действия, недостающие или недостаточные (при их наличии) для выполнения решаемой двигательной задачи, он должен постоянно думать, чем компенсировать недостающее. В этом случае у обучающегося возникает своеобразный «двигательный голод», острая потребность в недостающих двигательных элементах (операциях служебного действия) в связи с их отсутствием в структуре выполняемого сотрудником действия.

По сути, вот это «недостающее» и должно стать предметом обучения и совершенствования! Проводится работа по усилению задействованных операций либо по их компенсации за счет других элементов или измене-

нию их параметров, что в итоге позволяет решить текущую двигательную задачу: вывести правонарушителя из равновесия; защититься от проводимого соперником удара и т. д.

Важно также учитывать момент включения сотрудника в ту или иную ситуацию, т. е. как и почему он оказался в этой ситуации, можно ли было ее избежать, не допустить. Решение этого вопроса выводит процесс обучения на качественно иной уровень, позволяет конкретизировать содержание учебного материала.

В ходе упражнений отрабатывается одна из возможных моделей поведения сотрудника в сходной, типовой ситуации. Накапливается двигательный опыт такого поведения, вырабатываются навыки контроля за достигаемыми при этом результатами.

Уточнение предмета обучения необходимо еще и потому, что происходят изменения и в уровне подготовленности обучаемого. Кроме того, поведение правонарушителей в похожих условиях также может заметно различаться. Несмотря на это, сотрудник полиции вынужден добиваться необходимого служебного результата, что требует от него соответствующих перегруппировок, смены возможных БПБ, изменений в акцентах своего двигательного поведения. Такая восприимчивость к смене двигательного поведения по ходу развития служебной ситуации должна отрабатываться в учебных условиях.

Под тактикой обычно понимают способы рационального (максимально эффективного в данных условиях) применения имеющихся ресурсов сотрудника ОВД, использование условий наличной обстановки, учета двигательного поведения правонарушителя и его потенциальных возможностей. Помимо этой оценки, требуется спрогнозировать правомерность применения БПБ и юридические последствия. От решения этих задач зависит и выбор применяемых БПБ, и степень прилагаемых усилий, и меры усиления или ограничения травмирующего воздействия на правонарушителя.

Достаточно серьезное отличие мотивации ассистента и реального правонарушителя также существенно влияет на характер двигательного (физического) противоборства и оказываемого при этом сопротивления, понижая его до безопасного уровня в учебных условиях и тем самым снижая его развивающее воздействие на обучаемого.

У любой двигательной компетенции есть подетальное (операционное) преломление в реальной служебной ситуации. Эти конкретные преломления и составляют предмет процесса двигательного обучения сотрудника ОВД. В подбираемых упражнениях должно найти отражение

двигательное поведение сотрудника полиции в качестве предмета обучения.

При этом следует отчетливо представлять, что данный учебно-тренировочный процесс имеет синхронный и асинхронный варианты. Соединение в единый двигательный навык служебного двигательного поведения сотрудника ОВД происходит непосредственно в момент применения физической силы в реальной служебной ситуации и носит отложенный характер. Такой расклад позволяет совершенствовать в ходе двигательного поведения сотрудника полиции как отдельные двигательные элементы, так и более крупные фрагменты, вплоть до целостного действия.

В процессе обучения мы не можем категорично утверждать, сколько именно раз нужно повторять движения обучающимися, чтобы научиться выполнять БПБ должным образом. Это вызвано тем, что мы работаем с материалом, имеющим вероятностный характер. Таким образом, что в действительности произойдет и какую именно форму будет носить применяемый БПБ в реальной служебной ситуации, мы можем только предполагать. В то же время, предвидя возможные варианты развития процесса применения БПБ, мы отбираем какой-либо фрагмент этого двигательного действия и используем его в качестве упражнения в учебном процессе. Поэтому очень важно сохранить параметры служебного применения БПБ в структуре (механизме) выбранного упражнения как средства обучения.

Следует принимать во внимание масштаб сходства и различия реальной служебной ситуации, требующей от сотрудника полиции каких-либо двигательных проявлений, и ее отражения в учебном процессе.

Необходимо учитывать и многокомпонентность двигательной деятельности сотрудника полиции: его техническую подготовленность, специальную выносливость, способность реагирования на изменение текущих условий, способность тактического маневрирования и т. п.

Таким образом, двигательная подготовленность сотрудника полиции должна быть ориентирована на указанные выше направления его профессиональной деятельности, которые в значительной степени влияют на характер обучения применению полицейской силы, а двигательные задания и упражнения, выполняемые обучающимися в ходе учебных ситуаций, должны отражать достигаемые сотрудником полиции преимущества над правонарушителем.

А. Ж. Джумабекова

Высокая степень организованности и устойчивости как основополагающий признак в доказывании преступной организации

Противодействие преступности всегда являлось одной из первоочередных задач государства, решение которой обеспечивает мирное существование граждан и безопасное развитие общества. Одним из действующих инструментов в данном противодействии выступает уголовный закон, а также точная реализация уголовной политики государства, предполагающая в современных условиях максимальное приближение к реализации принципа справедливости путем гармонизации санкций статей Особенной части УК РФ со степенью общественной опасности конкретных преступных деяний.

В этом отношении дальнейшее развитие уголовной политики в рамках Концепции правовой политики на период с 2010 до 2020 гг. предполагает, с одной стороны, гуманизацию в отношении лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, а с другой — проявления принципиальности в неотвратимости наказания и даже некоторой жесткости в отношении лиц, виновных в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, противодействующих восстановлению социальной справедливости¹.

В последнем случае особое место занимают организованные формы преступности, доказывание которых усложнено постоянным новаторством. Частые изменения и дополнения в уголовное законодательство, расширяющие или сужающие формы и виды соучастия, размывают существенные признаки тех или иных форм организованной преступности, что отрицательно сказывается на эффективности работы органов расследования, прокуратуры и суда по доказыванию преступлений данной категории. Не решает этой проблемы и специальная литература, поскольку асимметрия теоретического и законотворческого процессов закономерно приводит к отсутствию единого мнения о понятии и существенных признаках организованных форм преступности.

В связи с этим Концепция уголовной политики должна быть направлена на усиление уголовной ответственности за преступления, совершенные в составе организованной преступной группы или преступного сообщества.

¹ Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858_ (дата обращения: 10.04.2022).

Для дальнейшего повышения конкурентоспособности национальной правовой системы Концепция предлагает продолжить работу по систематизации действующего законодательства, дальнейшей консолидации в разрезе отраслей права; освобождению его от устаревших и дублирующих норм, восполнению пробелов в правовом регулировании, устранению внутренних противоречий в действующем праве; минимизации отсылочных норм в законах и расширению практики принятия законов прямого действия в рамках вопросов, по которым в соответствии с Конституцией могут приниматься законодательные акты.

Вопросам уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристик организованной преступности посвящено множество работ, однако в свете последних изменений, внесенных в 2014 г. в ст. 31 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Уголовная ответственность за уголовные правонарушения, совершенные группой», возникает необходимость в новых подходах к изучению и пониманию организованной преступности. Законодателем кардинально пересмотрен подход к определению так называемых сложных форм соучастия, которые вошли в качестве отдельных видов в структуру общей, единой формы соучастия под названием «преступная группа». Под преступной группой согласно части 3 ст. 31 Уголовного кодекса Республики Казахстан следует понимать организованную группу, преступную организацию, преступное сообщество, транснациональную организованную группу, транснациональную преступную организацию, транснациональное преступное сообщество, террористическую группу, экстремистскую группу, банду и незаконное военизированное формирование.

Претерпели определенные изменения такие виды преступной группы (ранее самостоятельных форм соучастия), как преступное сообщество и преступная организация [1, с. 355].

Анализ судебно-следственной практики показывает, что проблема квалификации деяния и персонификации ответственности каждого участника преступной группы на сегодняшний день является острой по причине сходства формы соучастия преступной организации и организованной группы.

В связи с этим актуализируется доктринальная интерпретация понятия преступной организации, содержания ее признаков, отграничивается последняя от организованной группы ввиду их общих признаков, что приводит к путанице при определении вида преступной группы, искажению статистических данных и влияет на квалификацию деяний участников преступной группы.

Легальное понятие преступной организации закреплено в п. 25 ст. 3 УК Республики Казахстан, из содержания которой следует, что преступная организация является самостоятельной частью соучастия и представляет собой организованную группу, участники которой распределены организационным путем по функциональному назначению и (или) территориальной обособленности по группам (структурным подразделениям).

При анализе данного понятия преступной организации выделяются ее базовые признаки:

- 1) организованная группа лиц;
- 2) распределение функций по критериям.

Нетрудно заметить, что в основе преступной организации лежит организованная группа с характерными признаками.

Понятие организованной группы содержится также в п. 36 ст. 3 УК Республики Казахстан: устойчивая группа двух и более лиц, заранее объединившихся в целях совершения одного или нескольких правонарушений. Соответственно ее признаками будут являться устойчивость, количественный состав более двух членов, цель.

Поскольку законодателем и преступная организация, и организованная группа воспринимаются как виды соучастия под общим названием «преступная группа», то перечисленные выше признаки не могут быть определяющими или разграничивающими при квалификации преступных действий, поскольку принадлежат обоим подвидам.

Возможно, поэтому многие ученые-процессуалисты обоснованно аргументируют факт слияния признаков, характеризующих преступную организацию, с признаками организованной группы. Например, К. З. Токубаев подчеркивает, что в основе преступной организации лежит организованная группа. Кроме того, он указал на размытость и неточность ее признаков, а также тот факт, что долгое время организованную группу рассматривали как наивысшую форму групповой преступности [2, с. 24].

Какой же признак должен разграничить преступную организацию и организованную группу? Обратимся к основным нормативно-правовым актам. В нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие уголовные правонарушения, совершенные в соучастии»² и комментариях к УК Республики Казахстан

² О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие уголовные правонарушения, совершенные в соучастии : нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 г. № 2. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P01000002S_/info (дата обращения: 10.04.2022).

под редакцией И. Ш. Борчасивили отмечено, что преступная группа отличается от группы лиц по предварительному сговору более высокой степенью организованности и устойчивости [1, с. 358]. Что именно подразумевает законодатель под высокой организованностью и устойчивостью — в данных источниках не раскрыто.

Ранее законодателем Республика Казахстан, а также в литературе специфическими признаками преступной группы по сравнению с группой лиц по предварительному сговору отмечались такие критерии, как устойчивость и сплоченность. Однако, по мнению некоторых ученых, эти признаки не выполняли роли оценочных признаков при отправлении правосудия, так как их границы размыты и недостаточно обоснованы, а также присущи обоим видам преступной группы. Такое положение отрицательно сказывалось на результатах борьбы с преступностью [3, с. 24].

Что же следует понимать под «устойчивый» и «организованный»? Из словарей следует, что устойчивым называют объект, который способен сохранять свои функциональные качества при неблагоприятном влиянии внешней среды или положение дел, которые в течение длительного времени остаются постоянными, не изменяются. В нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 г. № 2 перечислены признаки устойчивости: наличие руководителя (руководителей) и подчиненность ему (им) других членов, осознание другими участниками своего членства в ней, наличие определенной иерархии и общих материальных и финансовых средств, соблюдение установленных в преступной группе правил (дисциплины) и т. п.

В теории уголовного права размытость и отсутствие четких критериев понятия устойчивости привели к расширенному толкованию данного понятия. Так, по мнению А. П. Чиркова, отличительными признаками организованной группы являются сплоченность и целевая направленность — совершение тяжких и особо тяжких преступлений [4, с. 30].

По мнению Н. П. Водько, если организованная группа создана для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, она может быть признана преступным сообществом [5, с. 23].

Ряд исследователей солидарно полагают, что преступная организация отличается от организованной группы лишь более высокой степенью организации и нацеленностью на совершение тяжких или особо тяжких преступлений [6, с. 60].

Мы видим, что и в литературе отсутствуют понятия «высокая организованность» и «устойчивость».

Нам импонирует позиция М. Абисатова, который под устойчивостью преступной организации понимает способность криминальной структуры не только оказывать сопротивление внешнему воздействию, но восстанавливаться и продолжать преступную деятельность [7, с. 175]. Представляется, что такой вывод полностью совпадает со значением понятия устойчивости, приведенным в словарях. Поэтому при разборе структуры преступной организации, которая представляет собой структурное подразделение организованных групп, объединенных по организационному, функциональному и территориальному критерию, следует отметить, что наличие данной структуры не может отличать преступную организацию от организованной группы, поскольку последняя по своей внутренней структуре предполагает аналогичные функции.

Из анализа первого функционального критерия структурности преступной организации следует, что данный признак должен быть базовым и представляет собой распределение по степени значимости, организованной роли (организаторы, руководители, исполнители) и статусу (криминальному авторитету).

Вместе с тем не только уголовный закон, но и нормативное постановление Республики Казахстан «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие уголовные правонарушения, совершенные в соучастии» содержат двойное толкование признака высокой степени организованности и устойчивости.

Так, в пункте 11 указывается: «Преступная группа отличается от группы лиц по предварительному сговору более высокой организованностью и устойчивостью. Ее признаками, в частности, могут являться: наличие руководителя (руководителей) и подчиненность ему (им) других членов, осознание другими участниками своего членства в ней, наличие определенной иерархии и общих материальных и финансовых средств, соблюдение установленных в преступной группе правил (дисциплины) и т. п.».

В то же время в пункте 13 говорится, что «банда или другая преступная группа может существовать и без руководителя. К таковым следует отнести случаи, когда участники малочисленной организованной преступной группы или банды, не выделяя из своей среды лидера, решают вопросы преступной деятельности сообща и выступают, как правило, соисполнителями совершаемых ими уголовных правонарушений».

Иными словами, в первом случае качественной характеристикой признака высокой организованности и устойчивости выступает нали-

чие руководителя и подчиненность ему других участников преступной группы, в то время как во второй ситуации наличие руководителя уже не является существенным признаком понятия «банды» или другой преступной группы.

По этой причине считаем необходимым закрепить в качестве разграничивающего признака между преступной организацией и организованной группой обязательное наличие организатора (руководителя), являющегося неотъемлемым элементом признака высокой организованности и устойчивости. Такой подход обусловлен самой иерархической структурой преступной организации, особенно при наличии разветвленной сети с разной географией деятельности, требующей некоего координационного центра.

Список источников

1. *Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан / под ред. И. Ш. Борчашвили. Нурсултан, 2021.*

2. *Токубаев К. З. Международное сотрудничество органов внутренних дел Республики Казахстан в борьбе с организованной преступностью: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Караганда, 2015.*

3. *Сучков Ю. И., Фалеев В. И. Проблемы понятий и квалификации преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) по российскому уголовному законодательству // Организованная преступность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. Калининград, 1999.*

4. *Чирков А. П. Некоторые вопросы ответственности за организацию преступного сообщества // Организованная преступность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. Калининград, 1999.*

5. *Водько Н. П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью : науч.-практическое пособие. М., 2000.*

6. *Яровой А. А. О соотношении понятий «организованная преступная группа» и «преступное сообщество»: проблемы применения нового уголовного законодательства. Краснодар, 1997.*

7. *Абисатов М. Организованная преступность в Казахстане: современное состояние, тенденции развития, проблемные вопросы, пути их решения. Алматы, 2006.*

О. С. Зиберова

Перспективы информационных технологий органов внутренних дел

В последние годы общество стремительно меняется, ускоряются информационные процессы, развиваются телекоммуникационные системы, позволяющие использовать информацию не только как средство связи и источник сведений, но и как инструмент и механизм совершения преступной деятельности. Информация, информационные технологии вошли во все сферы общества, включая деятельность органов внутренних дел, они активно развиваются и совершенствуются, позволяя подняться на новый уровень борьбы с преступностью. Реализуется концепция цифровой трансформации¹.

В сфере противодействия преступности информационные технологии также имеют особое значение. Об этом свидетельствует официальная статистика, согласно которой в 2021 г. число преступлений в сфере общеуголовной преступности динамично снижается на фоне стремительного роста преступлений, совершаемых с использованием телекоммуникационных систем. В частности, почти на 8% увеличилось число тяжких и особо тяжких преступлений данной категории, стремительно растет число мошенничеств на фоне развития телекоммуникационных сервисов, сервисов онлайн-банкингов, дистанционных форм сделок по имуществу. В целом отмечается значительный рост числа преступлений, которые совершаются посредством телекоммуникационных систем в сфере заведомо ложных сообщений об актах терроризма, публичных оправданий терроризма. Большой всплеск (более чем на 50%) отмечается в сфере неправомерного доступа к компьютерной информации. Защита информации сейчас стоит особой проблемой во всех сферах общества, в деятельности органов внутренних дел в том числе [1, с. 2–4, 30–32].

Информационные технологии — это упорядоченная система средств, а также методик и методов, целью которых выступают анализ, синтез, накопление, обработка, а также последующее использование информации, в том числе в рамках составления аналитических прогнозов. В деятельности органов внутренних дел информационные технологии занимают сегодня базовое положение, которые не только обеспечивают информа-

¹ Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2021–2023 гг.: распоряжение МВД России от 29 декабря 2020 г. № 1/15065. URL: https://rulaws.ru/acts/Rasporyazhenie-MVD-Rossii-ot-29.12.2020-N-1_15065/ (дата обращения: 10.04.2022).

ционную поддержку деятельности служб и подразделений, но способствуют анализу оперативной информации, являются средствами связи, в том числе по конфиденциальным каналам, позволяют накапливать и систематизировать информацию в оперативно-служебных целях.

Значение информационного обеспечения в деятельности органов внутренних дел предопределяются в первую очередь потенциалом, который позволяет использовать необходимые сведения в целях повышения эффективности противодействия преступности в целом.

Обозначим основные направления и перспективы развития информационных технологий в части противодействия преступности:

- совершенствование анализа состояния компьютерной техники и программного обеспечения в целях выявления потенциальных угроз и хакерских атак;

- инициирование разработки мобильного приложения «Полиция» которое позволило бы мобильно и интерактивно получать сведения от граждан, доводить до населения необходимую информацию о состоянии оперативной обстановки;

- интенсивное развитие робототехники в целях повышения уровня безопасности в публичных местах, а также населенных пунктах (станционные роботизированные установки и летательные аппараты-дроны). В странах Запада роботы активно используются полицией в части обеспечения общественного порядка и поддержания общественной безопасности, а также при несении службы в нарядах в виде патрулирования улиц. Например, в 2023 г. в Дубае планируется открытие полностью роботизированного полицейского участка [2, с. 70–75];

- интегрирование умных систем видеонаблюдения в целях противодействия преступности, документирования совершения преступлений и правонарушений. Так, на сегодняшний день более 70% преступлений, которые совершаются в Москве, раскрываются благодаря сведениям, полученным из камер видеонаблюдения [3]. Система «Безопасный город» активно развивается во многих городах России, но вместе с тем ее возможности не используются в полной мере, скорость передачи информации от операторов «Безопасного города» до отделов полиции может занимать достаточно длительное время, что во многом связано с низким качеством технического обеспечения;

- развитие систем искусственного интеллекта в целях увеличения возможностей обработки «больших данных», которые представляют сейчас одну из основных проблем в деятельности любой государственной структуры;

— развитие компьютерных технологий с интегрированными системами мониторинга криминогенной обстановки. Подобные технологии во многих странах давно перестали быть новинкой. Так, в Великобритании и США внедрена система прогнозирования совершения преступлений и правонарушений — «NDAS» («Национальное решение анализа данных»), основанная на оценке текущего состояния оперативной обстановки онлайн, а также с учетом накопленной статистики. Система способна спрогнозировать вероятность возникновения беспорядков и правонарушений и предложить оптимальное решение по их профилактике (оптимизировать распределение сил и средств полиции);

— развитие полицейских чат-ботов — голосовых помощников. Такая система успешно применяется во многих сферах современной жизни, особенно при передаче и запросе данных с помощью мобильной связи и мессенджеров. Усовершенствованные полицейские чат-боты могут вывести на новый уровень работу полиции по противодействию преступности, поднять правовую грамотность граждан, разгрузить полицию от звонков, не связанных с преступлениями и правонарушениями;

— общетехнологическое совершенствование информационных технологий органов внутренних дел — повышение уровня технической обеспеченности деятельности правоохранительных органов.

Перспективы развития информационных технологий по противодействию преступности в органах внутренних дел многогранны и определяются не только потребностями стражей правопорядка, но и реалиями общества.

Список источников

1. *Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года.* М., 2022.

2. *Кокоркин В. М. Внедрение искусственного интеллекта и роботизация в деятельности полиции // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке : сб. мат-ов Всерос. науч.-теор. конф. курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей / под ред. К. А. Плясова. Ростов н/Д, 2018.*

3. *Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности : годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2019 год.* М., 2020.

Формирование положительного имиджа сотрудников органов предварительного расследования

Практическая значимость формирования имиджа сотрудников органов предварительного расследования МВД России определяется ведущей ролью следователей (дознавателей) в системе органов внутренних дел, формированием официальной статистики полиции. Именно этим сотрудникам отводится роль, связанная с расследованием уголовных дел, установлением истины по ним. Можно смело утверждать, что именно сотрудники органов предварительного расследования обеспечивают результативность работы правоохранительной системы в целом, устанавливая истину по уголовным делам и доказывая вину преступников.

Вместе с тем деятельность органов предварительного расследования МВД России представляет собой достаточно закрытую сферу для основной массы населения. Лишь небольшое количество граждан непосредственно сталкивается с сотрудниками органов предварительного расследования лично. Остальная же часть населения, не имеющая возможности составить представление о деятельности следователей (дознавателей), формирует его через средства массовой информации, а также телекоммуникационные каналы (кино, телевидение, социальные сети и т. д.). Именно средствам массовой информации отводится основная роль в возможностях влияния на умы населения, в том числе в создании имиджевых характеристик сотрудников органов внутренних дел в целом, а следователей (дознавателей) — в частности.

Вместе с тем средства массовой информации могут не только выступать транслятором позиции телевизионных маркетологов и таргетологов, рекламодателей, но также могут быть мощным рычагом в деятельности органов внутренних дел при решении оперативно-служебных задач. В частности, при расследовании уголовных дел по «горячим следам», при поиске новых свидетелей, очевидцев, следов преступной деятельности, при розыске без вести пропавших и т. д.

Такое положение вещей необходимо менять. Как показывает статистика, сотрудники органов предварительного расследования МВД России имеют одни из самых низких показателей в уровне доверия населения — не более 50%. Необходимо выработать алгоритм взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой информации в части освещения громких и многоэпизодных уголовных дел, получивших большой общественный резонанс и нуждающихся в освещении в средствах массовой информации с обязательным указанием роли следователя (дознавателя).

Это будет существенным образом влиять на формирование положительного имиджа, так как граждане не имеют возможности контактировать с сотрудниками органов предварительного расследования МВД России так часто, как с представителями других служб и подразделений, в то время как именно следователи (дознаватели) должны устанавливать психологический контакт с гражданами на этапе проведения отдельных следственных действий и принципиально важно, чтобы граждане относились к ним максимально доверительно, уважительно.

Можно обозначить имидж сотрудников органов предварительного расследования МВД России как необходимую и практически обоснованную систему личностных и профессиональных качеств сотрудников органов предварительного расследования МВД России.

Нельзя не согласиться с мнением Е. В. Колесниковой [1, с. 124], которая обозначила, что основой положительного имиджа лица или подразделения его выступает авторитет. Необходимо формировать авторитет сотрудников органов предварительного расследования МВД России, которые будут носить персонифицированный характер и станут основой имиджевой политики [2, с. 4].

Авторитет сотрудников органов предварительного расследования включает ряд аспектов, как внутренних, так и внешних. К внутренним можно отнести профессиональные качества, личностные характеристики, моральные качества, способности; к внешним — внешний вид сотрудника, особенности коммуникации с гражданами, публичные проявления в социальных сетях и других открытых площадках.

Сотрудников органов предварительного расследования необходимо обучать алгоритму формирования положительного профессионального имиджа как необходимой составляющей профессии. Обозначим основные пути формирования положительного имиджа сотрудников органов предварительного расследования: разработка сценариев видеосюжетов, а также материалов для печатных и цифровых СМИ об успешном расследовании уголовных дел, имеющих большой общественный резонанс, в которых наиболее выгодно будет демонстрироваться роль следователя (дознавателя); инициирование личных интервью со следователями (дознавателями) для различных СМИ, в которых не только будет показана роль и значимость профессии, но также демонстрироваться и личностные качества сотрудника органов предварительного расследования; организация брифингов и пресс-конференции о результатах профессиональной деятельности следователей по раскрытию и расследованию сложных и многоэпизодных уголовных дел; разработка социальных

и общественных проектов, а также волонтерских движений по инициативе следственных подразделений, целью которых выступает профилактика преступлений (видеоролики, видеосюжеты, подкасты, печатные материалы, конкурсы детских рисунков, юридические олимпиады и т. д.); активное использование возможностей средств массовой информации по розыску преступников, установлению свидетелей, следов преступной деятельности по инициативе органов предварительного расследования; своевременная подготовка опровержений и официальных разъяснений по негативным материалам, затрагивающим облик сотрудников органов предварительного расследования, которые в том числе могут появляться как информационные вбросы, направленные на дискриминацию их профессионального имиджа.

Процесс формирования положительного имиджа сотрудников органов предварительного расследования МВД России имеет важное значение для укрепления профессионального престижа следователей (дознавателей) и авторитета службы в органах внутренних дел в целом.

Список источников

1. Колесникова Е. В. Формирование авторитета современного полицейского как перспектива создания и поддержания его положительного образа // Философия права. 2018. № 1(84).
2. Мусатова С. А. Феномен образа полицейского в социальных представлениях жителей мегаполиса : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2014.

А. А. Кузнецов, А. Р. Жайтуменова

Условия проведения предварительной проверки материала по факту мелкого хищения в форме кражи, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в УК РФ и УПК РФ внесены изменения. Вследствие нововведения преюдициальный акт выступает одним из условий наступления уголовной ответственности за совершение повторного мелкого хищения. Для применения мер уголовно-правового воздействия требуется наличие ранее (в течение одного года) совершенного административного правонарушения, предусмотренного

ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. В данном случае преюдициальный акт — это постановление, вынесенное судьей о привлечении лица к административной ответственности за мелкое хищение, к которому в дальнейшем (при наличии условий) будет обращаться дознаватель, расследующий уголовное дело по признакам состава преступления, содержащимся в ст. 158¹ УК РФ. Законодателем предусмотрено, что он (акт) не должен проверяться вновь.

Согласно статистическим данным, большая часть всех совершенных уголовно наказуемых деяний в России приходится на корыстные преступления. Из них больше половины — это кражи. Такая тенденция обусловлена социально-экономической обстановкой в стране, тяжелым финансовым положением граждан, что толкает правонарушителей на совершение краж.

Практически вся работа по сбору и проверке материала по факту мелкого хищения в форме кражи возлагается на участкового уполномоченного полиции. Объем информации, необходимой для принятия решения о возбуждении уголовного дела, обеспечивается процессуальными условиями проведения предварительной проверки. С учетом обстоятельств, подлежащих доказыванию, предлагается определенная последовательность действий участкового уполномоченного полиции (далее — УУП) (дознавателя).

1. Проведение проверки при наличии поводов к возбуждению уголовного дела. Изученная нами практика позволяет констатировать, что часто поводом для возбуждения уголовного дела служит заявление о преступлении. Если преступление совершено на объектах торговли, то пострадавшим фактически является юридическое лицо, в качестве его представителя может быть назначено физическое лицо. В данном случае представитель и выступает в качестве потерпевшей стороны.

2. Проведение предварительной проверки исключительно для уточнения основания к возбуждению уголовного дела или к отказу в таковом. Рекомендуем вопросы, подлежащие рассмотрению дознавателем на этапе предварительной проверки сообщения о мелком хищении:

а) усматривается ли в деянии состав преступления, если да, то по какой статье УК РФ оно будет квалифицировано;

б) являются ли сообщенные сведения достоверными, а события и факты, изложенные в заявлении (сообщении), реально имевшими место;

в) возможно ли использовать существующие сведения для формулирования выводов о каких-либо признаках (отсутствии признаков) состава преступления;

г) не содержит ли заявление (сообщение) данных о деянии, в силу малозначительности не представляющем общественной опасности;

д) является ли имеющаяся в распоряжении органа дознания совокупность сведений достаточной для принятия какого-либо решения, предусмотренного ст. 145 УПК РФ;

е) выяснены ли в ходе рассмотрения заявления обстоятельства, исключающие возбуждение уголовного дела, согласно ст. 24 УПК РФ.

Если дознаватель придерживается указанного перечня вопросов, то результативность проверки возрастает многократно.

3. Проведение предварительной проверки субъектами, правомочными разрешать вопрос о возбуждении уголовного дела. По результатам исследования установлено, что материал предварительной проверки поступает к УУП для принятия решения. Сложившаяся практика существенно снижает нагрузку на дознавателя, так как именно данное должностное лицо в итоге принимает фактическое решение по материалам предварительной проверки. При этом существенно возрастает нагрузка у УУП. Анализ практики показывает, что УУП не все подготовлены для принятия решений о последовательности сбора материалов по фактам мелкого хищения и их объеме. В результате материал предварительной проверки часто имеет существенные недостатки, на устранение которых затрачивается дополнительное время.

4. Недопустимость проведения предварительной проверки с помощью следственных действий, кроме разрешенных законом. Учитывая специфику рассматриваемого нами состава преступления, а также данные практики, назовем наиболее распространенные действия при рассмотрении сообщения о мелком хищении: получение объяснения; сбор образцов для сравнительного исследования; истребование документов и предметов; производство осмотра места происшествия, документов, предметов.

5. Проведение предварительной проверки в сроки, установленные уголовно-процессуальным законом.

6. Проверка наличия у лица административного наказания. Если дознаватель усматривает признаки мелкого хищения, то необходимо подтвердить тот факт, что данное деяние является уголовно наказуемым, а не административным. Изучение практики показало, что часто к материалу предварительной проверки прилагаются документы, свидетельствующие о факте наложения административного взыскания: справка проверки по учетам, копия постановления о наложении административного наказания (в 45% случаев), а иногда и полностью материал о предыдущем противоправном проступке (в 55% случаев).

7. Проверка основания для проведения дознания по правонарушению, квалифицированному по ст. 158¹ УК РФ, в сокращенной форме. Для выполнения поставленной задачи УУП необходимо выяснить мнение у субъектов предварительной проверки относительно особого производства по делу (возражают они либо согласны). Данное обстоятельство может быть установлено в ходе получения объяснения от этих лиц. Необходимо также по данному вопросу выяснить мнение потерпевшего и зафиксировать его позицию в протоколе объяснения.

Кроме того, должностное лицо должно проверить, имеют ли место обстоятельства, при которых производство дознания в сокращенной форме не может быть осуществлено (ст. 226² УПК РФ). Например, возраст подозреваемого не достиг 18 лет; имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ); подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства (гл. 52 УПК РФ); подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство; лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, и хотя бы одно из них не относится к преступлениям, подлежащим дознанию (п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ). Все указанные обстоятельства, кроме последнего, могут найти фиксацию в протоколе объяснения. Как показало проведенное нами исследование, данные вопросы не всегда выясняются на этапе рассмотрения сообщения о преступлении.

Можно заключить, что составы преступлений с преюдицией выступают своеобразным ограждением от уголовного наказания. Если, единожды оступившись, лицо оценит противоправный характер своих действий и откажется их совершать впредь под угрозой уголовного наказания, то превентивная цель достигнута. В противном случае его ожидают меры уголовно-правового воздействия (при повторном совершении деяния).

Предлагаемые условия проведения предварительной проверки будут способствовать эффективному сбору материала для принятия обоснованного процессуального решения по существу дела.

А. Н. Толочко

Матричные методы в теории и практике борьбы с преступностью

Важным условием совершенствования теории и практики борьбы с преступностью является развитие соответствующей методологической базы, применение методов, способствующих повышению эффективности теоретических исследований и практических разработок, связанных с решением вопросов предотвращения и раскрытия преступлений.

В последние годы в теории и практике борьбы с преступностью все большее внимание уделяется применению матричных методологических подходов. Как следует из названия этих подходов, их содержательная сущность связана с понятием «матрица». Известны два таких подхода, которые, несмотря на сходство названия, весьма отличаются друг от друга. Причем различия проявляются как в их сущностном характере, так и в том смысле, который вкладывается в понятие «матрица» применительно к каждому из них.

Один из рассматриваемых подходов — метод матрицирования. Он применяется в криминалистике при расследовании преступлений. В его основе лежит составление матрицы, под которой понимается совокупность систематизированных сведений (фактов, параметров, закономерностей), представляющих собой отражение (схему) должного состояния (структуры, характера поведения) какого-либо исследуемого объекта, при условии, что он нормативно урегулирован. Составленная матрица используется следователем в качестве инструмента организации его работы, а именно: принятая в качестве шаблона, она сравнивается со сведениями о реальном состоянии исследуемого объекта. В ходе такого сравнения следователь может выявить элементы состояния объекта, не соответствующие типовой схеме (элементы с измененными характеристиками, отсутствующие либо не предусмотренные типовой схемой) [1; 2; 3]. На основании результатов сравнения следователь может сделать выводы о том, какие из установленных в ходе расследования фактов нуждаются в проверке (доработке), какие можно исключить из дальнейшего рассмотрения, а какие, наоборот, следует искать, собирать.

Систему фактов, описывающих реальное состояние исследуемого объекта, называют фактологической матрицей, она отражает действия каких-либо лиц при совершении преступления. Ей противопоставляется система правовых данных, т. е. правовая матрица, показывающая, как должны были бы действовать эти лица в правовом поле. На основании

сопоставления этих двух матриц применяется соответствующее правовое решение, которое завершается процессом доказывания [4].

Метод матрицирования способствует приобретению знаний, нужных для расследования преступления, проведения следственных действий, судебных экспертиз, профилактики преступлений [1; 3]. Обычно его применяют при расследовании должностных преступлений. При этом в качестве исследуемых объектов рассматривают деятельность должностных лиц (учреждений, предприятий). С его помощью расследуют и иные виды преступлений, в том числе убийства [3].

Другой из рассматриваемых подходов — матричный метод [5; 6]. Он служит для исследования связей между разными научными дисциплинами или практиками в целях развития (совершенствования) определенной дисциплины или практики за счет заимствования фрагментов содержания других дисциплин или практик. Первоначально он был разработан применительно к междисциплинарным (МД) и межпрактическим (МП) связям теории и практики оперативно-розыскной деятельности (ОРД), но его можно применять для исследования МД и МП связей и других видов научных дисциплин или практик.

Применительно к ОРД МД и МП связи выражаются в наличии подобных по содержательной сущности элементов знаний (научных положений, методик научных исследований, научных данных и т. п.), в теории ОРД и у других научных дисциплин уголовно-правового цикла или элементов практической деятельности (методик и средств осуществления этой деятельности, параметров, характеризующих эту деятельность, и т. п.), в практике ОРД и в других практиках в сфере борьбы с преступностью. В основе матричного метода лежит составление так называемой матрицы связей, которая в формальном отношении представляет собой широко распространенную в математике систему элементов (чисел) в виде набора строк и столбцов, расположенных в рамках таблицы.

С помощью матриц связей можно определять количественные (числовые) характеристики МД и МП связей, проявляющиеся на разных уровнях иерархической структуры научных дисциплин или практик: на уровне отдельных элементов их содержания, на уровне их тематических разделов или на уровне научных дисциплин и практик в целом.

Поясним порядок составления матрицы связей применительно к МД связям теории ОРД, проявляющимся на уровне тематических разделов. Строками матрицы являются пронумерованные разделы теории ОРД, а столбцами — пронумерованные разделы какой-либо уголовно-правовой дисциплины, фрагменты содержания которой заимствуются

теорией ОРД. На пересечениях строк и столбцов матрицы, соответствующих наличию связей на уровне разделов, проставляются метки (например, в форме крестиков), указывающие на наличие связей между разделами. Если же матрица составляется на уровне элементов содержания в составе разделов, то на пересечениях строк и столбцов матрицы, соответствующих наличию связей на уровне разделов, ставятся не метки, а числа, указывающие количество связей на уровне элементов содержания в составе разделов.

Применительно к теории ОРД с помощью матриц можно определять следующие количественные характеристики МД связей: 1) частота использования содержания других дисциплин теорией ОРД, или содержания разделов других дисциплин данным разделом теории ОРД, или элементов содержания в составе разных разделов других дисциплин разделами теории ОРД; 2) частота обращения теории ОРД к содержанию другой дисциплины, или к содержанию разных разделов других дисциплин, или к элементам содержания разных разделов других дисциплин.

Использование количественного матричного метода в сочетании с традиционными качественными методами исследований МД и МП связей обеспечивает значительное повышение результативности исследований благодаря достижению комплементарного эффекта.

Таким образом, рассмотренные матричные подходы вносят (каждый по-своему) существенный вклад в развитие методологической базы теории и практики борьбы с преступностью.

Список источников

1. Дулов А. В., Гучок А. Е. Применение метода матрицирования в судебной экспертизе // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 1998. Вып. 13.
2. Лазовский Д. Н. Отдельные вопросы применения метода криминалистического матрицирования при расследовании преступлений // Общество и право. 2013. № 4.
3. Лапиков Д. В., Ивахов П. П. Теоретические и практические аспекты применения метода криминалистического матрицирования при расследовании убийств // Общество и право. 2008. № 1.
4. Криминалистика : учебник для магистратуры / И. В. Александров [и др.]. М., 2014.
5. Толочко А. Н. Количественные исследования в юридических науках // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3.

6. Толочко А. Н. Матричный анализ междисциплинарных связей теории оперативно-розыскной деятельности с криминологией и уголовным процессом // Судебная экспертиза Беларуси. 2021. № 1.

О. Ю. Филиппов

Организация обучения сотрудников полиции основам применения огнестрельного оружия в условиях неопределенности порядка и оснований его применения

31 марта 2022 г. в МВД России подготовлен обзор практики применения сотрудниками органов внутренних дел физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении оперативно-служебных задач.

По данным представленного анализа, по сравнению с 2020 г. произошло достаточно большое в совокупности увеличение количества случаев применения названных мер непосредственного принуждения с 148 091 до 181 558 (на 22,6%), что показывает высокий уровень противодействия требованиям сотрудников полиции.

Несмотря на такое увеличение, доля случаев применения огнестрельного оружия составляет лишь 0,7%, т. е. 1243 случая по всей стране (сокращение по сравнению с 2020 г. на 23%.) При этом 493 факта применения связано с остановкой транспортного средства (44,8%) и производством предупредительного выстрела — 350 случаев (38,1%). Менее 17% случаев применения огнестрельного оружия связано с производством выстрела в отношении человека.

На первый взгляд, ситуация видится положительной, налицо реализация такого принципа применения полицейской силы, когда оружие представляет собой последний довод сотрудника полиции и должно применяться в исключительных случаях. Вместе с тем имеются и другие аспекты.

Как показали результаты проведенного отдельными учеными исследования, большинство сотрудников полиции просто избегают применять табельное оружие, тем более — по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О полиции».

Причины такого поведения сотрудников полиции многообразны. Мотивами неприменения огнестрельного оружия сотрудниками полиции являются: неуверенность в наличии законного основания для его применения в конкретной жизненной ситуации — 32,6% опрошенных; неуверенность в последующей правильной социально-правовой оценке

действий, связанных с вынужденным причинением вреда, в том числе с помощью оружия — 41,3% опрошенных. С. Милюков и А. Никуленко выделяют еще одну причину — низкую правовую компетентность в понимании норм о необходимой обороне и задержании преступника [1, с. 41]. Причем в числе предпочитающих не применять табельное оружие, даже в случаях, когда этого требует реальная необходимость, более 70% составляют достаточно опытные сотрудники (стаж службы более 5 лет).

Неуверенность и низкая правовая компетенция сотрудников полиции, на мой взгляд, связана с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, при всей детальной урегулированности остается нелогичность, противоречивость и неясность замысла законодателя при формулировании некоторых оснований и действий сотрудников полиции в отдельных ситуациях, связанных с применением оружия.

Так, вызывает определенную проблему применение оружия для задержания лица, отказывающегося выполнить законное требование о сдаче находящихся при нем оружия и боеприпасов, не представляющих непосредственную опасность. Вызывает сомнение и правомерность применения оружия для пресечения попытки завладения транспортными средствами, состоящими на обеспечении полиции, вследствие неопределенности понятия «попытка завладения транспортным средством» [2, с. 74].

Неясны порядок и средства достижения поставленной цели при применении оружия в отношении беспилотных летательных аппаратов, незаконно находящихся в воздушном пространстве, вследствие отсутствия на вооружении полиции эффективных средств вооружения [3, с. 325].

Негативное отношение высказывалось и в отношении запрета на применение огнестрельного оружия в местах со значительным скоплением граждан в условиях непосредственной угрозы жизни и здоровью сотрудника полиции [4, с. 45].

Широкое усмотрение, по мнению отдельных авторов, имеют термины «характер и степень опасности», а также «характер и сила оказываемого сопротивления», которые являются определяющими при принятии решения о минимизации ущерба при применении оружия [5, с. 53].

Неоднозначно понимается и предупреждение о производстве предупредительного выстрела.

И наконец, имеются двойные стандарты при установлении порядка и оснований применения оружия сотрудниками различных правоохранительных органов [6, с. 158].

Во-вторых, следует отметить еще одну немаловажную проблему — отсутствие в большинстве территориальных органов МВД России штатных инструкторов боевой и физической подготовки, вследствие чего функции по организации и проведению служебных занятий возложены на кадровых работников. Как показывает практика, проведение занятий с личным составом в рамках служебно-боевой подготовки сводится к выполнению упражнений курса стрельб, без уделения должного внимания тактике уличного боя, специфике задержания и т. д. Ставка в процессе обучения делается на несопротивляющегося противника, на статичные ситуации и стационарные позы, которые отсутствуют в реальной практике сотрудников полиции.

Изложенное актуализирует необходимость подбора средств и методов организации процесса обучения сотрудников ОВД, соответствующих условиям их служебно-профессиональной деятельности.

Как показало исследование отдельных ученых, практика проведения занятий по огневой подготовке, как правило, исходит из статичных ситуаций и схематичных приемов, что не отвечает требованиям времени. Обучение технике выполнения конкретного упражнения и обучение стрельбе при выполнении оперативно-служебного задания очень отличаются [7, с. 56].

В первом случае сотрудник нарабатывает навык и ставит правильную технику в соответствии с условиями упражнения, а в другом — он должен выбрать тот или иной вариант стрельбы в зависимости от сложившейся оперативной обстановки. Применение оружия при возникновении экстремальных ситуаций, связанных со стрельбой на поражение, требует быстрой оценки и принятия решения нередко с ведением огня в изгойтовке, существенно отличающейся от учебной стрельбы. В отдельных случаях оружие применяется в ночное время, в условиях непогоды, плохой видимости и в состоянии высокой эмоциональной напряженности.

В связи с этим обеспечить адекватную реакцию сотрудника полиции на происходящее позволяет профессиональная рефлексия, основанная на сформированных профессиональных компетенциях, проявляемых в соответствии с нормами правового законодательства [7, с. 56].

Развитие профессиональной рефлексии должно происходить на протяжении всего периода профессиональной подготовки сотрудника полиции. Чем разнообразнее методы, применяемые в процессе обучения, тем шире возможности приспособления обучаемых к реальной обстановке.

Одним из наиболее продуктивных методов подготовки сотрудников является метод решения ситуативных задач, максимально приближенных

к типовым ситуациям оперативно-служебной деятельности и основанных на базовых дидактических принципах обучения — последовательности и систематичности, активности, доступности, наглядности [1, с. 41].

В моделировании ситуации показателен опыт Омской академии МВД России, описанный в 2015 году [8]. В пособии представлены типовые ситуации применения огнестрельного оружия в процессе оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции, административно-правовые основы действий сотрудников полиции с табельным оружием при задержании лиц, совершивших преступления, рассматриваются тактические и технические действия сотрудников с табельным оружием, обеспечивающие безопасность при выполнении служебных задач, изложена педагогическая технология подготовки полицейских к действиям с табельным оружием при задержании лиц, совершивших преступления.

Для формирования опыта применения табельного оружия были внедрены в учебный процесс результаты проекта инновационной образовательной программы «Использование технического и имитационного оборудования в процессе тактико-технической подготовки курсантов образовательных учреждений МВД России к эффективному и правомерному применению табельного оружия». Данная программа позволяет отработать технические приемы передвижения с оружием в готовности к стрельбе, стрельбу в движении, безопасное направление оружия, смена магазина в ситуациях применения оружия, оперативное устранение задержек при стрельбе, а также действия с оружием при осмотре мест возможного укрытия преступников, готовность к ведению огня и стрельбу в движении.

Действия с оружием при осмотре мест возможного укрытия преступников отрабатываются посредством:

- подготовки оружия к осмотру зданий (помещений);
- осмотра закрытых пространств за углами, проемами дверей, крупногабаритными предметами, в том числе в составе группы;
- имитации стрельбы в зданиях (помещениях).

Техническое и имитационное оборудование, используемое при проведении занятий в процессе тактико-технической подготовки курсантов, представляет собой так называемую «комнату-трансформер», позволяющую сконфигурировать любое помещение с необходимыми углами и проемами дверей, а также специальных мишеней, выполненных в виде ростовых фигур человека с разными характеристиками.

Большинство занятий данной программы имеет межотраслевой характер, включает элементы правовой, тактической и огневой подготов-

ки, направленной на формирование навыков скоростной стрельбы после передвижения, навыков осмотра закрытого пространства за углами, крупногабаритными предметами, прохождения дверных проемов, а также навыков принятия правомерного решения при применении мер административного принуждения.

Полагаем, данный метод обеспечит формирование у сотрудников ОВД эмоциональной устойчивости как одного из важнейших факторов правомерного применения огнестрельного оружия в различных ситуациях, способствует более прочному закреплению техники и тактики его использования. Обучающиеся смогут приобрести профессиональные навыки, сократится период их адаптации к выполнению функциональных обязанностей, повысится эффективность принимаемых ими решений.

Успех выполнения служебно-профессиональных задач во многом зависит от умений будущего сотрудника полиции анализировать свою деятельность и оценивать ее возможные последствия, управлять своим эмоциональным состоянием, от способности мобилизовать внутренние резервы для решения поставленной задачи, уверенного владения табельным оружием, юридически грамотного и соразмерного его применения в соответствии с выявленными угрозами и от соблюдения законности предпринимаемых действий по отношению к правонарушителям.

Список источников

1. Милюков С., Никуленко А. Силовое противодействие преступному поведению: анализ модернизации нормативной базы // Уголовное право. 2012. № 6.
2. Филиппов О. Ю. Правомерность применения оружия сотрудниками полиции: анализ новых оснований // Административное право и процесс. 2016. № 11.
3. Гусев В. А., Пивоваров Д. В., Филиппов О. Ю. Отдельные аспекты применения полицией огнестрельного оружия в отношении незаконно находящихся в воздушном пространстве беспилотных летательных аппаратов // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4.
4. Клоков Е. А., Филиппов О. Ю. Правовые запреты на применение огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4(62).
5. Кузнецов С. В., Адаховская С. В. К вопросу о порядке применения физической силы, специальных средств сотрудниками полиции // Российский следователь. 2020. № 7.

6. Филиппов О. Ю. О необходимости систематизации законодательства о применении полицейской силы сотрудниками правоохранительных органов // Актуальные проблемы полицейского права : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / пред. редкол. В. А. Гусев. Омск, 2021.

7. Кириченко Ю. Н., Медведев А. В., Барinov А. С. О некоторых проблемах организационно-правовой специфики применения оружия сотрудниками полиции УМВД России по Белгородской области // Российский следователь. 2019. № 10.

8. Лупырь В. Г., Литвин Д. В., Филиппов О. Ю. Подготовка сотрудников полиции к действиям с табельным оружием при задержании лиц, совершивших преступления : учеб-метод. пособие. Омск, 2015.

О. А. Шелег

Некоторые аспекты противодействия терроризму

В современной России проблема обеспечения антитеррористической безопасности стоит особенно остро и актуально. Это проявляется во многих аспектах, и прежде всего в характере и степени общественной опасности преступлений, которые совершают террористы. Даже одно удачно совершенное преступное деяние террористической направленности способно создать существенную угрозу жизни, здоровью, собственности, а также иным важнейшим охраняемым законом интересам человека, гражданина, общества и государства в целом. Данный факт в свою очередь обуславливает необходимость совершенствования имеющихся и создания новых способов противодействия угрозе терроризма, причем на всех уровнях правового и правоприменительного регулирования: от отдельно взятого учреждения с массовым пребыванием граждан, до международного сотрудничества и глобализации.

Личность преступника, совершающего преступления террористической направленности, отличается сложной структурой и наличием большого количества различных типов и подтипов. Конкретный вид, конкретная характеристика личности преступника определяются в зависимости от того, какую роль в иерархии преступной организации как основной организационной формы террористической деятельности играет лицо. При этом чем выше роль данного лица, тем более он образован, благополучен и авторитетен.

На сегодняшний день существует много различных методик определения личности террориста. Каждая из них имеет свои особенности и реа-

лизуется в соответствии со специализированными принципами. При этом основанием для дифференциации часто выступают множественные количественно и качественно выражаемые исходные данные и условия, по которым необходимо осуществлять непосредственное установление личности террориста. Так, в случае необходимости определения террориста по внешнему облику, а также в естественных условиях его жизнедеятельности применяются методики профайлинга, если необходимо установить личность террориста в рамках расследуемого уголовного дела, применяются конкретные следственные действия, разрабатываются и определяют следственные ситуации, а также выдвигаются и отрабатываются соответствующие этим ситуациям версии. Подобная ситуация обуславливает фактическую сложность систематизации процесса установления личности террориста, делает указанный процесс бесполезным, так как многие методики по тем или иным своим признакам пересекаются друг с другом и включают элементы тех или иных смежных методик.

Первоначальной методикой установления личности террориста является метод криминалистической габитоскопии. «Габитоскопией принято называть криминалистическое учение о внешнем облике человека, изучающее методы и средства сбора, анализа и использования в целях раскрытия и расследования преступлений криминалистически значимых данных о внешности человека» [1, с. 75]. «Предметом габитоскопии принято считать свойства внешнего облика человека, его элементы и признаки, а также закономерности их запечатления, собирания, систематизации» [2, с. 2].

Следует отметить, что внешний облик человека часто является кладезем информации о его личности, его намерениях, мотивации, замыслах, особенно преступного характера. Последнее вызвано рядом фактов, однако прежде всего тем фактом, что решение на совершение преступления, в том числе тяжкого или особо тяжкого, к которым относятся террористический акт и связанные с ним иные преступления террористической и экстремистской направленности, всегда накладывают определенный отпечаток на внешний облик человека. Это может проявляться в нескольких аспектах. Так, если человек осознает характер и степень общественной опасности совершаемого или подготавливаемого им преступления, то он в большинстве случаев будет встревожен, взволнован, а также определенным образом обеспокоен, что, несомненно, отразится на внешнем облике (оттенок кожи, потливость, дергание глаза, нервозность в движениях и т. д.). Возможны и обратные ситуации, при которых человек не осознает характер и степень общественной опасности своих

действий. Его внешность отличается излишним спокойствием, в определенном смысле отрешенностью.

Следует отметить, что криминалистическая габитоскопия призвана идентифицировать личность человека по таким признакам, как:

- возраст, пол, антропологический тип и иные общефизические данные;
- внешнее строение туловища, конечностей и головы;
- походка, мимика, осанка и иные функциональные свойства человека.

Возможности криминалистической габитоскопии в раскрытии преступлений террористической направленности раскрываются через призму методов реализации данного направления криминалистической техники.

К методам идентификации личности террориста, помимо криминалистической габитоскопии, можно отнести и криминалистическую фотопортретную экспертизу. Как и любой вид экспертного исследования, данная экспертиза направлена на определение необходимого вектора исследования и ответы на заранее поставленные перед экспертами вопросы. Объектом криминалистического исследования в данном случае выступают изображения лица, сделанные различными средствами (это может быть фотография, портретный снимок, снимок, сделанный, например, мобильным телефоном, и т. д.). В задачи рассматриваемого вида экспертизы также входит составление композиционных портретов по описаниям очевидцев.

Кроме того, особого внимания заслуживает такой метод, как идентификация террориста по чертам лица и термограмме. Прежде всего в данном случае следует отметить метод профайлинга: это совокупность методик, основанных на теории связанности внутреннего настроения, желаний и побуждений человека и его внешне выраженного мимического и иного внешнего поведения. В данном случае речь идет о движениях, жестах, мимических изменениях, улыбке, смехе и иных, даже самых мельчайших аспектах поведения человека, любое изменение которых свидетельствует о наличии у лица тех или иных намерений. Так, в частности, о наличии противоправных замыслов могут свидетельствовать частое сглатывание слюны, неестественное поведение, определенная жестикаляция и иные аспекты.

В современной России теракты, а также угрозы их совершения приобрели особый характер прежде всего из-за деятельности запрещенных на территории Российской Федерации организаций. За последние годы в крупных европейских городах (Лондон, Барселона, Ницца, Париж, Ман-

честер) совершено много террористических актов. Россия также не стала исключением.

В подобной ситуации особенно актуальными становятся вопросы поиска новых и разработки уже имеющихся способов эффективного раскрытия и расследования преступлений террористической направленности, центральным звеном которых по-прежнему (несмотря на развитие информационных технологий) выступает человек — террорист. В связи с этим особую важность в вопросах противодействия терроризму играют методики установления личности террориста, знание и умелое применение которых будет способствовать полному, объективному и всестороннему расследованию преступлений террористической направленности.

Список источников

1. *Омарова Ю. А.* Средства индивидуализации граждан // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6.
2. *Зинин А. М.* К вопросу о соотношении криминалистической физиогномики и криминалистической габитоскопии // Эксперт-криминалист. 2016. № 3.

А. Е. Юрицин

Полицейское противодействие экстремизму при проведении массовых мероприятий

Проведение массовых мероприятий нередко сопровождается попытками деструктивных сил дестабилизировать общественно-политическую обстановку, в том числе посредством экстремистской деятельности, которая выступает одним из основных источников угроз государственной и общественной безопасности.

Экстремизм нарушает права и свободы человека и гражданина, являющиеся «одной из высших культурных ценностей цивилизации, поскольку они ставят личность в центр всех процессов исторического общественного развития» [1, с. 29]. Любые проявления экстремизма способствуют распространению крайних мировоззрений, посягают на общепризнанные права и свободы человека и гражданина, подрывают авторитет государственной власти.

Существующие в настоящее время новые социальные реалии наглядно демонстрируют, что одним из наиболее значимых показателей деятельности полиции по обеспечению прав и свобод человека и граж-

данина является основанное на соблюдении требований законности осуществление полномочий и обязанностей [2, с. 144].

Выступая 17 февраля 2022 г. на расширенной коллегии МВД России, Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев указал: «В числе приоритетов остается противодействие экстремизму. В тесном контакте с коллегами из заинтересованных ведомств проведены мероприятия по пресечению распространения радикальной идеологии. По материалам Министерства, семь структур признаны экстремистскими и одна — террористической»¹.

В 2021 г. в Российской Федерации почти на треть увеличилось количество случаев экстремизма: было зарегистрировано 1057 преступлений экстремистской направленности, что на 27% больше, чем в 2020 г. В основном их раскрывали сотрудники МВД РФ (567 преступлений, рост на 13%). Больше всего экстремистов оказалось в Москве (59 преступлений), на втором месте — Дагестан (58), на третьем — Кемеровская область (54)².

Экстремизм принято определять как приверженность к крайним взглядам (мерам). Являясь мощным криминогенным фактором, экстремизм формирует атмосферу социальной напряженности в обществе. Он представляет реальную опасность не только для общественного порядка, но и для государственного устройства.

Роль полиции не сводится только к выявлению и раскрытию преступлений и правонарушений экстремистской направленности, но предполагает комплекс мероприятий (оперативных, организационных, тактических), направленных на взаимодействие граждан и полиции по недопущению перерождения экстремизма в наиболее острую и более общественно опасную его форму — терроризм [3, с. 10].

В соответствии с действующим российским законодательством обязанности полиции выражаются в предупреждении, выявлении и пресечении экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан.

Согласно ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», на последнюю возлагаются обязанности: принимать в соот-

¹ *Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 17 февраля 2022 года.* URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/67795 (дата обращения: 12.05.2022).

² URL: <https://ria.ru/20211020/ekstremizm-1755317270.html> (дата обращения: 12.05.2022).

ветствии с Федеральным законом меры, направленные на предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан (п. 16); участвовать в мероприятиях по противодействию терроризму и в обеспечении правового режима контртеррористической операции, а также в обеспечении защиты потенциальных объектов террористических посягательств и мест массового пребывания граждан в проведении экспертной оценки состояния антитеррористической защищенности и безопасности объектов (п. 17).

В настоящее время значительные ресурсы полиции задействуются для обеспечения безопасности крупных региональных, всероссийских и международных общественно-политических и спортивных мероприятий [4, с. 3]. Эффективное и своевременное реагирование полиции на факты проявления экстремизма при проведении массовых мероприятий требует применения всего комплекса необходимых мер со стороны органов внутренних дел (полиции).

К основным направлениям полицейского противодействия экстремизму при проведении массовых мероприятий следует отнести: оказание содействия безопасному проведению массового мероприятия; обеспечение личной безопасности граждан при проведении массового мероприятия; пресечение преступлений, административных правонарушений экстремистской направленности, других нарушений общественного порядка и безопасности; в пределах, установленных действующим российским законодательством, оказание помощи и содействия должностным лицам и организаторам массового мероприятия в обеспечении соблюдения участниками и зрителями законодательно установленных правил поведения; оказание содействия другим государственным органам в обеспечении мер общественной безопасности; обеспечение охраны общественного порядка на территории, где мероприятия непосредственно не проводятся [5, с. 333].

Кроме того, необходимо проведение общих профилактических превентивных мероприятий, в том числе направленных на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремизма (в том числе предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц).

Для дальнейшего совершенствования деятельности полиции по противодействию экстремизму в период проведения массовых мероприятий считаем целесообразным: улучшать межведомственное взаимодействие

с Министерством юстиции Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации, Росгвардией; осуществлять сбор информации о деятельности общественных объединений и граждан, склонных к проявлениям экстремизма; на основе полученной информации предпринимать индивидуальные профилактические меры в отношении лидеров и активных участников формирований экстремистской направленности; в рамках служебной подготовки обеспечить систематическое изучение (в том числе контроль качества усвоения) нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы противодействия экстремизму.

Претворение в жизнь указанных мероприятий позволит более эффективно оказывать полицейское противодействие экстремизму при проведении массовых мероприятий.

Список источников

1. *Лавров Ю. Б.* Частное право и его роль в формировании гражданского общества в Российской Федерации : монография. М., 2017.
2. *Теоретические основы формирования отрасли полицейского права* : монография. Омск, 2019.
3. *Противодействие органов внутренних дел экстремизму и терроризму* : учеб. пособие / С. Н. Миронов [и др.] Казань, 2017.
4. *Административная деятельность полиции: Часть Общая* : учеб. пособие / под ред. проф. О. И. Бекетова. Омск, 2015.
5. *Административная деятельность полиции: Часть Особенная* : учеб. пособие / под ред. проф. О. И. Бекетова. Омск, 2016.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрющенко Татьяна Ивановна — начальник кафедры конституционно-го и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Асмандиярова Наиля Римовна — доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Астафьев Иван Николаевич — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Бекетов Олег Иванович — профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Бекмурзинова Камила Кайратовна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Бокова Ирина Борисовна — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Боровская Светлана Леонидовна — старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск).

Бувака Наталья Анатольевна — преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск).

Булатов Борис Борисович — судья Кировского районного суда г. Омска, кандидат юридических наук, доцент.

Вербицкий Евгений Борисович — курсант 3 курса факультета милиции общественной безопасности Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск).

Волков Кирилл Сергеевич — заместитель начальника штаба УМВД России по Омской области — начальник инспекции.

Воронов Анатолий Иванович — профессор кафедры физической подготовки Омской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

Горячев Андрей Александрович — старший научный сотрудник 1 отдела НИЦ 4 ВНИИ МВД России (г. Москва).

Грязнова Татьяна Евгеньевна — начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Джумабекова Альбина Журсуновна — докторант Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова.

Довбышенко Константин Владимирович — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России.

Емельянова Анастасия Анатольевна — заместитель начальника — начальник отделения воспитательной работы отдела морально-психологического обеспечения Омской академии МВД России.

Жайтуменова Альфия Рамазановна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Зайцева Екатерина Васильевна — заместитель начальника кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Зиборова Ольга Сергеевна — доцент кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Инкин Виталий Вячеславович — курсант 2 курса факультета подготовки экспертов-криминалистов и оперативных сотрудников полиции Волгоградской академии МВД России.

Катаева Ольга Владимировна — начальник кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент.

Клоков Евгений Александрович — начальник кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Кожевников Олег Александрович — профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор.

Козун Александр Владимирович — доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Корнейчук Сергей Васильевич — старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шпракбека Кабылбаева.

Корыц Сергей Иванович — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Кузнецов Александр Александрович — профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Ландерсон Наталья Викторовна — заместитель заведующего кафедры административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия (г. Москва), кандидат юридических наук, доцент.

Левшук Ольга Ивановна — доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск), кандидат юридических наук, доцент.

Леонова Татьяна Алексеевна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург).

Литвякова Светлана Викторовна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Майле Алексей Давидович — служащий Министерства внутренних дел федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн (ФРГ), кандидат юридических наук (Россия), доктор права, магистр административных наук (ФРГ)

Майоров Владимир Иванович — профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Малявко Александр Иванович — курсант 3 курса факультета милиции общественной безопасности Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск).

Меджидов Шамиль Хабибулаевич — курсант 4 курса Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России.

Перепелицына Юлия Ростиславовна — старший преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат филологических наук.

Пивоваров Данила Владимирович — начальник кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Попов Дмитрий Владимирович — начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент.

Райх Ксения Сергеевна — инспектор отделения по работе с соотечественниками, беженцами и вынужденными переселенцами отдела по вопросам гражданства Управления по вопросам миграции УМВД России по Хабаровскому краю.

Рунаев Роман Юрьевич — доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

Сергеев Михаил Викторович — старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Омской академии МВД России.

Старостин Александр Александрович — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Сургутсков Вадим Игоревич — заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Толочко Андрей Николаевич — доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск), кандидат юридических наук, доцент.

Торгерсен Александр Сергеевич — старший преподаватель кафедры огневой подготовки Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

Трофимова Светлана Александровна — адъюнкт адъюнктуры Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина.

Фаисханов Ринат Рифгатович — старший помощник начальника отдела правового обеспечения Управления Ростгвардии по Забайкальскому краю (г. Чита).

Филиппов Олег Юрьевич — начальник кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Шапошников Сергей Геннадьевич — адъюнкт кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России (г. Москва).

Шелег Ольга Алексеевна — доцент кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Юрицин Андрей Евгеньевич — проректор по научной работе ЧОУ ДПО «Кластер» (г. Омск), кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА И МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ. АДМИНИСТРАТИВНО- ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Асмандиярова Н. Р. Некоторые правовые аспекты деятельности органов внутренних дел по предупреждению экстремистских проявлений.	3
Боровская С. Л., Вербицкий Е. Б. Правовые и организационные основы деятельности участкового инспектора милиции по профилактике правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, по законодательству Республики Беларусь.	6
Бувака Н. А., Райх К. С. О критериях, необходимых для участия в государственной программе Хабаровского края «Оказание содействия добровольному переселению в Хабаровский край соотечественников, проживающих за рубежом»	9
Волков К. С. Является ли дорожный знак конклюдентным актом управления?.....	14
Горячев А. А. Взгляды полицейстов конца XIX — начала XX вв. на проблемы регулирования отношений в области защиты здоровья населения и общественной нравственности	17
Грязнова Т. Е. Институт административной юстиции: взгляд Б. Н. Чичерина	20
Емельянова А. А. Административно-правовая профилактика правонарушений, совершаемых подростками, осуществляемая подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в современных условиях.	22

Кожевников О. А. Министерство внутренних дел России в единой системе публичной власти.	24
Ландерсон Н. В. Меры административного понуждения, применяемые в сфере контрольно-надзорной деятельности полиции.	28
Левшук О. И., Малявко А. И. Профилактика нарушений Правил дорожного движения пешеходами в Республике Беларусь: современное состояние и направления совершенствования.	40
Майоров В. И. Актуальные проблемы профессионального становления сотрудников органов внутренних дел.	43
Перепелицына Ю. Р., Меджидов Ш. Х. Проблемы общения сотрудника органов внутренних дел с гражданами.	50
Попов Д. В. Полиция как континуум возможностей в биополитической модели государственного управления.	54
Рунаев Р. Ю., Инкин В. В. Особенности взаимодействия полиции и общества в современных условиях.	59
Сургутсков В. И. Укрепление участкового звена — приоритетное направление в современном развитии МВД России.	63
Трофимова С. А. Местное самоуправление в воззрениях В. Н. Лешкова.	67
Шапошников С. Г. Административно-правовой статус сотрудника подразделения полиции по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.	69

РАЗДЕЛ II. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андрющенко Т. И. Рассмотрение административных исков в административном судопроизводстве.	75
Бекетов О. И. Административно-правовое понуждение и принуждение в деятельности полиции.	79

Бекмурзинова К. К. Презумпция невиновности в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения.	83
Бокова И. Б. Осуществление полицией административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: проблемы и пути их решения	86
Булатов Б. Б. Применение положений КоАП РФ об обратной силе закона к нормам, изначально носящим временный характер.....	88
Довбышенко К. В. О необходимости выделения в российском законодательстве самостоятельной полицейской процедуры «полицейское задержание».....	93
Катаева О. В. Современные проблемы реализации административной ответственности за правонарушения в сфере оборота информации, содержащейся в информационных ресурсах в сфере миграции	95
Козун А. В., Астафьев И. Н. К вопросу о современных тенденциях правоприменительной и судебной практики по делам о неповиновении законному распоряжению или требованию сотрудника полиции.....	98
Корнейчук С. В. Особенности полицейского надзора за выполнением ограничений, установленных защитным предписанием	101
Корыц С. И. Исполнение постановления о лишении права управления транспортным средством: перспективы развития	104
Леонова Т. А. Несовершенство действующего законодательства в части установления ответственности за совершение семейно-бытовых правонарушений.....	106
Литвякова С. В. Применение сотрудниками полиции физической силы при задержании несовершеннолетнего правонарушителя	109
Майле А. Д. Полицейский надзор за лицами, представляющими потенциальную угрозу (на примере Германии).....	112
Пивоваров Д. В., Зайцева Е. В. Осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов ..	116

Сергеев М. В. Наружный досмотр или личный досмотр: что обеспечит личную безопасность сотрудника полиции	120
Старостин А. А. О некоторых аспектах производства по делам об административных правонарушениях, связанных с идентификацией личности, в том числе гражданства (подданства) правонарушителя	123
Торгерсен А. С. Актуальные вопросы применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия ограниченного поражения.	127
Фаисханов Р. Р. О некоторых проблемных вопросах контроля за обеспечением условий хранения (сохранности) оружия.	131

РАЗДЕЛ III. ИНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Воронов А. И. Использование элементов ситуационного обучения сотрудников органов внутренних дел навыкам применения физической силы	137
Джумабекова А. Ж. Высокая степень организованности и устойчивости как основополагающий признак в доказывании преступной организации	140
Зиборова О. С. Перспективы информационных технологий органов внутренних дел	146
Клоков Е. А. Формирование положительного имиджа сотрудников органов предварительного расследования	149
Кузнецов А. А., Жайтуменова А. Р. Условия проведения предварительной проверки материала по факту мелкого хищения в форме кражи, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию	151
Толочко А. Н. Матричные методы в теории и практике борьбы с преступностью	155
Филиппов О. Ю. Организация обучения сотрудников полиции основам применения огнестрельного оружия в условиях неопределенности порядка и оснований его применения	158

Шелег О. А. Некоторые аспекты противодействия терроризму	163
Юрицин А. Е. Полицейское противодействие экстремизму при проведении массовых мероприятий	166
Сведения об авторах	170

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА

Редактор О. В. Арефьева

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор М. Ю. Чалкова

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 22.12.2022. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 120 экз. Заказ № 322.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7